

Б-193177/3

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УФИМСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

Центр этнологических исследований

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР
НАРОДОВ УРАЛА

Издательство «Гилем»
УФА — 1999

Б-193177/3

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УФИМСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
Центр этнологических исследований

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР НАРОДОВ УРАЛА

К

Издательство "Гилем"
УФА - 1999

069(башк) 069 + 39 (= 943.43) (башк)
+ 39 (= 943.43)

ББК 63.5
В40

УФА АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
УФА БИОГРАФИЧЕСКОЕ ЦЕНТРО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
УФА НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ЗАПАСНИК

Взаимодействие культур народов Урала: Сб. статей. Уфа: Гилем, 1999. 271 с.

ISBN 5-7501-0108-8

Посвящается 20-летию образования Музея археологии и этнографии УНЦ РАН – одного из немногих музеев академического профиля в Волго-Уральском регионе, а также итогам научно-исследовательской и научно-организационной деятельности Отдела народов Урала с МАЭ (в настоящее время Центр этнологических исследований УНЦ РАН) за последнее десятилетие. Публикуются новейшие исследования в области теоретической и исторической этнологии, этносоциологии и этнополитологии, а также статьи по материальной и духовной культуре народов РБ, музееведению.

Книга рассчитана на широкий круг читателей: этнологов, социологов, историков, краеведов, а также тех, кто интересуется вопросами этнической истории и культуры народов Башкортостана.

Книга издана при финансовой поддержке Фонда фундаментальных исследований Академии наук Республики Башкортостан.

Редакционная коллегия:

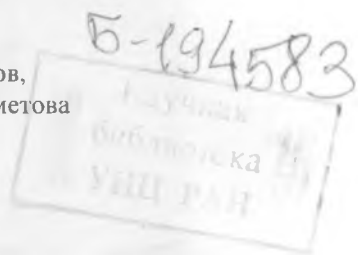
к.и.н. И.Г.Петров (отв. ред.),
к.и.н. И.М.Габдрафиков, к.и.н. Р.И.Якупов

Рецензенты:

к.и.н. М.Б.Ямалов,
к.и.н. Т.Г.Миннихметова

В 050500000-5
16Г(03)-99

Без объявл.

ISBN 5-7501-0108-8

© Издательство "Гилем", 1999

ПРЕДИСЛОВИЕ

В череде больших и малых дат 1996 г., имеющих отношение к истории Уфимского научного центра РАН и Академии наук РБ, одна во многом знаменательна – исполнилось 20 лет Музею археологии и этнографии. Решение о его создании было принято Секретариатом Башкирского обкома КПСС 20 января 1976 г., а 12 марта этого же года Президиум Башкирского филиала АН СССР издал приказ, в соответствии с которым Институту истории, языка и литературы совместно с историческим факультетом БГУ поручалось начать непосредственную работу по организации фондов и созданию музейных экспозиций.

Потребовалась колоссальная работа по концентрации и научной организации фондов, разработке научной концепции и детализации содержания будущих выставок, реконструкции и дизайнерскому оформлению помещений, устройству и оборудованию выставочных модулей. Однако благодаря энтузиазму, а главное – творческому порыву преданных своему делу единомышленников – ученых, музейных работников, дизайнеров, художников-оформителей и др. – эта работа была проделана на очень высоком уровне и в кратчайшие сроки. Путь от первоначального замысла до готовых музейных экспозиций занял чуть более четырех лет.

Особый вклад в накопление и создание фондов, в разработку экспозиций внесли этнографы Н.В.Бикбулатов, С.Н.Шитова, археологи Н.А.Мажитов, А.Х.Пишеничнюк, В.А.Иванов, Б.Б.Агеев, Ю.А.Морозов, антрополог Р.М.Юсупов. Перепланировка помещения для экспозиционных залов, внутренняя отделка и организация общего интерьера музея, конструирование шкафов-витрин и подиумов, крепление экспонатов и другие инженерно-технические работы выполнены группой дизайнеров во главе с В.Л.Матулайтисом. Все художественно-графические работы осуществлены В.Д.Диановым, А.А.Холоповым и А.В.Веселовым. Общее руководство всеми работами по созданию музея осуществлял Р.Г.Кузеев.

Открытие музея в декабре 1980 г. стало ярким событием в научной и общественной жизни республики и получило живой отклик на страницах печати. Факты, связанные с историей создания музея, получили отражение в отдельных публикациях*, хотя подлинная история музея еще не написана и ждет своего исследователя.

* См., например: Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Мажитов Н.А., Пишеничнюк А.Х. О создании музея археологии при Башкирском филиале АН СССР // Этническая история народов Урала и Поволжья: Препринт. Уфа, 1976. С. 3–6; Кузеев Р.Г., Пишеничнюк А.Х.,

Сегодня МАЭ – единственный специализированный музей академического профиля в Урало-Поволжском регионе. Здесь сосредоточены археологические и антропологические собрания по древнейшей, древней и средневековой истории Южного Урала, собраны репрезентативные этнографические материалы и предметы быта по народам края: тюркским, восточнославянским, финно-угорским и др. Ценность фондов МАЭ заключается в том, что в совокупности они представляют собой уникальные коллекции раритетов и памятников, отражающих многовековые контакты и взаимодействия различных культурных потоков и цивилизаций на границе Европы и Азии, становление и этническую историю башкирского этноса, а также других народов южно-уральского региона. В этой связи необходимо также добавить, что эти коллекции обладают огромным источниковым потенциалом и образуют благодатное поле для деятельности специалистов самых разных направлений: ученых, краеведов, художников, искусствоведов и др.

Как и любой другой музей, МАЭ осуществляет разностороннюю научно-просветительскую деятельность. Ежегодно с его экспозициями и выставками знакомятся до 15 тыс. человек. В залах музея посетители могут увидеть не только подлинные памятники, но и почерпнуть богатую информацию по истории и истории культуры народов, которые населяли наш регион с глубочайшей древности до начала XX столетия. Музей предоставляет своим гостям возможность получить глубокие и систематические знания о происхождении и расселении народов Южного Урала, о различных типах хозяйства, об эволюции культуры, об искусстве, об образе жизни наших предков.

Другой, не менее важной особенностью МАЭ является органическое сочетание и взаимодействие музееведения и музейного дела с фундаментальными научными исследованиями. С момента своего открытия музей является составной частью Отдела народов Урала УНЦ РАН*. Сегодня в составе Отдела функционируют 4 научно-

Бибкулатов Н.В. Деятельность Музея археологии и этнографии в 1981-1982 гг.: Препринт. Уфа, 1982; *Они же.* Музей археологии и этнографии Башкирского филиала АН СССР // Советская этнография. 1980. № 3. С.75-82; Музей археологии и этнографии Башкирского филиала АН СССР // Этнографические музеи СССР: Перечень. Л., 1989; Музей археологии и этнографии: Путеводитель. Уфа, 1993; Истоки. 1996. № 8. С.2-8; *Краснова Р.* Прикосновение Мидаса // Вечерняя Уфа. 1996. 6 дек.; и др.

* До начала 1990-х гг. отдел находился в составе Института истории, языка и литературы УНЦ РАН. С декабря 1993 г. является самостоятельным научным подразделением и входит в состав Уфимского научного центра под наименованием Отдел народов Урала и МАЭ (Музеем археологии и этнографии).

исследовательских сектора: 1) этнологии народов Урала (три группы – тюркская, финно-угорская и восточнославянская этнология); 2) теоретической и исторической этнологии; 3) этносоциологии и этнополитологии; 4) музейных фондов и музееведения. В настоящее время в ОНУ и МАЭ работает 30 научных сотрудников, из них 1 чл.-корр. РАН, 3 доктора, 15 кандидатов наук). За 1991-1996 гг. сотрудники Отдела опубликовали 17 монографий, более 50 научных статей, провели 5 международных и региональных конференций. За последние несколько лет накоплены новые материалы и создана обширная база для издания новых монографий по этнологии народов Башкортостана, урбаноэтнологии, этнополитологии, этноэкологии, документальных и тематических серий. В области ряда теоретических проблем (историко-этнографические регионы, структура и подразделения этноса, этнические процессы, национальные движения и др.) Отдел внес и вносит заметный вклад в этнологическую науку. Все это свидетельствует о том, что в своем нынешнем виде он является крупным научно-исследовательским центром, ведущим комплексные исследования по этнической истории, культуре и быту народов Урала.

В настоящий, "юбилейный", сборник, посвященный 20-летию МАЭ и итогам научно-исследовательской и научно-организационной деятельности Отдела за 1991-1996 гг., вошли материалы научной конференции ОНУ "Народы Башкортостана: этническое и культурное взаимодействие". Конференция прошла в г. Уфе 22-24 мая 1996 г. и по сути явилась итоговой. На ней были заслушаны доклады и сообщения научных подразделений Отдела, а также коллег из других учреждений, тематика докладов которых соответствовала целям и задачам конференции. Это обстоятельство в значительной степени оказало влияние на структуру книги и ее концептуальную направленность.

Структурно сборник состоит из четырех разделов. Первый раздел – "Взаимосвязь и взаимодействие народов и культур Южного Урала в процессе исторических и современных контактов" – открывает статья заведующего Отделом чл.-корр. РАН Р.Г.Кузеева, в которой дан обстоятельный анализ деятельности ОНУ за пятилетие и обозначены перспективы будущих исследований. Сюда же включены работы, в которых содержатся новейшие материалы по исторической этнологии башкир (статьи Ф.Ш.Абсаликовой, Ф.Ф.Шаяхметова, А.С.Халфина), тептярей (Р.И.Якупов), русских (Е.С.Данилко, И.В.Кучумов), удмуртов (Т.Г.Миннихметова). Богатый фактический материал о польской диаспоре на Южном Урале содержится в статье В.В.Латыповой.

Во второй раздел книги – "Современные этносоциальные и этнополитические процессы в Башкортостане" – вошли исследовательские работы этносоциологов и этнополитологов. Статьи М.Д.Киекбаева и Г.Ф.Ахметовой посвящены современному городу, социально-культурной адаптации башкир к городской среде и связанным с ней проблемам. Глубокий и системный анализ современных этноязыковых процессов применительно к условиям Башкортостана проведен в статьях Р.Р.Галлямова и Ф.Г.Сафина. Известный этнополитолог профессор Б.Х.Юлдашбаев исследует начальные этапы национально-государственного строительства Башкирской автономии и акцентирует внимание на этнодемографических и этнотерриториальных аспектах, возникших при его осуществлении.

В последнее время в отечественной этнологии активно стали разрабатываться темы, посвященные современным национальным движениям. В этом контексте чрезвычайно интересной и содержательной представляется статья В.Я.Бабенко, посвященная проблемам этнонационального развития украинцев Башкортостана.

Статьи третьего раздела посвящены материальной культуре и декоративному искусству народов РБ (Г.Р.Кутушева, Е.Е.Никонорова), а также некоторым итогам и аспектам деятельности МАЭ (работы И.Г.Петрова и И.В.Фроловой).

И, наконец, завершает книгу раздел "Персоналия". По решению редакционной коллегии в эту часть вошли материалы, написанные в память видного башкирского этнолога, незаурядного и талантливого ученого – Наиля Валеевича Бикбулатова (1931-1996), неутомимой деятельности которого обязан и МАЭ, потому что Наиль Валеевич был одним из инициаторов при его создании и формировании этнографических коллекций. Живой интерес к делам Отдела и Музея он сохранил до конца своих дней.

Нам представляется, что предложенная монография вполне отражает тематику и направления научных исследований Отдела и Музея и вводит в научный оборот новые материалы и исследования, которые смогут удовлетворить читательские интересы широкого круга людей: этнологов, социологов, историков, краеведов, а также тех, кто интересуется вопросами этнической истории и культуры народов Башкортостана.

И.Петров, Р.Якупов.

I. ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДОВ И КУЛЬТУР ЮЖНОГО УРАЛА В ПРОЦЕССЕ ИСТОРИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ КОНТАКТОВ

Р.Г.Кузеев

ЭТНОЛОГИЯ В РБ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА (к итогам деятельности Отдела народов Урала с Музеем археологии и этнографии в 1991-1995 гг.)

Прошедшие 5 лет во многих отношениях были знаменательными. После распада СССР наша обновленная Россия страстно и мучительно ищет и прокладывает пути в будущее. Этот процесс еще не завершился; более того – он лишь вступает в решающую фазу своего развития. В отличие от 1985 г., когда началась "перестройка", для общества все более становится понятным, что для перехода огромной страны на новую историческую фазу развития необходимы высокое образование и высокая культура для масс, зрелое гражданское и обновленное этническое самосознание, которые явились бы основой социальной гармонии и социального единства наций. Собственно, это проблема не только России. Можно сказать, весь мир накануне III тысячелетия переосмысливает пройденный человечеством путь, исторический опыт разных народов и одновременно с опасением и оптимизмом пытается заглянуть в будущее.

Конец XX в. в России стал необычным и для науки. Изменился социальный статус науки, в том числе академической, произошли и происходят структурные изменения, сместились акценты в научных направлениях, особенно в гуманитарных и социальных дисциплинах. Однако это лишь начало тех крупных преобразований, которые несут науке рыночная экономика и новые ориентации государства и общества. В обстановке этих перемен, когда общий кризис идеологизированных в прошлом гуманитарных наук совпал с затуханием бюджетного финансирования, российская этнология не только сохранила свои позиции, но и в какой-то степени укрепила их. Прежде всего это касается Института этнологии и антропологии РАН, который продемонстрировал высокую адаптивность к новым условиям деятельности, создал ряд новых научных направлений, начал и успешно освоил издание неизвестных ранее этнологических и этнографических серий. Также актив-

но с творческой новизной работают Кунсткамера имени Петра Великого в Санкт-Петербурге, этнологические центры в Новосибирске, Омске, Томске, Казани и других городах России. Возникли новые центры этнологических и этносоциологических исследований, возрос кадровый корпус специалистов – этнологов и социологов. В настоящее время Ассоциация этнографов и антропологов России собирает сведения с целью создания банка данных об этнографических учреждениях в РФ, а также о работающих в них этнографах (этносоциологах, этнополитологах) и антропологах.

Расширение центров исследования этнических проблем объясняется прежде всего резко возросшей актуальностью проблематики межэтнических, межнациональных отношений, возникшими задачами по возрождению и развитию этнических культур. Определенную роль сыграло и то, что отечественная этнология была менее идеологизированной, выполняла (и выполняет) огромную роль по изучению народов России, их культурного многообразия. В то же время в последние годы происходит существенная переориентация исследовательских интересов этнологических центров в сторону изучения этнических аспектов реформирования и преобразования общества. Надо надеяться, что начатые и ведущиеся сегодня этнологические и этносоциологические исследования позитивно повлияют на формирование новых ориентаций самых различных структур общества.

К сожалению, происходит сокращение (или не происходит роста) исследований по собственно этнографической проблематике: по традиционной материальной и духовной культуре и картографическому обобщению этих изысканий, по этнографии, этнодемографическому картированию, религии и верованиям, этнографии городской культуры и т.д. По существу прекращены из-за отсутствия средств экспедиции; полевые исследования в основном ведутся энтузиастами; почти не поступают новые материалы в музейные фонды. Между тем ученые старшего поколения знают, что на протяжении XX в. у полевой этнографии была трудная судьба. Именно поэтому Россия и сегодня остается страной, народы которой в этнографическом отношении изучены крайне недостаточно. Ситуация, сложившаяся в этой области сегодня, объясняется просто: при отсутствии или резком сокращении бюджетного финансирования зарубежные фонды, отечественные спонсоры, фонды многочисленных академий выдают гранты преимущественно исполнителям "горячей" проблематики по современным этносоциаль-

ным и этнополитическим процессам, прогнозу и предупреждению этнических конфликтов и др.

Происходящие структурные изменения в проблематике этнографических центров понятны и естественны: такова суть исторического момента; в этом нуждается общество. Направлением движения российского общества, его национальностей активно интересуются зарубежные центры исследований и фонды. В то же время этнографам необходимо обсудить распределение сил и средств в будущем. При этом надо исходить из того, что этнография успешно развивается только при постоянном пополнении базы своих данных новым полевым материалом, что систематика различных сфер материальной и духовной культуры этноса или контактирующих этносов с обобщающим картографированием является ценнейшей основой для реконструкции истории народной культуры и понимания потенциала ее инерции в наше время, что исследования современных этнокультурных процессов адекватны реальности лишь при глубоком знании ретроспективы, при построении схем (подтвержденных всей совокупностью источников) генетической, преемственной связи культурных пластов и при возможно широком учете горизонтальных межэтнических взаимодействий и заимствований.

Но проблема перспектив развития нашей науки не только в этом. Будущее этнологии прогнозировать сложно, хотя некоторые события и процессы, похоже, бросают определенный свет на направление новых дорог.

Теоретический авангард мировой этнологии вот уже более двух десятилетий, а возможно, и дольше, находится в поисках. Временами она не без успеха претендовала на методологическую роль в цикле гуманитарных наук. Новые и обновленные идеи возникали преимущественно в русле теории культуры. Не в последнюю очередь благодаря этим исследованиям культуры или сформировавшиеся на определенном пространстве культурные системы (в том числе цивилизации, их локальные варианты, историко-культурные провинции, регионы...) были выдвинуты в качестве доминанты при пространственной классификации народов мира и важными факторами истории.

Этими же исследованиями была поставлена проблема о роли этноса в истории. Едва ли ее можно считать исчерпанной; на протяжении тысячелетий роль этноса менялась, так же как постоянно меняется сам этнос. Взрыв этничности в конце XX в. дал повод некоторым исследователям вновь выдвинуть тезис о том, что этнос является главным

(иногда единственным) субъектом истории. И, действительно, роль этносов в исторических процессах в прошлом была велика; импульсы этничности повышают их роль и в событиях новейшей истории. Однако исторический опыт и определившиеся в XX столетии тенденции позволяют переместить акценты на гражданские сообщества, которым, очевидно, принадлежит будущее на евразийских просторах (при сохранении в течение длительного времени этносов и этничности).

Поразительные процессы сегодня происходят и в самой науке. Хорошо известно, что два универсальных явления в мире – этнос и этническая культура почти два столетия были главными объектами исследований этнологии. Начиная с 60-х годов и особенно в последние 10 лет этнос и этнокультурные процессы все более становятся предметом интереса многих других наук – гуманитарных, социальных и все шире – естественных. Главная цель этого явления – стремление глубоко понять и адекватно объяснить движение мира, историю человечества и использовать новые знания для создания обновленного баланса, равновесия в сложных обществах. За столетия развития человечество создавало различные философские концепции своего собственного осмысления – религиозные, идеалистические, материалистические (в том числе марксистскую и марксистско-ленинскую), культурно-исторические, цивилизационные ... Смею думать, что в исследовании и понимании этих фундаментальных проблем отечественная этнология, несмотря на очевидные ошибки, занимала в целом позитивные позиции. Но сегодня современная этнология, на мой взгляд, накапливает потенциал для очередного прорыва, который оформится в обновленное осмысление роли культуры, цивилизаций, этноса, этнических процессов в современном и будущем мире.

В этой ситуации отечественная этнология, видимо, также скорректирует исследовательские горизонты. Придавая доминирующее значение возрастающим универсальным тенденциям движения от этнических сообществ к гражданским, приходится в то же время учитывать сложность этого процесса (одновременно социального, политического, правового, культурного ...) вообще и хронологические несовпадения стадийного развития гражданских сообществ в Западной Европе и на пространствах Евразии в частности. Именно это обстоятельство и является основой незатухающих дискуссий вокруг проблемы этноса и его роли в истории. Последнее побуждает еще раз обратить внимание на то, что на нынешнем этапе принципиально важно знать глобальные тенденции этнических, социальных, культурных, языковых,

демографических процессов, исследовать проблемы региональных этнических и культурных движений на широком фоне евроазиатских и межконтинентальных связей.

Между тем многие противоречия теоретического и прикладного характера сохраняются или рождаются на почве или инерционного мышления (научные исследования порой все еще находятся в гипнозе границ бывших союзных и автономных республик СССР; этнология же вышла на новые рубежи), или мышления, излишне модернизированного на западный образец (желания "ускорить" этносоциальные или социально-этнические процессы на евразийском пространстве РФ наталкиваются на сопротивление фактического материала, характеризующего современную этнокультурную ситуацию и "возрожденческое" движение). Очевидно, специфика ситуации заключается в объективном существовании общего пласта культуры и общих черт менталитета на евразийском пространстве бывшего СССР. Тогда это будет свидетельствовать об особом пути движения (длительном и "полиэтничном" по характеру) народов евразийского пространства к гражданскому обществу¹. Не исключено, что гражданское общество на пространстве РФ (или в будущем – на более обширном пространстве Евразии) будет по этнической и культурной структуре не тождественным западным гражданским обществам, хотя, естественно, фундаментальные правовые основы этих обществ, особенно касающиеся прав человека, во всем мире будут опираться на общие фундаментальные принципы.

Вероятность различных или различающихся вариантов будущего еще раз подчеркивает необходимость развернутого этнографического изучения евразийских народов по тщательно разработанным программам. Этим программам целесообразно, видимо, учитывать, что прошло (или проходит) 450 лет с начала великого колонизационного движения Русского государства и русского этноса на восток вплоть до тихоокеанских просторов, Тянь-Шаня и Памира. За эти столетия на этом пространстве возникли и угасли две империи, которые, однако, несмотря на могущество и вполне имперскую политику не смогли подавить этничность многочисленных народов. Очевидно, фактор пространства сыграл свою роль (в совокупности с конфессиональными различиями, особенностями демографической ситуации...). Однако этот фактор остается, как остаются и даже обретают новую силу воздействия кон-

¹ См. об этом: Кузеев Р.Г. Традиционное и современное в культуре народов // Традиции и современность в культуре народов. Уфа: Гилем, 1998.

фессиональные, демографические, культурно-традиционные факторы. Все это вновь ставит перед обществом давно возникший, но не устаревший вопрос: мы находимся накануне строительства "третьей" империи или же движения к демократическому государству с "евразийской спецификой"? В этой ситуации ученые-этнологи призваны дать обществу новые знания о народах и их культурах.

* * *

На фоне этого обзора обратимся к деятельности Отдела народов Урала с Музеем археологии и этнографии (ОНУ с МАЭ УНЦ РАН) в 1991-1995 гг. Музей археологии и этнографии (МАЭ), 20-летие которого мы отмечаем, был создан в 1976-1980 гг. в составе ИИЯЛ и явился одним из значимых результатов развития археологических и этнографических исследований в республике. Открытие МАЭ состоялось в самом начале 1980 г. Собираателями фондов и создателями музея были ученые сектора археологии и сектора этнографии ИИЯЛ. Разработки генерального плана музея, концепции его экспозиций, комплектование фондов и подготовка принципов их систематизации, дизайнерское оформление музейных залов, проектирование, изготовление, монтаж музейной мебели и экспозиционных шкафов, создание крупногабаритных экспонатов, обобщающих карт, художественное оформление экспозиций, разработка спрессованных, но крайне информативных текстов на трех языках (башкирском, русском, английском) – все это было делом крайне сложным и трудоемким. Оно было выполнено и выполнено на высоком уровне за четыре года¹. Сегодня с уважением и признательностью хотелось бы назвать несколько имен ученых-энтузиастов, которые на своих плечах вынесли груз этой очень тяжелой работы – Н.В.Бикбулатова, к сожалению, безвременно ушедшего из жизни, А.Х.Пшеничнюка, Р.М.Юсупова, В.А.Иванова, С.Н.Шитова, Н.Г.Рутто, а также руководителя группы дизайнеров Л.В.Матулайтиса, главного художника А.Холопова. Огромную поддержку МАЭ оказали Н.А.Мажитов, Р.З.Янгузин, покойные ныне К.В.Сальников, В.А.Генинг, Б.Б.Агеев и др., которые предоставили фондам МАЭ материалы своих полевых исследований и непосредственно участвовали, как

¹ См.: Кузеев Р.Г., Пшеничнюк А.Х., Бикбулатов Н.В. Деятельность Музея археологии и этнографии в 1981-1982 гг. Препринт. Уфа, 1982; Они же. Музей археологии и этнографии Башкирского филиала АН СССР // Советская этнография. 1990. №3.

Н.А.Мажитов, в конструировании экспозиций. Уже тогда, в 1976-1980 гг., учеными-археологами и этнографами был заложен фундамент учреждения, в котором организационно объединялись музей и научные исследования, корпус источников и академические изыскания.

Однако в 1987 г. по предписанию службы МВД по противопожарной безопасности МАЭ был закрыт. Перед очень небольшим и молодым коллективом (в 1987-1990 гг. в МАЭ работало 15 человек) встала нелегкая задача перестроить экспозиции, доделать то, что не успели сделать в 1976-1980 гг. Естественно, активно включились в новую работу упомянутые археологи и этнографы ИИЯЛ, а также молодые в то время ученые института Л.И.Нагаева, М.Г.Муллагулов, Ф.Ф.Фатыхова и др. Художественное оформление осуществила группа художников во главе с Н.И.Бахтияровым. Основная тяжесть работы по проектированию и созданию в натуре этнографических экспозиций легла на плечи молодежи, в то время аспирантов и стажеров-исследователей Р.И.Якупова, И.Г.Петрова, В.Я.Бабенко, А.Р.Ганеевой, Т.Г.Миннихметовой. Работа отняла несколько лет. Успешное ее завершение стало возможным благодаря созданию Академии наук РБ и материально-финансовой поддержке с ее стороны.

В июне 1992 г. музей, его обновленные экспозиции, новые этнографические залы, специальный павильон для демонстрации сарматской золотой коллекции были торжественно открыты. Одним из главных результатов проделанной работы стало оформление ядра коллектива ученых и музейных работников, т.е. более глубокое организационное объединение научно-исследовательского и музейного учреждений. К этому времени (1992 г.) в Отделе народов Урала с МАЭ работало уже 24 человека, в т.ч. 10 научных сотрудников. В ноябре 1993 г. Постановлением Президиума Уфимского научного центра РАН Отдел народов Урала с МАЭ был выделен в отдельное учреждение в составе УНЦ РАН. Отдел, естественно, сохранил сложившиеся связи и сотрудничество с ИИЯЛ.

К концу 1995 г. в ОНУ с МАЭ работали 50 человек, в том числе 28 научных сотрудников (2 доктора, 9 кандидатов наук), 12 аспирантов и стажеров-исследователей. С 1994 г. при Отделе работает Специализированный совет по защите кандидатских диссертаций по специальностям 07.00.07 (этнология, этнография, антропология), 07.00.06 (археология). К настоящему времени состоялось 12 защит*. Среди защитивших диссер-

* К концу декабря 1998 г. на спецсовете состоялось 23 защиты.

тации работники Отдела, ИИЯЛ, вузов РБ, специалисты из институтов и вузов Казани, Волгограда, Челябинска, Ульяновска, Саранска и др.

Таким образом, прошедшие пять лет (1991-1995 гг.) явились периодом завершения организационного объединения и оформления музея с его фондами, с научно-исследовательскими секторами Отдела. Это позволило наладить систему подготовки кадров, при которой все аспиранты и стажеры-исследователи проходят музейную специализацию в фондах, в экспозиционных залах, собирательских экспедициях. Ядро этого коллектива уже сложилось, хотя формирование молодой генерации специалистов – этнологов, этносоциологов, музейных работников продолжается. Естественно, что этот процесс в нынешних условиях идет нелегко. И все же результат налицо: за 5 лет опубликовано 10 монографий, сборников научных трудов, около 120 статей в различных изданиях, музей принял более 40 тыс. посетителей, провел 225 экскурсий. Отделом ежегодно организуются экспедиции и экспедиционные выезды, которые позволяют систематически пополнять фонды этнографическим материалом, расширяются российские и международные связи. Отдел выступил соучредителем и организатором Второй Международной конференции "Россия и Восток: проблемы взаимодействия" (Уфа, 1993), соучредителем и активным участником организации Третьей и Четвертой Международной конференции "Россия и Восток ..." (Челябинск, 1995; Омск, 1997) и других международных, российских и региональных конференций и семинаров.

В целом к концу 1995 г. удалось укрепить и развить как музейную, так и научно-исследовательскую части Отдела, который стал известным центром исследований и научно-просветительской деятельности. Об этом свидетельствуют полученные научные результаты¹.

* * *

В 1991-1995 гг. исследования Отдела проводились по 5 направлениям:

1. Теория этноса и этнических процессов

Результаты исследования:

а) Разработана методика этногенетических исследований. Основным объектом исследования на макроуровне является не собственно

¹ "Отчет Отдела народов Урала с Музеем археологии и этнографии о работе в 1991-1995 гг." опубликован (Уфа, 1996. С.3-71). Здесь приводятся краткие итоги.

этнос, а территория (субконтинент, историко-этнографическая область, историко-культурный регион ...), включающая конкретную совокупность этнических образований (находящихся во взаимодействии и в состоянии динамического развития). На микроуровне объектом исследования являются подразделения этноса, в масштабе которых отчетливо прослеживаются результаты длительных межэтнических взаимодействий.

Представлена классификация подразделений этноса по признакам происхождения. Они подразделяются на этногенетические, на смешанные внутриэтнические и межэтнические, сословные, конфессиональные. *Показано, что образование, развитие, исчезновение подразделения этноса или превращение его в иное состояние есть постоянная составная этнического процесса.* Подразделения этноса изучены на материалах Волго-Уральского региона XV-XX вв. Однако они существовали всегда; с момента возникновения этнических единиц имели место процессы их разделения (бифуркации, сегментации) и объединения (интеграции). *Главные функции этнических процессов – реализация механизма взаимодействия этноса с природой, с другими этносами, организация жизненного пространства, системы жизнеобеспечения.*

б) *Историческая роль этнических процессов, их социально-исторические функции двойственны: с одной стороны, широкая совокупность факторов (природно-географических, демографических, хозяйственно-культурных, социально-политических ...) воздействует на направления, темпы, результаты этнических процессов, с другой – этнические процессы достаточно автономны от этих факторов и сами воздействуют на общеисторический процесс.* Этнический процесс зависим пространственно, поэтому этнос абсорбирует часть хозяйственно-культурных, социальных и других традиций, свойственных в разное время другим этносам региона. Этнические процессы на исторически организованном пространстве в историческом масштабе времени более стабильный фактор, чем собственно этнос.

в) Роль территории в этнических процессах шире современных ареалов расселения этноса. В исторической ретроспективе она может охватывать пространства в далеком и близком отдалении от современной территории этноса. *Территориальный фактор способствует усилению роли культуры в жизнедеятельности этноса, уменьшению роли природы, трансформации языка в зонах активных контактов и взаимодействия.* В то же время конкретная совокупность упомянутых

факторов до сих пор в полном объеме сохраняется, хотя их значимость меняется. Это означает, что этногенетический процесс в рамках историко-этнографического региона не может "закончиться", тем более "окончательно". Этногенез на этапах эволюционного покоя порой кажется прекратившимся. Однако этногенетический процесс изначально дискретен, поэтому он постоянно возобновляется и будет возобновляться пока существует человечество. *В рамках отдельного этноса "этногенез" теоретически конечен и связан с разными формами исчезновения или трансформации этноса.*

в) *Этнический процесс универсален во всем многообразии мира: он не может быть однолинейным; для него характерны восходящая и нисходящая линии развития.* В глобальном масштабе этническим процессам свойственно медленное эволюционное развитие, прерываемое импульсами, радикальной трансформацией. Политические факторы (государство, демографическая, миграционная политика) выступают внешними причинами усложнения этнической структуры. В то же время структура этноса сложна: реагируя на внешние импульсы, этнос периодически обнаруживает тенденцию то к делению (сегментации), то к консолидации (интеграции) или к обоим процессам одновременно. *Это означает, что в мире, по крайней мере в зонах межэтнических контактов, нет и не может быть "чистых" этносов. Каждый этнос – сложный результат взаимодействия субстратных и суперстратных компонентов.*

д) Как в прошлом, так и в настоящее время этнические процессы сохраняют относительную автономность, имеют собственные закономерности развития и, соответственно, воздействуют на исторический процесс. Все это делает необходимым дальнейшую разработку проблемы "Этнос и история".

Опубликовано:

1. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С.3-347.

2. Этнос и его подразделения. Часть первая: Этнические и этнографические группы. М., 1992. С.3-183; Часть вторая: Этнические и этнографические группы в Волго-Уральском регионе. М., 1992. С.3-172.

3. Бабенко В.Я. Украинцы Башкирской ССР. Поведение малой этнической группы в полиэтничной среде. Уфа, 1993. С.3-260.

Кроме отдельных изданий опубликовано 25 статей в различных отечественных и зарубежных журналах.

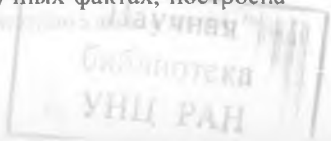
2. Народы Башкортостана: историко-этнографические исследования и источниковедение

Итоги исследования:

а) Впервые выполнено монографическое исследование, посвященное отдельному историко-культурному региону (ИКР). Становление, развитие, трансформация Волго-Уральского ИКР рассматривается посредством анализа длительных культурных связей и взаимодействий финно-угорских, тюркских, восточнославянских народов. Показаны факторы, стимулирующие или сдерживающие этнокультурные процессы, этапы формирования общего регионального слоя культуры, этногенетические и культурные результаты процесса, повлиявшие на этнографический состав, демографическую характеристику и поведение населения региона. Обширное пространство Волго-Уральского региона, чрезвычайно пестрое по этническому составу и культурной характеристике населения, явилось зоной масштабного соприкосновения и взаимодействия культурных потоков из Восточной Европы (первоначально русской, затем украинской, белорусской, позже латышской, эстонской, немецкой и др.), из Азии, а также местных народов (уральских и алтайских). Именно здесь реализовались первые результаты культурного синтеза, который получил название евразийского.

б) Выполнено монографическое исследование (Ф.А.Шакурова), в котором рассматриваются генезис и эволюция башкирской общины. В книге доказано, что на определенном этапе развития (XVII-XVIII вв.) башкирская волость совмещала в себе этническую единицу (племя или часть племени), общину-вотчину и административное образование – волость как таковую. Сложная, трехмерная башкирская волость аккумулировала особенности исторического образования Башкортостана и башкирского общества в эпоху позднего средневековья. Эта особенность, в первую очередь, отражала процессы взаимодействия башкирского общества с Русским государством, интеграционное развитие различных культур в евразийском синтезе.

в) Передана в издательство "Гилем" книга "Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки" с цветными и черно-белыми иллюстрациями (объем около 40 а.л.). Впервые в отечественной историографии выполнено исследование о народах РБ, их истории, этногенезе, культуре, быте, обычаях. Книга рассчитана на широкого читателя, однако основана на строго выверенных научных фактах, построена

на новейших концепциях и взглядах по проблемам истории этносов и культур.

Каждому народу – башкирам, татарам, чувашам, мордве, марийцам, удмуртам, русским, украинцам, белорусам, немцам, латышам, евреям – посвящена отдельная глава. В специальных разделах представлены история миграций различных этнических групп на территории Башкортостана, формирование этнического состава населения, современной демографической ситуации. Во всех главах книги уделено внимание исследованиям процессов этнокультурного взаимодействия в условиях многонациональной среды. *Показано, что контакты и взаимодействия тюркских, финно-угорских, восточнославянских этносов имели сложные результаты: наряду с формированием общего (регионального) слоя культуры все народы сохранили свою этничность и потенциал самобытного национального развития.*

Показано также, что исторический опыт и инерция хозяйственно-культурного взаимодействия и сотрудничества народов являются важным фактором современной стабильности в регионе*.

На этносоциологических материалах установлены тенденции в поведении этносов, этнических групп и их культур в условиях доминирования интеграционных процессов в советские годы, а также в пост-тоталитарное время в условиях возрождения традиционных культур.

Книга содержит свод сведений о народах Башкортостана, может быть использована в качестве учебника, научного справочника.

г) Впервые за многие десятилетия возобновилось историко-этнографическое изучение народов региона – тюркских, финно-угорских, восточнославянских. Опубликовано серия работ по исторической этнографии и этностатистике народов Башкортостана. Значительная часть исследований глубоко ретроспективна: она посвящена генезису тех или иных компонентов духовной и материальной культуры, древним и средневековым этапам взаимодействия народов. Эти проблемы, как правило, рассматриваются на широком евразийском фоне. В работах, посвященных средневековью, подвергаются обновленному анализу многие аспекты взаимодействия России с народами Волго-Уральского региона, вошедшими в состав Русского государства в XVI – начале XVII столетия. Особое внимание уделяется характеру вхождения народов в состав России, формированию нового этнического состава населения региона, демографии, хозяйственно-культурной

* Книга, в связи с отсутствием средств, до сих пор не опубликована.

адаптации. Серия историко-этнографических работ выполнена в рамках трех международных конференций "Россия и Восток: проблемы взаимодействия", в организации и проведении которых Отдел принимал активное участие.

д) Цикл статей исследует различные аспекты традиционной культуры, взаимодействие субстратных и суперстратных слоев культуры. Расселяющиеся в Башкортостане финно-угорские (удмурты, марийцы, мордва), тюркские (башкиры, татары, чувашаи), восточнославянские (русские, украинцы, белорусы) народы, а также их этнографические и этноконфессиональные группы (нагайбаки, кряшены, казаки, старовееры, тептяри и др.) в большей степени, чем материнские этносы, сохранили традиционные и древние компоненты народной и конфессиональной культуры. Выполненные работы являются вкладом в общую тюркологию, финно-угроведение и славистику.

е) Ведется работа по источниковедению, пополнению корпуса источников новыми данными, по возобновлению забытых. По археографии и источниковедению народов Башкортостана опубликовано 30 работ. Отдел принял участие в издании серии "Этнополитическая мозаика в Башкортостане" в трех томах. В т. II опубликованы стенограммы первых трех всебашкирских Курултаев (съездов) в 1917 г. Публикации открывают новые возможности для исследования национально-освободительного движения башкир, оценки этнополитической ситуации в Башкортостане в 1917 г.

Отдел приступил к подготовке документальной серии в пяти томах "Национально-государственное строительство в Башкортостане. 1917-1925 гг.". Серия создаст новую источниковую базу для исследования истории государственности в Башкортостане.

Завершена подготовка к изданию трехтомного собрания сочинений первого члена-корреспондента РАН Петра Ивановича Рычкова. В сборник включены крупные сочинения П.И.Рычкова, имеющие важное значение для понимания истории России XVIII столетия: "История Оренбургская", "Осада Оренбурга", "Топография Оренбургской губернии". В третьем томе впервые с XVIII в. будут переизданы исследования П.И.Рычкова "О пользе и сохранении лесов", о пещере Шульган-Таш, о бортничестве в Башкирии и др. Интерес представят мемуары и родословная П.И.Рычкова. В том III включена полная библиография сочинений П.И.Рычкова, в том числе рукописных работ, обширная библиография трудов о П.И.Рычкове. Тома сопровождаются именованным, географическим и этническим указателями.

Издание трудов исследователя XVIII в. возвратит в научный оборот богатейший и во многом забытый свод фактов и сведений по истории, географии, этнографии, экологии Урала и Поволжья, по хозяйству, культуре и быту тюркских, финно-угорских и славянских народов.

Опубликовано:

1. Ковязин С.А. Русское население Башкирии (история, современность, религия, обряды). Уфа, 1991. С.1-46.
2. Шакурова Ф.А. Башкирская волость и община в середине XVIII – первой половине XIX в. Уфа, 1992. С.3-178.
3. Валиди А.З. История башкир. Уфа, 1992. Предисловие к книге: Кузеев Р.Г. Тюрки и башкиры в истории Евразии (к изданию двух исторических сочинений Ахмед Заки Валиди). С.5-8 (на башк.яз.).
4. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С.3-347.
5. Кузеев Р.Г., Мухамедьяров Ш.Ф. Тюрки в Среднем Поволжье и на Южном Урале. Уфа, 1992. С.1-22.
6. Бабенко В.Я., Пазяк Н.М. Украина – Башкортостан: годы испытаний и сотрудничества (по материалам экспедиций украинских фольклористов, этнографов, языковедов в украинских селах Башкирии в 1941-1943 гг.). Уфа, 1993. С.3-127.
7. Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Материалы II Международной конференции. Уфа, 1993.
8. Бабенко В.Я. Украинцы Башкортостана. Уфа, 1993. С.3-260.
9. Петров И.Г. Чуваша Башкортостана. Популярный очерк этнической истории и традиционной культуры. Уфа, 1994. С.1-67.
10. Миннияхметова Т.Г., Христолюбова Л.С. Удмурты Башкортостана. Уфа, 1994. С.1-55.
11. Этнологические исследования в Башкортостане. Уфа, 1994. С.3-227.
12. Бабенко В.Я., Ахатова Ф.Г. Песенный фольклор украинских переселенцев Башкирии. Киев; Уфа, 1995. С.3-240.
13. Профессор истории Алтон Стюарт Доннелли // Доннелли А. Завоевание Башкирии Россией. 1552-1740 / Пер. с англ.яз. Уфа, 1995. С.7-16.
14. Сидоров В.В. Салават наш был герой. Уфа, 1995. С.3-160 (на башк.яз.).
15. Кучумов И.В. Башкирский император Китая. Уфа, 1995. С. 3-112.

Кроме отдельных изданий опубликовано около 70 статей в различных отечественных и зарубежных журналах, сборниках.

3. Взаимосвязи и взаимодействие этносов и культур в процессе их исторических и современных контактов

Проблемы взаимодействия этносов и культур разрабатываются с недавнего времени.

Результаты исследований:

а) Накоплен корпус новых данных по проблеме, характеризующей поликультурный регион Волго-Уральской историко-этнографической области. Этнические и культурные контакты уральских (финно-угорских), индоевропейских (индоиранских), алтайских (тюрко-монгольских) народов прослежены с эпохи древности до современности. Особенное внимание уделено исследованию этнокультурных контактов и взаимодействий (начиная с XV-XVI вв.) тюркских и финно-угорских народов с восточнославянским, прежде всего с русским, этносом. Ряд исследований посвящен судьбам культур народов региона в советские десятилетия, в условиях ломки и трансформации культурных традиций и насильственной их модернизации. В результате накоплен крупный свод разнообразных источников и сведений, который надолго станет основой для теоретических и конкретно-этнографических исследований этнокультурных контактов и взаимодействий в регионе.

б) Установлено, что культура есть процесс; культурные явления (как в материальной, так, тем более, в духовной сферах) находятся в состоянии постоянного и бесконечного развития. **Культура является объективной реальностью, но в ней всегда присутствует компонент субъективной конструкции, мифотворчества.** В традиционной культуре – в религиозных представлениях о мире, преданиях о происхождении (этногенезе) племени (народа), – конструкция, как правило, более очевидна.

в) Сделан вывод о том, что в результате длительных контактов и взаимодействий различных по происхождению и культуре народов в полиэтничной и поликультурной среде складывается слой региональной культуры, общей для всех народов определенного пространства. Региональный культурный слой включает компоненты хозяйственной и материальной культуры, однако, как показали исследования по Башкортостану, в нем заметное место занимают компоненты духовной

культуры. **Общий слой региональной культуры выступает фактором устойчивости взаимоотношений народов.**

г) Культурные изменения прежде всего происходят в зонах (часто маргинальных) активного контакта и охватывают части этноса. Части этноса, подвергшиеся определенной аккультурации, формируются постепенно в подразделения этноса, которые и выступают главным фактором механизма культурных изменений. Подразделение этноса в ходе углубления взаимодействия может обрести тенденцию превратиться в этнографическую группу материнского этноса, в этническую группу соседнего этноса (этноса – культурного донора). Обрисованный механизм культурных процессов обстоятельно исследован и описан на материалах народов Башкортостана и Волго-Уральского региона.

д) Традиционная культура народов формируется и развивается под воздействием динамичной совокупности факторов: природных, демографических, хозяйственных, социально-политических, собственно историко-культурных. В то же время этнокультурный процесс может обрести определенную автономность и выступить самостоятельным фактором, воздействующим, прежде всего, на социально-политическую ситуацию, а через нее на другие компоненты общественной жизни – природные, демографические, миграционные, культурные.

На нынешнем уровне наших знаний можно ограничиться гипотезой, согласно которой этнос в сложном взаимодействии с совокупностью упомянутых факторов вырабатывает ядро этнической культуры, которая и становится стержневой характеристикой этноса. В ходе дальнейшего развития в жизни и поведении этноса роль природы, хозяйства, других факторов может снизиться, а роль культуры повысится. Культура становится той доминантой, которая определяет интенсивность этнического самосознания, а также поведение этноса и этнического индивидуума.

Опубликовано:

1. Кузеев Р.Г. Этнос, культура, экология. Уфа, 1991. С.1-43.
2. Этнос и его подразделения. Часть первая. Этнические и этнографические группы. М., 1992; Часть вторая. Этнические и этнографические группы в Волго-Уральском регионе. М., 1992.
3. Якупов Р.И. Тептяри: сословие или этнос // Этнос и его подразделения. Часть вторая. М., 1992. С.167-170.

4. Бабенко В.Я., Кузеев Р.Г. Этнографические и этнические группы (к проблеме гетерогенности этноса) // Этнос и его подразделения. Часть первая. М., 1992. С.17-37.

5. Халфин А.С. Развитие традиционной культуры жизнеобеспечения башкир и русская колонизация Башкирии (этноэкологический аспект проблемы) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть II. Челябинск, 1995.

Кроме отдельных изданий опубликовано 20 статей в различных сборниках и журналах.

4.Межнациональные отношения на Урале: этносоциологические и этнополитологические исследования

Исследования по этносоциологии в ОНУ с МАЭ начались с 1990 г. В Уфе и Москве прошли аспирантскую подготовку первые специалисты. Сейчас в Отделе по данному направлению работают 4 кандидата наук, один аспирант, два стажера-исследователя.

Научные результаты:

а) Впервые получены значимые результаты в области этнополитологии. На основе новых источников показаны особенности социально-политического развития РБ в конце 1980-х – начале 1990-х гг.; проанализированы предпосылки и факторы изменения статуса республики; показан процесс формирования и противоречивость становления федеративных отношений в России на примере взаимоотношений с Республикой Башкортостан; прослежены ход и последствия этноязыковых процессов, сравнены "идеологемы", выдвигаемые представителями различных движущих сил суверенизации РБ; показано этнополитическое значение дискуссий вокруг проблемы государственного языка.

б) Завершено исследование "Хозяйственная жизнь и социально-культурные ориентации современной сельской семьи (на примере татар северо-западного Башкортостана)". Работа выполнена на междисциплинарном уровне с использованием материалов и методов этнологии, социологии, демографии и экономической науки. Проблема развития современного села исследована с точки зрения семьи, ее реакции на происходящие макропроцессы в стране. В этом новизна работы. Собственные этносоциологические обследования населения, привлечение широкого круга статистических источников позволили автору установить новации в формировании хозяйственных и социально-культурных ориентаций современной сельской семьи в условиях соци-

ально-экономических и общественно-политических преобразований. Установлено, что усадьбное хозяйство сельской семьи имеет потенциальную возможность более быстро и органично адаптироваться к рыночным отношениям. Часть семейных хозяйств имеют четко выраженную тенденцию развития от натуральной направленности к товарной. Рыночно ориентированная семья стремится четко обозначить функции каждого члена семьи, что находит отражение в выборе специальности, в овладении несколькими профессиями и т.д. Работа посвящена исследованию сельской семьи конца 1980-х – начала 1990-х гг., т.е. ее хронологические рамки совпали с переходными процессами в общественной жизни страны. В этом плане исследование имеет научно-практическую ценность. С одной стороны, оно дает представление о развитии семейных отношений и семейного хозяйства в XX в., с другой стороны, исследование фиксирует современное состояние хозяйства сельской семьи и первые признаки его возрождения.

в) В книге "Новейшая история Башкортостана" освещается история Башкортостана от победы Февральской революции в 1917 г. до современных социально-политических перемен. Автор стремится по-новому взглянуть на наиболее значительные политические и социально-экономические процессы и события в истории Башкортостана: национально-государственное строительство, гражданская война, коллективизация, индустриализация, Великая Отечественная война, послевоенные годы и современность.

г) Начаты исследования в области урбанозтологии. Проанализирован значительный массив информации об этнических процессах в городах Башкортостана. Показано, что этнические процессы в городах республики меняются; развиваются типы самоидентификации, названные территориально-этнической (башкиры), этническо-территориальной (русские), культурно-территориальной (татары). Выявлено, что этническое самосознание башкир в городах сохраняется, хотя и меняются признаки этнической самоидентификации, имеются тенденции к растягиванию процесса культурной адаптации к урбанизированной среде.

д) Начата работа по созданию банка данных по этносоциологии и этнополитологии Башкортостана. В 1993 г. Отдел участвовал в выполнении экспериментальной части международного проекта "Язык, национальность и бывший Советский Союз" с участием ученых США и РФ. В ходе работы согласован и издан вопросник, подготовлена выборка исследования и организован опрос населения в 7 городах РБ,

заполнено 1200 анкет. Собранный в ходе экспериментальной части проекта материал введен в ЭВМ, получены одномерные, двумерные и трехмерные сочетания.

В 1995 г. был проведен этносоциологический опрос по международному проекту "Межнациональная толерантность и внутринациональная солидарность в постсоветской России" в городах Уфе, Белорецке, Октябрьском и Давлеканово.

е) С 1993 г. Отдел является участником электронной сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов в рамках российско-американского проекта "Урегулирование межэтнических конфликтов в постсоветском пространстве" (организаторы Проекта – Институт этнологии и антропологии РАН, г.Москва, центр по урегулированию конфликтов Школы права при Гарвардском университете, г.Кембридж, США). Три сотрудника Отдела прошли в Москве специальную подготовку для работы на компьютере с модемом. В течение 1993-1995 гг. подготовлено и отправлено в московский и гарвардский офисы Проекта 25 аналитических обзоров и сообщений по этнополитическим проблемам в Республике Башкортостан; 12 из них опубликованы в ежеквартальном бюллетене Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов в постсоветских государствах. В аналитических обзорах представлена динамика этнополитической ситуации в РБ, воздействие на нее различных факторов, политической и экономической жизни общества.

На базе проекта готовится программа создания в Отделе народов Урала рабочей группы экспертов по "Неотложной этнологии". В задачи группы входят анализ этнополитической ситуации в республике, экспертные оценки, рекомендации по урегулированию существующих конфликтных ситуаций, моделирование и прогнозирование развития межнациональных отношений, этносоциального и этнокультурного развития национальных групп.

Опубликовано:

1. Кузеев Р.Г. История и социология в понимании современной этнокультурной ситуации (пример Башкортостана) // Конференция по бывшим социалистическим обществам. Турция, Анкара, 15-18 сентября 1994 г. Уфа, 1994. С.1-22 (на русс. и англ.яз.);

2. Финно-угорские народы Башкортостана. Статистический сборник / Составители Миннихметова Т.Г., Ярмингина Л.М. Уфа, 1994. С.1-42.

3. Башкиры и Башкортостан. Этностатистика / Составитель и автор ввводной статьи Юлдашбаев Б.Х. Уфа, 1995. С.3-105.

4. Габдрафиков И.М. Серия аналитических обзоров в сети этнологического мониторинга // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М., 1995. Январь. С.17-20, 35-36, 36-37, 37-38, 39-42, 44-45, 45-46.

5. Юлдашбаев Б.Х. Новейшая история Башкортостана. Уфа, 1995. С.3-287.

Кроме указанных изданий опубликовано более 30 статей в различных отечественных и зарубежных сборниках, журналах, сериях.

5. Музей и музейные фонды, собирательская, реставрационная, хранительская, выставочная деятельность

Результаты:

а) За последние годы в Музее археологии и этнографии сложились благоприятные условия для взаимодействия фундаментальных научных исследований с музейным делом. Основные направления музейной деятельности связаны с систематизацией археологических и этнографических фондов, сбором новых коллекций и пополнением фондовых хранилищ, экспозиционной, научно-просветительской и культурно-массовой работой. Продолжается работа по каталогизации музейных коллекций. В 1994 г. издан первый выпуск каталогов МАЭ. Каталог вводит в научный оборот сведения о более 800 археологических памятниках Южного Урала, хранящихся в фондах МАЭ. Каталог содержит систематизированные сведения, необходимые для научных исследований по древней и средневековой истории региона. Готовятся к публикации второй выпуск каталога археологических памятников региона эпохи средневековья, каталоги коллекции "Сарматское золото", этнографических собраний МАЭ.

б) В 1991-1995 гг. археологические фонды пополнились на 300 ед. хр., этнографические – 500 ед. хр. Расширилась работа по составлению новых тематических музейных экспозиций и временных выставок. За отчетный период подготовлены экспозиции: "Сокровища сарматских курганов", "Женская одежда и украшения финно-угорских народов Башкортостана", "Народное искусство чувашей Башкортостана", "Русский мещанский быт начала XX столетия", "Находки года" (по материалам экспедиций МАЭ 1994-1995 годов).

Выставки знакомят посетителей с наиболее ценными музейными экспонатами, поступившими в музей за последние годы в результате экспедиций и экспедиционных выездов.

За отчетный период в музее побывало около 40 тыс. человек, в т.ч. более 50 зарубежных делегаций. Проведено 1250 экскурсий. Кроме обзорных экскурсий для посетителей музея стали проводиться тематические лекции, вечера и массовые театрализованные представления, посвященные культуре народов РБ. Экспозиции и залы МАЭ постоянно используются для подготовки серии телепередач из цикла "Сокровища родного края", научно-популярных фильмов, в т.ч. по заказам зарубежных киностудий (Турции, Венгрии, США). Фотографии и негативы коллекций из фондов МАЭ постоянно используются при издании научных и популярных книг, рекламных проспектов о Республике Башкортостан и его многонациональном народе.

Важным направлением деятельности МАЭ является полевая экспедиционная работа.

в) В целях повышения квалификации музейных работников РБ, овладения навыками полевой работы в 1995 г. на базе МАЭ был организован семинар по проблемам этнографического музееведения с участием ведущего научного сотрудника Эстонского национального музея (г.Тарту) д.и.н. А.Ю.Петерсона. Программа семинара охватывала различные аспекты теории и практики музейного дела. Ценным явилось обобщение практического опыта работы Эстонского национального музея в области фондовой, научно-исследовательской, экспозиционной, научно-собирательской работы.

Музей археологии и этнографии продолжает сотрудничество с вузами гуманитарного профиля, главным образом БГУ и БГПИ. Особое внимание во время практики уделяется вопросам организации музейных фондов, ведения документации, проектирования музейных экспозиций, работе с детьми с использованием музейных средств.

МАЭ совместно с Министерством образования РБ принимает участие в работе по пропаганде этнографических знаний и их внедрению в систему школьного образования. Сотрудники ОНУ с МАЭ в рамках республиканского фестиваля юных этнографов и фольклористов "Народные жемчужины" выступают в качестве научных консультантов, составителей конкурсных заданий и кураторов, принимают участие в организации районных и зональных детских и юношеских этнографических слетов и экспедиций. Сотрудники МАЭ постоянно выезжают на районные педагогические конференции и семинары, на кото-

рых выступают с докладами о различных формах этнографической, краеведческой, поисковой работы с детьми, в т.ч. в рамках школьных музеев.

Опубликовано:

1. Каталог археологических коллекций Музея археологии и этнографии: палеолит, мезолит, неолит, энеолит, эпоха бронзы и раннего железа / Составитель Н.Г.Рутто. Уфа, 1994. С. 3-127.

2. Музей археологии и этнографии. Буклет: тексты и аннотации Р.Г.Кузеева и Р.И.Якупова, оформление Н.И.Бахтиярова. Уфа, 1994. С.1-15 (иллюстрации).

3. Статьи Р.С.Рашитовой, Ю.А.Морозова, Н.Г.Рутто и И.Г.Петрова // Музееведение. Уфа, 1996. Вып.1.

Кроме указанных отдельных изданий опубликовано более 10 статей в различных сборниках, журналах.

* * *

Итак, за истекшие 5 лет сложилось научное учреждение, организационно сочетающее музей (с фондами) и академические исследования. Заглядывая в будущее, мы планируем использовать специфику и преимущества такого сочетания для накопления и модернизации корпуса источников, подготовки высокопрофессиональных кадров, выполнения научно-исследовательских работ по сложившимся и новым научным направлениям. Мы разработали несколько вариантов развития. Выбор и корректировка направлений деятельности будет зависеть от того, насколько мы сумеем укрепить материально-техническую базу Отдела, организовать финансирование из разных источников, сплотить коллектив сильных профессионалов. В любом варианте Отдел будет трудиться с тем, чтобы укрепить и приумножить достигнутое, принести пользу науке, народам России и Башкортостана.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ОСЕДЛОСТИ СРЕДИ ПОЛУКОЧЕВЫХ БАШКИР В XVII – НАЧАЛЕ XX В.: ИСТОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ КУЛЬТУРЫ

В этнической истории башкир переход от кочевого/полукочевого скотоводства к оседлости и земледелию представляет значительный интерес. Указанный процесс происходил в течение длительного времени (более трех столетий) под воздействием двух основных факторов: во-первых, создания условий для социокультурной инновации в рамках культуры самого этноса и, во-вторых, в результате взаимодействия с культурой соседнего оседло-земледельческого населения. Длительность данного процесса ставит ряд вопросов: является ли она проявлением консервативности традиционной культуры и результатом ее сопротивляемости, следствием неспособности к трансформации и модернизации, или же это показатель потенциала культуры этноса и ее восприимчивости к культурным инновациям?

Рассмотрение проблемы перехода кочевых башкир к оседлости и земледелию с позиции культуры и культурной динамики с привлечением методики цивилизационных исследований (civilisational studies) позволяет глубже проникнуть в явление. В этом смысле переходный процесс у башкир можно рассматривать как медленную и мучительную, но достаточно последовательную трансформацию традиционной культуры и приспособления ее к запросам изменяющейся эпохи. Естественно, что трансформацию культуры можно также рассматривать в качестве ответной реакции этноса на вызов Российского государства, сделавшего ставку на внешнеполитическую экспансию и колонизацию, экстенсивное использование природных ресурсов и т.д.

В отечественной этнической культурологии в результате изучения различных этнических культур и их сопоставления, так называемого "диалога культур", сформировалась идея о "балансе культур" и "культурном плюрализме" [13, с.31-32]. По сути дела, утвердилось понимание различных этнических культур как абсолютно уникальных явлений в истории человеческой цивилизации. Многие положения этой идеи, вызвавшей дискуссии в научном мире, иногда противоречат концепции исторического прогресса, однако несут в себе гуманистическое начало – уважение к культурному достоянию всех народов. В этой связи дискуссионными представляются отдельные концепции, рас-

смастривающие кочевое скотоводческое хозяйство как примитивное и более отсталое по сравнению с оседло-земледельческим хозяйством. В свое время на ненаучность подобных концепций указывал Р.Г.Кузеев [12, с.6], однако они из-за своей этнополитической компоненты оказались достаточно живучи. Из прошлого к нам тянется шлейф взглядов об отсталости и неразвитости культуры башкир до присоединения к Русскому государству, о привнесении оседло-земледельческими народами, прежде всего русскими, выступавшими в процессе движения на восток в роли "культуртреггеров", культуры, цивилизации и приобщении к ним кочевников-башкир.

Прежде всего необходим осторожный и деликатный подход к анализу достижений культуры народов региона и уровня их цивилизационного развития. Во-вторых, кочевая культура, конечно, отличается от культуры оседло-земледельческих народов, однако от этого она не перестает быть яркой и уникальной формой культуры целого ряда народов Евразии на протяжении значительного периода времени.

Кочевничество (номадизм – англ.) – своеобразное явление в истории мировой культуры, уходящее своими корнями в глубь тысячелетий, являющееся одновременно и формой хозяйственной деятельности, основанной на отгонном скотоводстве в его экстенсивной форме, и образом жизни кочевого населения. Разделение скотоводов на более подвижных и на более оседлых одни исследователи относят к рубежу II-I тыс. до н.э. [23, с. 242], другие – к концу II тыс. до н.э. [5, с.72]. По крайней мере, к концу II тыс. до н.э. обширная территория континентальной Евразии на долгое время стала колыбелью кочевой культуры, кочевой цивилизации, которая просуществовала до современности, т.е. более 3 тыс. лет. За время развития кочевничества на территории Великой евразийской степи произошли глобальные геополитические, геоэтнические, культурные и другие процессы. Обширные хронологические рамки номадизма, становление и развитие кочевой культуры, не говоря уже о таких известных кочевых культурах, как скифо-сарматский мир, гунны, тюрки, арабы, монголо-татары, кипчаки и др., стимулируют интерес к номадизму, к кочевой культуре.

В истории Евразии кочевничество сыграло важную роль и потому занимает особое место. Ираноязычные скифо-сакско-сарматские племена до VIII-III вв. до н.э., сюнну-гуннские племена в период с конца I тыс. до н.э. до середины I тыс. н.э., тюрко-монгольский период с эпохи Великого переселения народов в середине I тыс. н.э. до этнографической современности – такова краткая эволюционная динамика

крупнейших кочевых цивилизаций в Евразии. В рамках указанных цивилизаций были достигнуты выдающиеся результаты в культуре: “царские” скифские курганы, сармато-аланские на Южном Урале, сакский могильник Пазырык и орхонская письменность на Алтае, арабская графика письма, древнетюркское письмо, шедевры мировой культуры: эпосы “Манас” – у киргизов, “Джангар” – у калмыков, “Урал-батыр” – у башкир, произведения устного народного творчества других кочевых общностей и многое другое.

Перемещения кочевых народов в истории, их военные походы и даже завоевания способствовали в определенной степени обновлению жизни и энергетической зарядке угасающих культур. К примеру, арабы Саудовской Аравии не только объединились в этническую общность, образовали государство, стали генерирующей силой при создании Халифата и распространении ислама, но также вдохнули новую жизнь в одряхлевшие древние цивилизации Ближнего и Среднего Востока. Кочевники-тюрки в начале II тыс. н.э. из рук арабов подхватили находящуюся в кризисе цивилизацию арабо-исламского мира. Монгольские завоевания, вначале приведшие к опустошению северо-восточной Руси, достаточно скоро сориентировали кочевников к созидательной деятельности, к созданию огромного государства Золотая Орда на просторах Великой степи.

Кочевую культуру в евроцентристской литературе часто называют застывшей в развитии, закоряченной формой культуры, что вызвано различиями в оценках ценностей кочевой культуры и образа жизни в глазах европейцев и собственно кочевников. В глазах первых кочевничество – архаическая и закоряченная культура, тормозящее (или препятствующее) развитие прогресса и этнического предпринимательства; юрта, войлоки, конина, временные поселения кочевников, зимние жилища и многое другое – это дикость, примитивизм, неприспособленность к жизни. В глазах самих кочевников их культура самодостаточна и эффективна, она обеспечивает условия жизни, необходимые для существования и воспроизводства культуры.

На первый взгляд, для евроцентристских утверждений есть определенные основания. Лишь только к середине I тыс. н.э. сформировались основные элементы материальной культуры – юрта, жесткое седло, вьючный транспорт, сабля и др., которые затем практически оставались неизменными. Многие ее элементы были схожи, а порой и тождественны в кочевой среде, в которой культурные достижения быстро становятся всеобщим достоянием. Это связано с подвижностью носи-

телей кочевой культуры, тесными межэтническими связями, часто идентичными условиями хозяйственной деятельности. В этой связи достаточно сложно бывает провести четкие грани между исконно этноспецифическими элементами культуры и заимствованиями.

Прогресс в кочевой культуре, несмотря на инерционный и замедленный характер, не мог не происходить: хозяйство, социальные связи, культура скифов, гуннов, тюрков и других кочевников древности заметно отличаются от хозяйства, социальной стратификации, культуры казахов, башкир, арабов и других кочевников нового и новейшего времени. В номадической культуре многие элементы материальной (вещной) культуры достигли определенных оптимальных форм в эпоху расцвета номадизма, оказались достаточно адаптированными к хозяйству, быту и образу жизни, к среде обитания, потому процесс их модернизации протекал замедленно. А вот в духовной культуре кочевников прогрессивные изменения происходили более динамично, что невозможно в консервативной, тем более регрессивной, не способной к созидательным импульсам культуре.

Как и другие кочевые народы, башкиры были знакомы с кочевым земледелием, однако оно не было развито в той форме, в которой могло бы удовлетворить потребности в сельскохозяйственной продукции. Поэтому достаточно широки были связи и сотрудничество башкир с соседними оседло-земледельческими народами. В частности, со времен Ибн-Фадлана известны экономические, а следовательно, и культурные контакты башкир с населением Волжской Булгарии в Поволжье [9].

Этнополитическая история башкир также имеет много общего с историей других кочевых народов Евразии: все кочевые этнические общности на определенном этапе своего развития оказались в составе сильных централизованных государств, основанных на ценностях оседло-земледельческой культуры. Казахи, киргизы, башкиры, калмыки, каракалпаки, туркмены, кипчаки, буряты, якуты, другие кочевые этнические общности Алтая и Сибири в разное время, в различных условиях оказались в составе Российского государства; монголы, уйгуры, часть казахов, киргизов, бурятов, калмыков и др. были подчинены маньжурской династии Китайской империи.

Наряду с общими для всех кочевников Евразийского континента элементами в кочевой культуре башкир имеется и ряд специфических особенностей, которые были вызваны социокультурной адаптацией кочевых башкир к среде обитания, к этнокультурной среде Волго-Уральского региона. Они касаются практически всех сторон этниче-

ской культуры: освоения приемов таежной охоты в лесной зоне, развития бортничества, а затем и пасечного пчеловодства, заимствованных у соседних народов, значительного сокращения маршрутов кочевых перемещений, складывания определенной формы землевладения и землепользования, приобретшей в условиях Российского государства форму вотчинного землевладения, перехода кочевых башкир ранее других кочевников Евразии к полукочевым, полукочевым формам скотоводства, а затем и к полной оседлости.

В отечественной литературе исследования перехода башкир к оседлости и земледелию получили развитие после появления концептуальной статьи Р.Г.Кузеева «Развитие хозяйства башкир в X-XIX вв. (к истории перехода от кочевого хозяйства к земледелию)». Р.Г.Кузеев переход башкир к земледелию во II тысячелетии рассматривает в нескольких периодах: 1) XI – XV вв. – период постепенного перехода от кочевого скотоводства к полукочевому; 2) XVII – первая половина XIX в. – почти полный переход к оседлости и земледелию (за исключением юго-восточных районов); 3) середина XIX – начало XX в. – распространение полной оседлости среди всех башкир [11].

В последующем указанная проблема рассматривалась в работах Х.Ф.Усманова и С.Н.Шитовой. Х.Ф.Усманов проводит мысль, что с конца XVI – начала XVII в. усиливается переход башкир к земледелию и оседлости, в XVII – XVIII вв. господствует полукочевое скотоводство, а в XIX в. процесс перехода к оседлости приобретает всеобщий характер. К концу XIX в. скотоводческое хозяйство перестает быть ведущей отраслью хозяйства башкир [19, 20].

Переход башкир к оседлости в работах С.Н.Шитовой рассматривается в связи с исследованием традиционных поселений и жилищ [22]. Распространение оседлости среди полукочевых башкир она связывает с изменениями, происшедшими в башкирском обществе после добровольного вхождения в состав Российского государства: строительство оборонительной линии и прокладка правительством пограничной полосы между башкирами и казахами, приток переселенцев, повышение плотности населения, размежевание башкирских земель и т.д. С.Н.Шитова выделяет два этапа в процессе перехода башкир к оседлости и развития у них поселений: 1) XVI – середина XVIII в., – основание поселений, начало истории многих современных деревень; 2) вторая половина XVIII – первая половина XIX в., – дальнейшее развитие и существенные изменения во внутриаульных отношениях [22, с.39].

История распространения оседлости и земледелия среди башкир в XVIII-XIX вв. рассматривается в работах А.З.Асфандиярова, Р.З.Янгужина и некоторых других авторов [2, 24].

После присоединения Башкирии к Русскому государству на территории Южного Урала начинает формироваться волна оседло-земледельческих переселенцев с Среднего Поволжья и Прикамья, также со второй половины XVI в. в регионе появляется русское население. С начала XVII в. Южный Урал и Приуралье становятся многонациональным регионом. По материалам I-й российской переписи (1719-1724 гг.), численность башкир в регионе составляла 71,4% от всего числа населения, II-й переписи (1742-1744 гг.) – 32,9, V-й (1794-1795 гг.) – 20,76, X-й (1859-1860 гг.) – 19,0 [8, с.107, 133, 178]. Таким образом, в XVIII в. в результате усиления переселенческого потока происходит устойчивое сокращение удельного веса башкир в общей численности населения региона. Во второй половине XIX в., по подсчетам Х.Ф.Усманова, на территорию Уфимской и Оренбургской губерний переселилось соответственно около 200 и 125 тысяч человек [18, с.82-83].

Возникшую проблему демографического давления правительство стремилось решать за счет перераспределения имеющихся земельных владений. Наикрупнейшими землевладельцами в регионе выступали башкиры-вотчинники, получившие царские жалованные грамоты на территории, занятые племенами и родами.

Институт вотчинного землевладения башкир, возникший на территории их расселения, стал причиной противоречий между башкирами и государством, между башкирами и оседло-земледельческим крестьянством. Данное противоречие можно рассматривать как столкновение традиционности башкир, культуры этноса с российской цивилизацией, с XV-XVI вв. ставшей на путь мобилизационного развития, основу которого составили внеэкономические формы хозяйствования, экстенсивное использование природных ресурсов, ставка на принудительный труд, внешнеполитическая экспансия и колонизация [21, с.383]. По отношению к башкирам Российское государство проводило политику изъятия вотчинных земель для строительства крепостей и городов, заводов и фабрик, приисков и рудников, для наделения дворянства, служилого сословия, крестьянства и т.д.

Ко времени присоединения к России основная часть башкир, пройдя этап "чистого" кочевничества, находилась на стадии полукочевого скотоводства (по типологии С.И.Руденко [16, с.3-4] и С.И.Вайн-

штейна [4, с.72–73]). Полукочевники имели постоянные поселения (*аул*) с постоянными в них жилищами, куда возвращались после летних кочевок.

Постоянные башкирские поселения возникли на базе зимних стоянок кочевников (*кышлау/кыштак*). Термин, обозначающий оседлое поселение с постоянными жилищами, имеет древнетюркское происхождение и общетюркское распространение. В тюркских языках термин *аул*, *ауыл* (другие фонетические варианты *авул*, *авыл*, *айыл*, *агыл*, *ыал*, *овул*) обозначает прежде всего *деревню, село, поселение, стан, стоянка, кочевье, жилище* [17, с.65]. Названия населенных пунктов Конпляуш, Кыштау, Тузлукуш, Макан-юрт и другие сохранили память о кочевом прошлом своих жителей.

В XVII – начале XVIII в. размеры аулов колебались в пределах 5–20 жилищ [6, с.96; 15, с.14, 17]. Постепенно число жилищ увеличивалось, приводя к укрупнению поселений. В второй половине XVIII в., по данным И.Г.Георги, в башкирской "деревне бывает дворов от 10 до 50. Они срублены из бревен худо и непрочно и состоят по большей части в одной избе с плоскою крышею..." [6, с.89]. Со временем часть родственников покидала разраставшиеся поселения и основывала новые – выселки, хугора (*утар*).

Первоначально башкиры часто переносили места своих поселений. И.Г.Георги объясняет это стремлением к "лучшему" месту [6, с.89], С.Н.Шитова – сохранением кочевых традиций [22, с.40]. В дополнение отметим, что склонность башкир к переносу жилищ внутри поселений и самих поселений было, видимо, также связано с эстетическими представлениями народа и действием утилитарно-гигиенических норм, выражавшихся в стремлении очиститься от бытового мусора и навозных куч, накапливавшихся на местах поселений. В течение своей жизни среднестатистический башкир был вынужден отстраивать несколько жилищ: одни дома разрушались под воздействием природных и погодных условий из-за отсутствия или плохого состояния крыши, другие приходилось переносить на новое место поселения. Сокращение размеров землевладения и начавшаяся в 1830–1840-х годах кампания по переустройству деревень привели к образованию крупных поселений.

Вслед за оседанием полукочевников и возрастанием роли постоянных поселений распространялось земледелие, чему также способствовало увеличение численности крестьян-переселенцев, вынужденных либо арендовать землю у башкир, либо наниматься к ним в работники.

Таким образом появился институт припуска крестьян-переселенцев на башкирские земли. Арендная плата взималась деньгами, натурой, а также часто отработкой в хозяйстве башкир. По мере переселения крестьян припуск стал расширяться, принося определенный доход вотчинникам. Башкиры оказались особенно заинтересованы в использовании крестьян в сельскохозяйственных работах. Об этом свидетельствует коллективное письмо старшин Ногайской дороги в 1763 г. на имя оренбургского губернатора Д.В.Волкова. В письме старшины просят разрешить им нанимать работников из числа крестьян-переселенцев для ведения сельскохозяйственного хозяйства¹.

Институт припуска на башкирские земли способствовал культурному и хозяйственному взаимодействию местного населения с оседло-земледельческим крестьянством. Вместе с тем необходимо отметить и негативную роль припуска: вотчинники-башкиры, используя припущенников в сельскохозяйственных работах, сами предпочитали заниматься традиционным скотоводческим хозяйством.

По природно-климатическим условиям выделяются горно-лесные районы Южного Урала. Обильные лесные массивы, пересеченный рельеф местности, каменистый грунт, неустойчивая погода, особенно в летний период, когда дожди могут идти неделями, короткое лето и заморозки в его начале и конце предопределили характер хозяйственных занятий башкир. Основу хозяйства горно-лесных башкир составляет скотоводство, преимущественно коневодство, а также бортевое пчеловодство и охота. Лесные промыслы получили развитие в XIX в., а со второй половины столетия в виде редких островков появилось земледелие. В этих неблагоприятных для земледелия районах башкиры изредка засеивали 1-2 десятины земли морозостойкими злаками: ячменем, рожью, овсом².

Данная структура хозяйства сохранялась вплоть до конца XIX в., что дало основание Л.Берхгольцу главным занятием башкир-катайцев считать "скотоконеводство и лесные промыслы" [3, с.72]. В это же время башкиры горно-лесных районов Стерлитамакского уезда, по сведениям В.А.Арнольдова, основным занятием имеют "лесной промысел, скотоводство, пчеловодство и, как исключение, земледелие" [1, с.229].

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1956. Т.4, ч.1. № 372. (Далее - МИБ).

² ЦГИА РБ. Ф.И.-2 Оп.1 Д.8599. Л.1об.; Д.11767.Л.2 об.

В XVIII в. на территории Южного Урала и Приуралья начинается строительство горно-заводской промышленности. Значительные массивы башкирских земель были изъяты в казну, арендованы и выкуплены различными купцами и промышленниками. Основанные в самом центре башкирских земель заводы и фабрики, прииски и рудники оказали значительное влияние на культуру местного населения.

Важную роль в процессе изъятия башкирских земель и стимулирования перехода башкир к оседлости и земледелию сыграл указ правительства от 11 февраля 1736 г., предоставивший участникам карательных операций право на приобретение земли башкир – участников антиправительственных выступлений – и освободивший всех башкирских приниженных на некоторое время от арендной платы¹. В последующем правительство продолжило политику отчуждения башкирских земель, усматривая в этом важное средство для распространения оседлости. Большие изменения произошли в период кантонной системы управления (1798-1863 гг.), когда значительно уменьшились выходы башкир на кочевья. В указанное время власти начали применять административные меры по ограничению кочевков. Так, был установлен запрет на пересечение границ губернии и уезда, введены увольнительные билеты, ограничены, а затем и запрещены народные празднества – *йыйыны*². В 40-х годах во время посева, сенокосов и хлебоуборочных работ кочевки вообще были запрещены.

В 1840-х годах власти организовали кампанию по самообеспечению башкир хлебом и зерном. Башкиры из полукочевых уездов получили указание производить обязательный посев зерновых из расчета 3 пуда на каждую душу³. Дополнительно к этому с каждой души производился сбор денег в размере 1 рубля ассигнациями (30 серебряных копеек). Средства, составившие так называемый "общественный продовольственный капитал", размещались в Государственном банке. В районах, где земледелие получило большее развитие, производился натуральный сбор – хлебом, а для его хранения создавались хлебные запасные и семенные магазины.

К середине XIX в. произошли серьезные перемены в хозяйственном развитии башкир: эволюционные процессы в недрах башкирского общества, административные меры властей по ограничению кочевков и

¹ Полное собрание законов Российской империи. Раздел 1. Т.9, № 6890. (Далее - ПСЗ).

² ЦГИА РБ. Ф.И.-2. Оп. 1. Д. 11356. Лл. 1-2

³ Там же. Д. 6471. Л. 17 об.

распространению земледелия, культурное влияние оседло-земледельческого населения способствовали дальнейшему упадку полукочечевого скотоводства и развитию земледелия. Во второй половине столетия важную роль в развитии башкирского хозяйства сыграли отмена кантонного управления (1863 г.) и последовавшие за этим законодательные акты по упорядочению правил продажи и пользования башкирской земли. Указ от 14 мая 1863 г. приравнял башкир и другие этнические группы, входившие в состав Башкирского войска – тептярей, мишарей, в правах, как сказано в документе "с прочими свободными сельскими обывателями"¹. Положения указа вступили в силу с 1865 г.: башкиры были подчинены губернским, уездным и волостным по крестьянским делам присутствиям². Создавались сельские и волостные общества по единому общероссийскому типу.

Эти и последовавшие в 1869, 1878, 1882, 1898 гг. законы и указы правительства были направлены на раздел сохраняющихся в ряде мест больших земельных вотчин башкир, рассматриваемых властями как препятствие в колонизации башкирских земель и как один из факторов сохранения кочевых традиций и слабого развития земледелия. В законодательных актах определялись правовые нормы, регулирующие продажу и сдачу в долгосрочную аренду "излишков" башкирских земель. Благодаря таким действиям только во второй половине XIX в. башкиры лишились около 2,5 млн десятин земли, в аренде находилось более 3 млн десятин, что привело к двукратному сокращению башкирского землевладения [20, с.74].

Уровень развития земледелия в различных районах территории расселения башкир имел свои особенности. Значительную роль играли природно-климатические условия, традиции хозяйствования и природопользования, а также культурно-исторические факторы, связанные с историческим процессом и социокультурным взаимодействием с восточнославянскими, тюркскими и финно-угорскими народами.

В восточных, южных и юго-восточных районах расселения башкир земледелие вплоть до начала XX в. было развито слабее, чем в западных и северо-западных. В этих районах, характеризующихся большими земельными вотчинами башкир, была распространена переложная система землепользования. При данной системе наиболее стойкими и

¹ ПСЗ. Раздел II. Т. 38. Отд. 1. № 39622.

² Там же. Т. 40, № 42282.

урожайными культурами были яровые – просо, ячмень, овес, а из технических – конопля.

На северо-западе и севере Башкирии, покрытых большими лесными массивами, вначале преобладала подсечно-огневая система. Отсутствие свободных земель под выпас скота способствовало переходу башкир к земледелию. Как и соседние финно-угры и тюрки, башкиры были вынуждены расчищать землю под посевы от леса путем подсеки и сжигания срубленных деревьев. Вполне вероятно, что корни пала – сжигания по весне прошлогодней сухой травы и сорняков с целью очищения пахотных земель и пастбищ – восходят к подсечно-огневой системе. Расчищенная земля распахивалась и в течение нескольких лет засеивалась яровыми культурами. Через несколько лет такая земля истощалась и забрасывалась. Таким образом все большее количество земли расчищалось от леса. Как правило, подсечно-огневая система была распространена среди малоземельных башкир.

Подсечно-огневая система и перелог среди русского крестьянства были развиты в новых земледельческих районах на Урале и Сибири. В первые годы эксплуатации обе системы приносили неплохой урожай, однако они были экстенсивной формой землепользования и потому не способствовали качественному развитию башкирского земледелия.

В западном и северо-западном регионе Башкирии под влиянием земледельческой культуры крестьян-переселенцев башкиры с начала XVIII в. начинают осваивать трехпольную систему земледелия, которая впоследствии получает широкое развитие. В Башкирии, особенно в районах с наличием свободных земель, постепенно распространяются также комбинированные формы земледелия, как например, сочетание переложной системы с трехпольем, для которого характерно сокращение циклов севооборота и периодов залежи. В северных и северо-западных районах с начала XVIII в., а в других районах – с XIX в. вместе с трехпольной системой распространяются рожь, яровая пшеница, овес. С начала XIX в. увеличиваются посевы пшеницы, особенно они распространяются в северных и северо-западных районах. В течение столетия расширяются посевы гречихи, а с 40-х годов начинают распространяться овощные культуры, прежде всего картофель.

Кризис и упадок кочевничества, развитие земледелия и других средств существования протекали по определенной закономерности: сокращение земельных владений, и в первую очередь пастбищных угодий, уменьшение поголовья скота, обеднение кочевников, поиск

альтернативных средств жизнеобеспечения. По этому пути прошли практически все кочевые народы Евразии, эволюция башкирского хозяйства от полукочевого скотоводства к оседлости и земледелию также не стала исключением. По мнению одного из исследователей кочевничества В.В.Грайворонского, в мире существует два пути перехода к оседлости. Первый путь – относительно быстрый и "болезненный". При этом оседание происходит тогда, когда кочевники вынужденно или добровольно перестают заниматься кочевым скотоводством. Второй путь – постепенный переход кочевого населения к полукочевым, полуоседлым и оседлым формам хозяйства и быта [7, с.74].

У полукочевых башкир до 30–40-х годов XIX в. преобладал второй путь перехода к оседлости. Однако с этого времени в связи с усилением административных мер, направленных на принудительное оседание полукочевых башкир и распространение среди них земледелия, преобладание получил первый, "болезненный" путь.

Процесс распространения оседлости среди полукочевых башкир практически завершился к концу XIX – началу XX в. Исключение составляли юго-восточные и некоторые группы южных башкир, продолжавшие выходить на летние кочевки вплоть до 20-х – начала 30-х годов нынешнего столетия. С началом коллективизации крестьянских хозяйств и всеобщим обобществлением скота и части имущества в ходе ее проведения, в связи с быстрыми темпами проведения этой кампании, кочевки стали практически невозможны. В условиях развернувшейся в стране борьбы с феодальными пережитками они стали даже опасны и потому внезапно прекратились. Процесс этот у башкир по сравнению с другими кочевыми народами страны – казахами, киргизами, тувинцами, бурятами – прошел менее драматично и менее болезненно.

Кочевой период в истории башкир оставил неизгладимый след в этнической культуре: сегодня в сознании и исторической памяти башкир данное время рассматривается как эпоха свободы и независимости, как время самодостаточного и безбедного существования. В эпосах, байтах, былинах, сказках, песнях и других произведениях устного народного творчества башкир воспеваются *йэйләү*, *йыйын*, *кумыс*, *курай*, красоты природы Южного Урала, в которой черпаются духовно-нравственные ценности народа. Естественно, в обращении к кочевому периоду в истории и культуре башкир присутствуют поэтизация ценностей и достижений данной культуры, достаточно сильны романтические

ские представления и оценки, однако в них в определенной мере воссоздается духовно-нравственная основа развития и консолидации этнической общности башкир.

Кочевничество башкир является частью общей кочевой культуры Евразийского континента, а по большому счету – и всего ареала распространения номадизма. На протяжении сотен лет кочевая форма хозяйства, быта и культуры составляла основу системы жизнеобеспечения и жизнедеятельности башкир, в период кочевой культуры произошел процесс консолидации башкир в этнос, определилась основная территория расселения, сформировались важнейшие параметры культуры этноса – материальной и духовной, этнического самосознания, языка, психологии и т.д.

Эволюция этнической культуры башкир в рамках Российского государства, культурное и межэтническое взаимодействие с оседло-земледельческими народами привели к разрушению структуры кочевой культуры и стали одной из причин ее трансформации, охватившей практически все стороны культуры башкир: 1) экономику – переход к оседлости и земледелию, развитие промыслов, торговли, участие в промышленном освоении региона; 2) социальную организацию и связи – исчезли старые феодальные группы – тарханы, би, батыры, ясыри и др., взамен появились новые – старосты, старшины, а в период кантонного управления – класс военно-административных чиновников, дворянство; к концу XIX – началу XX в. относится возникновение национальной буржуазии и отрядов наемных рабочих; 3) духовную сферу – на базе изустно-эпической и общетюркской письменной литературы, связанной с восточной культурой и литературой, в XIX – начале XX в. сформировались национальная литература и литературный язык [13]; дальнейшее развитие получила система просвещения и образования, постепенно освобождающаяся от религиозной догматики; появились первые представители национальной интеллигенции; в области религиозных отношений ислам, изначально слабый в культуре кочевых башкир, был адаптирован к системе государственной власти и общественных связей, а религиозные деятели, вначале являвшиеся идеологами антироссийских выступлений башкир, оказались под жестким контролем государства; 4) материальную культуру – наряду с традиционными элементами (одежда, украшения, орудия производства, навыки и приемы труда, пища, жилища и т.д.) появились и вначале сосуществовали, а затем начали их вытеснять совершенно новые элементы, преимущественно имеющие европейское происхождение (за-

водские орудия производства и предметы домашнего быта, европейский костюм и др.).

Трансформация культуры башкир произошла не только под воздействием государственных институтов и оседло-земледельческого населения. В рамках этнической культуры башкир постепенно создавались предпосылки для модернизации, инновация культурных достижений без соответствующих внутренних условий вызвала бы их непроизвольное отторжение. Культура башкир продемонстрировала свою пластичность, способность к инновациям и модернизации. Естественно, при условии эволюционного развития распространение модерности в культуре башкир могло растянуться на значительно большее время и проходить менее болезненно, чем случилось. Вторжение модерности в эволюционный ход исторического развития башкир не только стало причиной башкирских восстаний XVII–XVIII вв., социально-экономического кризиса среди полукочевых башкир в XIX в., – его последствия в культуре башкирского этноса не преодолены до настоящего времени. Продолжается процесс формирования этноса (с учетом его непрерывности и бесконечности): так, северо-западные башкиры заметно отличаются от остальных групп этноса, что сегодня проявляется в болезненной форме, особенно в языковой сфере; сформировались территориальная чересполосица, демографическая, языковая разобщенность этноса; сохранились пережитки трайбализма в структуре и самосознании этноса, проявляющиеся в продолжении практики самоидентификации отдельных представителей этноса с теми или иными племенами и родами, возрождении института племенных курултаев; в психологии, стереотипах поведения проявляются остаточные явления кочевого менталитета и традиционной культуры и т.д.

Присоединение к Российскому государству стало прогрессивным явлением для башкирской этнической общности. В целом в рамках единого государства постепенно наметилось изменение матрицы этнокультурного развития башкир: усилились тенденции к этнополитической консолидации и формированию современной конфигурации этноса, произошел полный переход к оседлости и земледелию, в конечном итоге приведший к трансформации культуры башкирского этноса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арнольдов В.А.* Санитарно-бытовой очерк жизни башкир юго-восточной части Стерлитамакского уезда Уфимской губернии // *Дневник общества врачей при императорском Казанском университете.* Казань, 1894. Вып. 4.
2. *Асфандияров А.З.* Хозяйство башкир в первой половине XIX в. // *Страницы истории Башкирии.* Уфа, 1974.
3. *Берхгольц Л.* Горные башкиры-катайцы // *Этнографическое обозрение.* 1893. № 3–4.
4. *Вайнштейн С.И.* Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972. 276 с.
5. *Вайнштейн С.И.* Кочевничество // *Материальная культура.* М., 1989. (Свод этнографических понятий и терминов; Вып.3).
6. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. СПб., 1799. Ч.2. 178 с.
7. *Грайворонский В.В.* От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР). М., 179 с.
8. *Кабузан В.М.* Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. М., 1990. 256 с.
9. *Ковалевский А.И.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956. 348 с.
10. *Кузеев Р.Г.* Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. 263 с.
11. *Кузеев Р.Г.* Развитие хозяйства башкир в X – XIX вв. (к истории перехода от кочевого хозяйства к земледелию) // *Археология и этнография Башкирии.* Уфа, 1968. Т.3.
12. *Кузеев Р.Г.* Этнос. Культура. Экология. Уфа, 1991. 50 с.
13. *Культура и развитие человека: (очерк философско-методологических проблем).* Киев, 1989. 320 с.
14. *Кунафин Г.С.* Культура Башкортостана и башкирская литература в XIX в. Уфа, 1992. 110 с.
15. *Попов Н.* Хозяйственное описание Пермской губернии в хозяйственном отношении. СПб., 1813. Ч. 2. 317 с.
16. *Руденко С.И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и кочевниках // *Географическое общество СССР. Материалы по этнографии.* Л., 1961. Вып. 1.

17. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974. 768 с.

18. *Усманов Х.Ф.* Крестьянское хозяйство Башкирии во второй половине XIX – начале XX в. // Страницы истории Башкирии. Уфа, 1974.

19. *Усманов Х.Ф.* Переход башкир к оседлости и земледельческому хозяйству // Исследования по истории Башкирии XVIII-XIX вв. Уфа, 1973.

20. *Усманов Х.Ф.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период: 60–90-е годы XIX в. М., 1981. 372 с.

21. *Философия: Учебник.* Ростов н/Дону, 1995. 573 с.

22. *Шитова С.Н.* Традиционные поселения и жилища башкир. М., 1984. 261 с.

23. *Шнирельман В.А.* Происхождение скотоводства. М., 1980. 333 с.

24. *Янгузин Р.З.* Хозяйство башкир дореволюционной России. Уфа, 1989. 192 с.

КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНЫХ БАШКИР

Одно из ключевых понятий в этнической экологии – "жизнеобеспечение" – представляет собой сложный процесс, направленный на удовлетворение жизненно важных биологических и социально-культурных потребностей этноса путем адаптации к природной и социально-культурной среде обитания [2, с.93].

Специфика экосистем, образуемых этносами, проявляется в особенностях их адаптации к окружающей среде. Биологическая адаптация (изменение физиологических, морфологических и других параметров) уступает здесь место внебиологической путем изменения хозяйственных и культурных форм жизнеобеспечения.

Как одна из устойчивых составляющих этнической культуры культура жизнеобеспечения является важной частью изучения этногенетических проблем и культурно-исторических реконструкций этнических явлений. В этом отношении изучение современной культуры жизнеобеспечения башкирского этноса с его сложной этнической историей, сопровождавшейся коренным изменением хозяйственных форм и взаимовлияний с инородным окружением, представляется важным исследованием, не имеющим аналогов в отечественной этнологии.

В основу настоящей статьи положены результаты этноэкологического исследования, проведенного в 1993-1995 гг. в юго-западной части Республики Башкортостан в рамках целевой научно-исследовательской программы Академии наук РБ. Объектом исследования было выбрано население башкирской национальности, проживающее в сельской местности. Было охвачено более 10 поселений: деревни Ильчигулово, Нарыстау, Каран-Кункас, Биккулово, Сатай-Бурзян, Богданово, Енебей-Урсаево, Тамьян-Таймас, Качеганово и др. При выборе поселений учитывалась компактность и продолжительность проживания в них башкирского населения. Основная цель исследования заключалась в изучении современного состояния жизнеобеспечения башкирского этноса как основного механизма его адаптации к окружающей природной и социально-культурной среде. При формулировании рабочей гипотезы было выдвинуто предположение, что в ходе этой адаптации основные черты традиционного жизнеобеспечения у башкир в сельской местности сохраняются и в настоящее время.

Длительный этап развития системы жизнеобеспечения юго-западных башкир способствовал формированию характерных черт, оптимально соответствующих природно-географическим характеристикам экологической ниши, занимаемой этносом. Среди основных признаков природно-географической среды, влияющих на формирование и развитие жизнеобеспечения юго-западных башкир, следует выделить климат и ландшафт с его естественными ресурсами. Удаленность от больших водных пространств и близость полупустынь Казахстана определяет континентальный характер климата, а преобладание антициклонов (т.е. областей высокого атмосферного давления) обуславливает устойчивую и ясную погоду большую часть года.

К указанным климатическим особенностям следует добавить характерную для данного региона резкую изменчивость погоды по отдельным годам: зимние оттепели, весенние заморозки, проливные дожди или сильные засухи в летний период и др. Все это в совокупности делает климат юго-западной части Башкортостана более суровым, чем континентальный климат других районов, соответствующих ей по широте [5, с.38].

Климатические условия региона определяют специфику жилищно-го комплекса, проявляющуюся в широком распространении срубных домов из хвойных пород деревьев, обладающих необходимыми теплоизоляционными свойствами. Направление среднегодовых господствующих ветров (южное и юго-западное) в значительной степени влияет на планировку усадеб и ориентацию жилищ. Влияние климата сказывается также на таком немаловажном элементе жизнеобеспечения, как питание. Потребность в более калорийной нише, особенно в животном белке, в условиях сурового климата реализуется за счет преобладания мясомолочных продуктов в рационе питания юго-западных башкир. Соответственно формируется своеобразная система питания с характерным набором продуктов, способов приготовления блюд и т.д.

Характеризуя ландшафтные особенности исследуемого региона, следует отметить их однородность. Невысокие лесостепные возвышенности и речные долины на большей части рассматриваемого региона создают благоприятные возможности для жизнедеятельности этноса. Еще на рубеже I-II тыс. н.э., когда древнебашкирские племена, пришедшие из Приазовья в юго-западное Приуралье, расселились на Бугульминско-Белебеевской возвышенности, окружающий ландшафт оказался одним из важнейших условий возникновения этноса на этой территории [3, с.435-438]. В процессе адаптации и познания природ-

ных ресурсов ландшафта формировались специфические черты жизнеобеспечения башкир, устанавливались хозяйственная структура и соответствующий уклад жизни.

Приспособление к природно-географической среде происходило главным образом за счет увеличения удельного веса наиболее рациональной в конкретной ландшафтно-климатической ситуации формы хозяйственной деятельности. Плодородные почвы, полноводные реки и достаточный объем осадков, несомненно, способствовали развитию оседлого земледелия, которое в тех же природных условиях давало на единицу освоенной территории в несколько раз больше продовольствия, чем скотоводство.

Таким образом, совокупность ландшафтных и климатических условий определяет своеобразие хозяйственно-культурной адаптации башкирского этноса к природно-географической среде его обитания и оказывает определенное влияние на современное развитие таких элементов жизнеобеспечения башкир, как хозяйство, жилище и питание.

Как отмечал С.И.Руденко, уже в начале XX в. юго-западные башкиры "на кочевки не выезжали и жили оседло", а "земледелием занимались повсеместно" [4, с. 345]. Использовалась трехпольная система земледелия с применением примитивных сельскохозяйственных орудий. Начавшаяся в 20-х годах коллективизация практически ликвидировала в личных хозяйствах зерноводство, которое стало развиваться по единой государственной системе культурного земледелия. В то же время значительное распространение в личных хозяйствах приобрело огородничество.

Следует отметить, что и в настоящее время земля продолжает оставаться для сельских башкир основным источником жизнеобеспечения. Так, проведенный опрос показал, что подавляющее большинство опрошенных имеет приусадебные земельные участки (обычно 25-30 сот.). На 70% эти участки используются под посадку картофеля – одного из основных продуктов в системе питания башкир, за счет которого обеспечивается значительная часть калорийности всей пищи. На остальной площади выращивается сахарная и столовая свекла, морковь, лук, огурцы, капуста и другие овощные культуры.

Плодородие почв поддерживается в основном путем внесения органических удобрений (навоз, зола и др.), что является экологически более оправданным. И лишь небольшой процент опрошенных использует на своем участке химические удобрения, хотя это, по их мнению, приносит столько же пользы, сколько и вреда.

Традиционно юго-западные башкиры не занимались садоводством, о чем свидетельствуют многочисленные письменные источники. Тем не менее в настоящее время садоводство приобрело значительное развитие и, как свидетельствует проведенный опрос, занимает немаловажное место в современном жизнеобеспечении. Среди садовых культур больше всего распространены яблоня, вишня, смородина и малина, реже – облепиха и слива.

Практически все опрошенные содержат в личном хозяйстве крупный рогатый скот, так как последний является одним из основных источников мяса и молока, т.е. животных жиров, белков и углеводов. В зимний период содержание скота – стойловое, летом – пастбищное. Народные способы лечения животных в настоящее время применяются очень редко. Большинство информаторов предпочитают пользоваться услугами ветеринарной службы.

Несмотря на то, что традиционно башкиры занимались коневодством и славились своими породами лошадей, этот вид хозяйственной деятельности теряет свое жизнеобеспечивающее значение. В основном лошади разводятся в колхозном хозяйстве и используются в качестве тягловой силы, а также для производства кобыльего молока и мяса.

Поголовье овец как в личном, так и колхозном хозяйствах, как правило, в несколько раз превышает поголовье крупного рогатого скота. Теплозащитные свойства овечьих шкур и шерсти используются при производстве одежды, обуви, паласов и др. Нередко в личном хозяйстве содержат свиней, но мясо, как правило, не употребляют, а реализуют на рынке.

Довольно широко у юго-западных башкир распространено пчеловодство. Специфической чертой развития этого вида хозяйственной деятельности в настоящее время является содержание ульев не на пасеке, а рядом с усадьбой, в саду или огороде. Используют в основном рамочные ульи. Борти и колоды практически не встречаются. Источниками медосбора являются преимущественно гречиха, липа и подсолнечник. В среднем в личном хозяйстве содержат от 3 до 8 пчелиных семей. Мед идет как на продажу, так и для личного потребления.

Как отмечает большинство информаторов, навыки пчеловодства получены ими из различных источников (журналы, специальная литература). Традиции же бортничества во многом утрачены.

Подводя итог анализу хозяйственной деятельности и природопользования юго-западных башкир, можно отметить, что традиции жизнеобеспечения в значительной степени продолжают сохраняться и в на-

ши дни. Потеря жизнеобеспечивающего значения некоторых из них обусловлена усилившимся антропогенным влиянием на окружающий ландшафт, а также изменившимися условиями жизнедеятельности этноса.

Кратко остановимся на организации жилой среды – жилищах и поселениях. Большинство обследованных нами башкирских поселений расположены вблизи р.Демы и ее притоков. Это обусловлено как природно-географическими, так и хозяйственно-культурными факторами. В период расселения башкирских племен на Бугульминско-Белебеевской возвышенности ландшафтные особенности бассейна Демы создавали благоприятные возможности для основания на ее берегах постоянных поселений. Участки выгодно сочетали в себе необходимые для ведения комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства естественные ресурсы (плодородные почвы, близость воды и др.).

Окружающий ландшафт оказывал непосредственное влияние на форму и динамику развития планировки поселений. Направляющим началом в застройке большинства поселений была ориентация основных улиц на берег реки [1, с.46-47]. Тем самым создавалось "узловое" соединение этнической и природных экосистем, где потоки экологического обмена были особенно сильны.

Характерной чертой уличной планировки поселений юго-западных башкир является значительная ширина основных улиц (20-25 м) и полное отсутствие на них каких-либо зеленых насаждений. Анализ более поздней застройки обследованных поселений свидетельствует о сохранении традиционных направлений в планировке улиц.

Традиционное жилище юго-западных башкир также имеет свои характерные черты, обусловленные прежде всего его главным предназначением – защитой от неблагоприятного воздействия внешней среды. Основными составляющими этой защиты являются принципы планировки, свойства строительных материалов и система отопления.

Среди традиционных особенностей возведения жилищ, сохранившихся в значительной степени до сих пор, следует отметить преимущественно южную и юго-восточную ориентацию фасада, а также однорядное положение комнат. Это подтверждается как зафиксированными схемами жилищ, так и результатами проведенного опроса. Большинство информаторов отмечают, что при планировке дома ими учитывались, в первую очередь, ориентация по сторонам света, роза ветров и рельеф местности. Расположение комнат, окон и т.д. планиро-

валось с учетом правильной циркуляции воздуха и достаточной естественной освещенности внутри дома.

Говоря о формировании жилищного комплекса в процессе адаптации, следует отметить также влияние местного ландшафта на использование при сооружении жилищ и хозяйственных построек определенных материалов из естественных ресурсов занимаемого этносом экологического пространства. Традиционно использовались дерево и глина, в достаточном количестве предоставляемые окружающим ландшафтом. Теплозащитные свойства их обеспечивали необходимую степень комфортности и равномерное распределение тепла в жилище.

Проведенное исследование показало, что основным строительным материалом у юго-западных башкир по-прежнему остается дерево. И хотя в последнее время увеличивается строительство кирпичных жилых домов и зданий, осуществляемое государственными организациями, частная застройка продолжает производиться с использованием традиционных материалов.

Система отопления жилищ юго-западных башкир за последние 20 лет претерпела значительные изменения. Если еще недавно применялась печь, то теперь в большинстве домов установлена газовая система отопления, более удобная в использовании, требующая меньших затрат и обеспечивающая одинаковое распределение тепла во всех комнатах. Последнее преимущество внесло соответствующие изменения в принципы планировки жилища. Для дополнительного сохранения тепла традиционно использовался пониженный относительно земли уровень пола. Кроме того, стены и пол обычно завешивались шерстяными паласами. И то и другое очень часто можно встретить в современных сельских жилищах юго-западных башкир.

Таким образом, анализ современной планировки и застройки поселений, используемых материалов и приемов строительной техники при возведении жилья свидетельствует о сохранении экологического опыта в организации жилой среды у юго-западных башкир.

Экология питания. Формирование определенной системы питания зависит прежде всего от ландшафтно-климатических и хозяйственно-культурных условий жизнедеятельности этноса. Суровый континентальный климат юго-запада Башкирии вызывает необходимость потребления более калорийной пищи (особенно животного белка), которая реализуется преимущественно за счет мясомолочных продуктов в рационе питания. В то же время ландшафтные особенности ре-

гиона создают благоприятные возможности для выращивания зерновых и овощных культур (источник растительных углеводов и жиров).

Форма хозяйства также определяет преобладание определенных продуктов, за счет которых обеспечивается основная калорийность пищи. В конце XIX – начале XX в. центр тяжести в пищевом комплексе юго-западных башкир, построенном на строгом балансе мясомолочных продуктов, перемещается в сторону продуктов растительного происхождения. Однако доля мясомолочной пищи в комплексном земледельческо-скотоводческом хозяйстве продолжает оставаться значительной. Сложившаяся к началу XX в. система питания юго-западных башкир оказалась достаточно сбалансированной по соотношению основных элементов биосинтеза (белков, жиров и углеводов), обеспечивая при этом высокую калорийность питания.

Исследование современной системы питания юго-западных башкир свидетельствует о значительном сохранении традиционной структуры пищевого комплекса. Растительные и мясомолочные продукты в различные сезоны года представлены неодинаково. Например, зимой доля мясных продуктов существенно преобладает над растительными. Примечательно, что присутствие молочных продуктов в рационе относительно стабильное в течение всего года. В то же время если оценивать среднегодовой баланс указанных продуктов, то они будут представлены примерно в одинаковых пропорциях, что свидетельствует о сбалансированности пищевого комплекса.

Следует отметить, что основной калорийный баланс (более половины) в питании юго-западных башкир падает на долю крахмала и других углеводов растительного происхождения. Доля эта несколько снижена за счет углеводов животного происхождения, в частности, молочных.

Рыба в рационе юго-западных башкир почти не присутствует. Потребность в животном белке реализуется за счет мяса, яиц и молока. Мясо, преимущественно баранина и говядина, употребляется главным образом в вареном виде. Запрет ислама на употребление свинины соблюдают большинство опрошенных.

В среднем по оценке информаторов личное хозяйство на 75-90% обеспечивает их продуктами питания.

Рассмотренные выше элементы современного пищевого комплекса юго-западных башкир представляют собой сбалансированную систему, обеспечивающую высокую калорийность питания. Как одна из составляющих жизнеобеспечения система питания в значительной степени до

сих пор продолжает сохранять традиции экологического опыта юго-западных башкир.

* * *

Подводя итог комплексному анализу современной системы жизнеобеспечения юго-западных башкир, можно сделать вывод о преемственности экологического опыта в хозяйственной деятельности, природопользовании, организации жилой среды и питании этноса. Следует отметить, что экологическое значение традиционных элементов жизнеобеспечения юго-западных башкир частично утрачено вследствие усилившегося антропогенного воздействия на окружающий ландшафт и изменений в условиях жизнедеятельности этноса. Таким образом, выдвинутая вначале исследования рабочая гипотеза о сохранении в настоящее время основных черт традиционного жизнеобеспечения у башкир в сельской местности в целом нашла свое подтверждение, а полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего, более масштабного (в рамках всей республики или Волго-Уральского региона) этноэкологического исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Калимуллин Б.Г.* Планировка и застройка башкирских деревень. Уфа, 1959.
2. *Козлов В.И.* Этническая экология: становление дисциплины и история проблем. М., 1994.
3. *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. Этнический состав и история расселения. М., 1974.
4. *Руденко С.И.* Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.: Л., 1955.
5. *Тахаев Х.Я.* Башкирия. Экономико-географическая характеристика. М., 1950.

ИГРЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ БАШКИР (историография вопроса)

Одним из важных компонентов духовной культуры башкирского народа являются игры и развлечения. В игровой культуре башкир, которая формировалась в течение всей истории народа, нашли яркое отражение прошлое народа, мировоззрение и мироощущение людей, этнокультурные связи башкир с другими народами. Целесообразность рассмотрения данной проблемы обусловлена и возросшим интересом современного общества к проблемам изучения и возрождения национальной культуры, традиций и, особенно, их значением в приобщении подрастающих поколений к культурному наследию народа.

Народные игры в реальной жизни, а также в проблематике этнографической науки неотделимы от традиционного воспитания и социализации детей. В играх они познают окружающий мир, осваивают первоначальные трудовые навыки, осознают нравственные устои общества. Это позволяет говорить о традиционной игровой культуре как неотъемлемой части системы народного воспитания.

Проблемы народной игровой культуры в разное время привлекали внимание многих исследователей: этнографов, психологов, педагогов, искусствоведов. Зарубежная и отечественная литература по этому вопросу весьма обширна.

С утверждением в конце XVIII – начале XIX в. эволюционистских взглядов в научном познании мира западные ученые начинают проявлять интерес к истории развития различных народов, а также их быту и культуре. В работах, посвященных общим законам развития культуры, представители этого направления Э.Тайлор, Л.Морган [24, с.66-81; 35] природу игр и их генезис связывают главным образом с религиозными воззрениями, а также жизнедеятельностью того или иного общества. На тесную связь культуры с хозяйственной деятельностью, природно-географическими факторами указывал немецкий ученый Ф.Ратцель [32, с.74.]. Другой немецкий ученый, В.Вундт [12, с.184–185.] связывал происхождение игр с генезисом различных искусств. В конце XIX в. А.Гомм и К.Гросс [39, 40] делают попытку систематизировать игровые явления.

В России первый свод детских игр был составлен известным медиком Е.А.Покровским [30]. В его исследование наряду с русскими иг-

рами вошли игры и других народов России. Анализируя народные игры в связи с историей, этнографией, гигиеной народов, Е.А.Покровский раскрывает их значения – воспитательное, физиологическое, психологическое. Им была составлена и первая программа для сбора материала по играм, а также предпринята попытка их классификации.

Воспитательные аспекты игровой культуры всегда привлекали внимание прогрессивных русских педагогов. Большую роль народных игр в физическом и эстетическом воспитании подчеркивал русский педагог, врач физиолог П.Ф.Лесгафт. Он писал, что "игра – есть упражнение, при посредстве которого ребенок приучается к тем действиям, которые ложатся в основание его привычек и обычаев, причем эти занятия обыкновенно связаны с возвышающим чувством удовольствия" [23, с.120]. На основе народных игр им была разработана специальная система игровых упражнений и методика их разучивания с детьми школьного возраста. Кроме того, в своих работах он систематизирует игры как по возрастным группам, так и по содержанию, а также по их значимости в физическом развитии детей.

Большой вклад в изучение народных игр внес историк театра В.Н.Всеволодский-Гернгросс [11]. Как и предполагал сам автор, свод народных игр, составленный им, стимулировал многих исследователей к изучению игр, развлечений, тесно связанных с обрядовой, праздничной культурой. Так, начиная с 30-х годов постоянно публикуются работы с описанием игр, праздников и обрядов народов Кавказа, Средней Азии, Казахстана и Поволжья [3, 4, 10, 13, 16, 18, 29].

Литература о традиционной игровой культуре башкирского народа разнообразна. Первые письменные сведения об игровой культуре башкир относятся к XVIII в. Высказывания об отдельных играх или развлечениях в трудах П.И.Рычкова, И.И.Лепехина, П.С.Палласа, И.Г.Георги даются на фоне исторических сведений об образе жизни, хозяйстве, быте. П.И.Рычков, побывавший в Башкирии в первой половине XVIII в., описал в своих трудах природные условия, особенности экономического развития Оренбургского края, а также некоторые обычаи, обряды, в том числе исполнение игр [34, с.80–100.]. В трудах И.И.Лепехина [22, с.11–14; 25–26; 151–153] содержатся интересные сведения об играх на сабантуе, женском празднике каргатуй, обрядовых свадебных играх. Игры "сабанного праздника" – скачки, бега, соревнования в удалстве, силе, ловкости остались у башкир, как отмечает И.И.Лепехин, с языческих времен. П.С.Паллас [30] также оставил

краткие описания игр, развлечений, различных состязаний, сопровождающих праздничные торжества башкир. В "Описании всех обитающих в Российском государстве народов" И.Г.Георги зафиксировал некоторые свадебные и праздничные развлечения [15, с.95, 100, 104]. В частности, он пишет: "Увеселения их (башкир. – Ф.А.) состоят, кроме пирования, в пении, пляске, борьбе, бегании на лошадях, в запускании, стрельбании в цель и смехотворных представлениях, в коих они передразнивают людей и зверей [15, с.106].

Экспедиции Российской академии наук соотносились прежде всего с колонизаторскими планами царского правительства. Поэтому главной задачей их являлось изучение и характеристика экономического потенциала восточных окраин России, выявление природных богатств и возможностей их использования. Вместе с тем именно русские ученые заложили основы научного исследования как материальной, так и духовной культуры многих народов, в том числе и башкир.

В XIX в. к сбору, переводу и публикации башкирского фольклора, материалов о культуре и быте башкир активно подключаются краеведы, ученые, путешественники и писатели. Появляются обобщающие труды, такие, как "Описание Оренбургской губернии..." В.М.Черемшанского, "Описание башкирцев" Н.Казанцева. В них имеются краткие сведения о развлечениях и играх башкир [37, с.157; 19, с. 35–36]. О древней игре "Серый волк" (*хоро буре*) упоминает исследователь башкирского быта П.С.Назаров [27, с.35]. К этому же периоду относятся информативные заметки М.Баишева о развлечениях молодых людей, устраиваемых во время мусульманского праздника "*Корбан байрам*" (праздник жертвоприношения), и на торжествах в честь рождения первенца [5, с.19].

Впервые сведения о характере детских игр башкир приводятся в исследованиях Д.П.Никольского [28, с.125]. Отдельные высказывания о культуре народа, религиозных верованиях, играх содержатся в рассказах П.М.Кудряшова, М.В.Авдеева, Т.Беляева, Н.А.Крашенинникова и многих других [21, с.8–14; 1, с.192–213; 7; 20, с.241–254].

В конце XIX – начале XX в. появляются первые работы башкирских авторов об истории, быте и культуре народа. Среди них следует отметить зарисовки свадебных обрядовых игр в статьях Ю.Юлуева, Г.Давлетшина [38, с.217–218, 219, 220, 221; 17]. Описание свадебных драматизированных игр, развлечений находим у М.Бурангулова [9]. В рукописных материалах ученого-просветителя М.Уметбаева сохранился проект организации праздника в честь 300-летия города Уфа, где

автором описываются старинные национальные виды спортивных игр, юмористические молодежные игры и среди них забытая в настоящее время игра – "Бильге" [36, с.104–105].

Для исследователя духовной культуры башкирского народа чрезвычайно ценны фольклорные материалы (эпос, легенды, сказки, поговорки и пословицы), в которых башкирский батыр нередко соревнуется со своими соперниками в борьбе, скачках, стрельбе из лука. В народных сказаниях побеждают только справедливые и честные батыры. Идеал героя в представлении народа – это батыр, который обладает не только могучей силой, но и мудростью, добротой, готовностью защитить свою родину [6, с.247, 259, 283, 325, 337, 338, 387–388, 413, 444, 445, 464, 469, 483, 492, 494].

Изучение имеющихся источников по народным играм в сравнении с данными полевых материалов показывают, что характеристика игр, как правило, схематична, описания отрывочны, фрагментарны. В поле зрения авторов оказались главным образом игры, проводимые во время сабантуя и свадебных торжеств. Тем не менее работы авторов XVIII – начала XX в. имеют ценность, так как порой содержат сведения по неизвестным деталям игровых циклов и в совокупности позволяют построить эволюционную схему развития игр.

Среди работ XX в. особое место занимает монография С.И.Руденко "Башкиры". Его историко-этнографические очерки написаны на основе полевых материалов, собранных автором в 1905–1908 гг., с привлечением сравнительных данных из литературы XVIII и начала XIX в. С.И.Руденко тесно увязывает игры детей, развлечения взрослых с хозяйством и культурой, общественным и семейным бытом башкир. В этой связи он пишет: "Общественная жизнь башкир ярче всего проявлялась в народных празднествах и, в известной мере, в детских играх" [33, с.276]. В отдельной главе, посвященной семейному быту и празднествам башкир, он впервые в этнографической науке дает описание традиционных игр ("в кости" – *ашык*, "в войлочный мяч" – *тул*, в "чижик" – *Өсат*), сведения о ряде других игр автор приводит при описании праздников *Карға буткаһы* (Воронья каша), *һабантуй* (Сабантуй), *Йыйын* (собрание), некоторых семейных торжеств. Немаловажное значение имеет замечание С.И.Руденко о том, что многие детские игры в прошлом исполнялись как обрядовые действия. Но с изменением социально-экономических и исторических условий традиционная обрядность утратила свою первоначальную семантику, цело-

стность и перешла в разряд детских игр или молодежных развлечений [33, с.276–285].

Ряд интересных сведений об играх имеется в работах этнографов, музыковедов, фольклористов. Л.И.Нагаева впервые дает анализ детских и девичьих игр: *Ак тирәк* (Тополь), *Капка* (Ворота), *Алырым кош* (Возьму щенца), *Өс бүкән* (Три пня), *Уткәс* (Прохождение через что-то) и др. Анализируя истоки народных танцев, отмечая их синкретическое единство с играми и древними верованиями, автор определяет социальную значимость народных обрядов, в составе которых были игры и пляски. В статье "Весенне-летние празднества и обряды у башкир" [25, с.47–64] Л.И.Нагаева подробно рассматривает весь праздничный цикл сабантуя, каргатую, детально описывая стадии подготовки к праздникам, отдельные их ритуалы, различные игры.

Большой интерес с точки зрения музыкального оформления детского игрового фольклора представляет статья известного музыковеда Л.П.Атановой "Музыка – в башкирских играх". Анализируя игровые напевы с точки зрения их музыкальной формы, она связывает их с древними магическими обрядами, обращениями к родовым тотемам, заклинаниями сил природы [2, с.117–128].

Ценные сведения о педагогической практике народа в воспитании детей с самого малого возраста имеются в работе Н.В.Бикбулатова и Ф.Ф.Фатыховой "Семейный быт башкир" [8]. Несколько образцов молодежных игр во время посиделок зафиксированы Ф.А.Надршиной [26, с.20–21].

Первый свод башкирских игр составлен И.Г.Галаяудиновым. В нем имеются описания наиболее распространенных в народе детских игр. Игры в книге рассматриваются по следующим разделам: игры с предметами, игры на воде, зимние игры, хороводно-плясовые игры, разные игры. Книга знакомит читателя с правилами игр, содержит методические указания и рекомендации к их разучиванию [14].

Интерес к игровой культуре башкир в этнографической науке – явление сравнительно недавнее. Историография темы, безусловно, не ограничивается рамками этой статьи и требует своего продолжения. Игры и развлечения представляют большой научный интерес.

Обращение к истории их развития позволит исследователям выявить важные вопросы этнической истории башкирского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авдеев М.В.* Поездка на кумыс // Авдеев М.В. Сочинения. СПб., 1868. Т.1.
2. *Атанова А.Л.* Музыка в башкирских играх // Обычаи и культурно-бытовые традиции башкир. Уфа. 1980.
3. *Ахмедов М.Ш.* Дагестанские национальные игры. Махачкала, 1970 г.
4. *Багиров Д.* Детские игры и народные обряды в селении Шихмы Казахского района Азербайджана // СЭ, 1936. № 4–5.
5. *Баишев М.* Деревня Зианчурина Орского уезда Оренбургской губернии // Изв. Оренбург. отд. Русск. Географ. об-ва. 1895. Вып. 7.
6. *Башкирское народное творчество* Т.1: Эпос. Уфа, 1987.
7. *Беляев Т.* Куз-Курпяч (Башкирская повесть...). Казань, 1812.
8. *Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф.* Семейный быт башкир. М.: Наука, 1991.
9. *Бурангулов М.* Башкорт туй йолалары // НА УНЦ РАН. Ф.3. Оп. 12. Д. 215.
10. *Вахания А.В.* Абхазские народные игры. Сухуми, 1950.
11. *Всеволодский-Гернгросс В.Н.* Игры народов СССР. М.; Л., 1933.
12. *Вундт В.* Этика. СПб: Русское богатство, 1887–1888. Т.1–2.
13. *Галеев Э.Х., Ханбиков Я.И.* Татарские народные игры и праздники. Казань, 1975.
14. *Галляутдинов И.Г.* Поиграем вместе, друзья. Уфа, 1987. (На башк. яз.).
15. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб, 1799.
16. *Гогоберидзе Н.С.* Народные детские игры в горных областях Грузии // Труды Ин-та этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. М., 1976.
17. *Дәүләтшин Г.* Бүгәсәү башкорттарында // Башкорт аймағы. 1927. № 3.
18. *Казан Г.Д.* Каракалпакские народные детские игры. Ташкент, 1969.
19. *Казанцев И.* Описание башкирцев. СПб., 1867.
20. *Крашенинников Н.А.* Башкирские скачки // Амеля. Уфа, 1977.
21. *Кудряшов П.М.* Воинские игры башкирцев. (Отрывок из повести "Абдрахман") // Вестник Европы. М., 1826. № 9.

22. *Лепехин И.И.* Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб., 1802. Ч.2.

23. *Лесгафт П.Ф.* Собрание педагогических сочинений Т. 2, ч.2. Руководство по физическому образованию детей школьного возраста. М., 1952.

24. *Морган Л.Г.* Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934.

25. *Нагаева Л.И.* Весенне-летние празднества и обряды башкир // Исследования в исторической этнографии Башкирии. Уфа, 1984.

26. *Надршина Ф.А.* Духовные сокровища. Уфа, 1992. (На баш. языке).

27. *Назаров П.С.* Предварительный отчет о поездке в Башкирию. Дневник антропологического отдела. 1890. Вып. 1–2.

28. *Никольский Д.П.* Этнографические и санитарно-антропологические исследования. СПб., 1899.

29. *Омуразов Д., Мусин Ю.* Киргизские народные игры. Фрунзе, 1973.

30. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773–1788. Ч. 1–4.

31. *Покровский Е.А.* Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогикой, гигиеной). М., 1895.

32. *Ратцель Ф.* Народоведение. СПб., 1900. Т.1.

33. *Руденко С.И.* Башкиры. М.; Л., 1955.

34. *Рычков П.П.* Топография Оренбургская, т.е. обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии Наук Корреспондентом Петром Рычковым. СПб. 1762. Ч.1.

35. *Тайлор Э.* Первобытная культура. М., 1989.

36. *Уметбаев М.* Памятки. Казань, 1887.

37. *Черемшанский В.М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859.

38. *Юлуев Б.Г.* К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. М., 1892. № 2–3.

39. *Gomme A.B.* The Traditional Games of England, Scotland and Ireland. L., 1894. P.461–471.

40. *Gross K.* Die spiele der Menschen. Wien, 1899.

БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ БАШКИР (историографический обзор)

Практика брачно-семейных отношений башкир привлекала внимание многих исследователей.

В XVIII в. о некоторых семейных обрядах башкир писали автор первого обобщающего труда о народах России, академик Петербургской академии наук Иоганн Готлиб Георги (1729–1802 гг.), руководитель академической экспедиции 1768–1772 гг. академик Петербургской академии наук Иван Иванович Лепехин (1740–1802 гг.) [9, 14].

В литературе можно встретить точку зрения, согласно которой браки у некоторых народов (в том числе у башкир и татар) в прошлом совершались, как правило, по воле родителей, без учета личных склонностей молодых. Как бы превосходящая своих будущих оппонентов, сторонников такой концепции, И.И.Лепехин писал: "Сватают (башкиры) сперва через сторонних людей; и когда отцы с обеих сторон согласны бывают, требуется неотменно и соизволение детей, а особливо женского полу: по чему невестин отец в присутствии многих посторонних людей спрашивает у своей дочери: люб ли ей жених и проч. Согласный или отказный ответ все решит дело". В отличие от некоторых своих современников И.И.Лепехин получал сведения из первых рук (присутствовал на поминках у башкир и красочно описал пиршество, которым они закончились). Поэтому его любое, даже небольшое сообщение представляет исключительный интерес. Благодаря его трудам мы имеем представление о размере калыма¹ у башкир в XVIII в. ("иногда до 200 рублей простирается"), об отдельной юрте для молодой четы "для пазушного посещения" женихом невесты, о запретах общения ("новомужние башкирки в разговор с старшими никогда не вступают") и т.д. [14, с.150–154].

XIX век в истории этнографического изучения башкир был знаменательным: появилось множество работ (книг, очерков, статей, путевых заметок), авторы которых оставили ценные наблюдения и сведения по социально-экономической, политической, этнической истории

¹ Для сравнения: в 80-х годах XIX в. средняя арендная цена за десятина земли составляла от 46,46 коп. (Орский уезд Оренбургской губернии) до 82,1 коп. (Оренбургский уезд той же губернии) // Материалы по статистике Оренбургской губернии. I: Движение населения Оренбургской губернии за 1887 год. 2: Переселения в губернии с 1886 года. Оренбург, 1889. Ведомость III.

башкир, их хозяйственным занятиям, обычаям и обрядам, фольклору. Перечисление их было бы мало интересным, тем более, что в 1994 г. вышел в свет указатель литературы о башкирах, охватывающий период с древнейших времен до начала XX в. [3]. Появление этого пособия освобождает от подробного анализа всей имеющейся литературы, и в последующем изложении мы будем ссылаться лишь на те труды, которые заключают в себе более или менее ценные для нас сведения.

Обстоятельное описание хозяйственного и бытового уклада пермских башкир начала XIX в. оставил Н.С.Попов в "Хозяйственном описании Пермской губернии" [24]. Вслед за его книгой, как верно подметил С.И.Руденко, в первой половине XIX в. появилась довольно многочисленная серия мелких газетных и журнальных статей и заметок, посвященных башкирам и напечатанных преимущественно в официальных изданиях.

В "Записках императорского Казанского экономического общества" православный священник Василий Плотников опубликовал небольшую статью "о башкирцах и мешеряках, живущих в Екатеринбургском уезде Пермской губернии", где привел довольно фрагментарные сведения по свадебной обрядности башкир и мишарей [23].

В трудах другого общества (естествоиспытателей) при императорском Казанском университете увидел свет "Антропологический очерк башкир" профессора Н.М.Малиева. Проводя антропометрические измерения башкир в деревнях Казангулово, Старо-Яппарово и Нижние Лемезы Уфимской губернии, он одновременно накапливал и этнографический материал, не утративший своего значения и по сей день. Исходя из своих полевых наблюдений, автор считал, что "башкирки малоплодовиты; обыкновенное число детей у них 3–4 человека, умирает столько же или несколько более 5,2, – так что средним числом за всю жизнь башкирки имеют 8,8 чел. детей". В подтверждение своего вывода он использовал сведения о числе всех родившихся, умерших и живых детей у башкирок названных деревень [17, с.25].

Среди обилия журнально-газетных статей, путевых заметок прошлого столетия выделяется книга В.М.Черемшанского "Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях", увидевшая свет в 1859 г. и удостоенная малой золотой медали ученого комитета Министерства государственных имуществ [35]. В ней наряду с уникальными материалами по географии, экономике, истории, просвещению, здравоохранению края содержится много сведений по этнографии тюркских, угро-

финских народов и русских, населявших губернию. По интересующему нас сюжету данных у В.М.Черемшанского пемного (брачные нормы и возраст, бытование института калыма в башкирском обществе), но они как свидетельства очевидца представляют чрезвычайную ценность. Шесть десятилетий спустя после появления этой книги башкировед С.И.Руденко напишет, что ее автор "дает много интересных сведений о быте башкир, не утративших своего значения до последнего времени" и что его "книга дала обильный материал для ряда последующих компиляций" [26, с.2].

Из многочисленных авторов XIX в., в работах которых встречаются те или иные сведения о брачно-семейных отношениях башкир, необходимо отметить П.И.Небольсина, В.М.Флоринского, Н.Литуновского, М.В.Лоссиевского, А.Е.Алекторова, В.А.Арнольдова и особенно С.Г.Рыбакова и Д.П.Никольского [20, 34, 15, 16, 1, 2, 21, 28, 29]. Исследователей того периода в первую очередь привлекала такая яркая сторона брака, как свадьба и свадебная обрядность, а также специфика семейных отношений, положение женщины в семье, различные семейно-бытовые обычаи. Эта традиция была продолжена и в советское время, когда этнографические исследования в Башкирии становятся все более регулярными и систематическими.

Известный фольклорист, музыковед и этнограф С.Г.Рыбаков, посетивший в 90-х годах прошлого столетия Уфимскую и Оренбургскую губернии, ярко описал свадьбу старшего сына старшины Кубеляк-Телевской волости Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии. В отдельном разделе своего труда "Музыка и песни уральских мусульман" он описал кокетство башкирской девушки. В другой путевой заметке "Очерк быта и современного состояния инородцев Урала" автор довольно подробно осветил хозяйственно-бытовой уклад башкир, живущих по восточному склону Уральских гор, в Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии, и известных под именем "горных", их жилище, кухню, кочевки. Представляют интерес сведения С.Г.Рыбакова о взаимоотношениях в башкирской семье, возрасте вступающих в брак, причине нераспространенности многоженства среди башкир. Вообще у башкир, сообщает он, нет того пренебрежения по отношению к женам, как у киргиз; к своим женам башкиры нередко привязываются и этим объясняют свое нерасположение к многоженству, которое у них мало распространено. Основываясь на своих наблюдениях (главным образом в Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии), С.Г.Рыбаков пришел к выводу: башкиры пользовались боль-

шей свободой, чем женщины некоторых восточных народов [29, с. 298–299].

Семейно-брачные отношения башкир нашли освещение в работах Д.П.Никольского. Медик по образованию, он в 1881–1882 гг. служил земским врачом в Екатеринбургском земстве Пермской губернии, до сентября 1888 г. был врачом на Кыштымских горных заводах и все это время изучал башкир. В различных журналах, Пермских губернских ведомостях он опубликовал много записок, наблюдений по этнографии, антропологии башкир, но главный его труд – это "Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование", изданный в 1899 г. в Санкт-Петербурге. В нем довольно подробно рассмотрены нормы обычного права в семейно-брачной жизни башкир: брачный возраст, учет степени родства, брачные запреты, развод, положение женщины у башкир, рождаемость, смертность и др.

В предисловии к своему "Указателю литературы о башкирах" Д.П.Никольский писал, что "среди массы литературного материала, с которым приходится иметь дело каждому, желающему ближе ознакомиться с этим народом, встречается немало ценных трудов и интересных очерков, заметок и т.п. наряду с поверхностными, компилятивными и даже малодостоверными корреспонденциями и сообщениями" [22, с. 1]. Располагая обширным полевым и литературным материалом, он не все сообщения своих предшественников принимал на веру. Напротив, подвергал их сравнительному анализу, сопоставлял с реальностью. Георги и Мозель утверждали, что у башкир браки чаще совершаются летом "по причине изобилия кушаний". Д.П.Никольский уточнил: браки чаще бывают зимой; в это время у башкир есть и деньги, и хлеб, да и работ поменьше. Летом реже свадьбы бывают потому, что родители невесты не хотят лишиться работника в лице дочери, а с другой стороны, и средств в начале лета обыкновенно недостаточно для угощения. Д.П.Никольский не согласился и с П.С.Назаровым, который писал о широком распространении развода среди степных башкир, высказал аргументированное мнение о положении башкирской женщины в семье. С чьей-то легкой руки издавна утвердилось мнение о тяжелой и унижительной доле башкирки в семье. Д.П. Никольский попытался показать, что такая постановка вопроса противоречит морально-нравственным принципам башкирского общества. Положение башкирской женщины в семье, пожалуй, лучше положения русской, пишет он, пожилые женщины пользуются у башкир уважением не только в семье, но и в обществе, и голос их имеет иногда даже решаю-

щее значение. Немало нового, можно сказать оригинального, в его исследовании по рождаемости, смертности и бракам у башкир [21].

Особо следует выделить работы П.С.Назарова, Б.М.Юлуева и М.Баишева, опубликованные во второй половине XIX в. Башкиры по национальности, они черпали информацию не из вторых рук, их сообщениям присущи непосредственность, большая достоверность. В плане нашей темы представляют интерес материалы о свадебной обрядности, насыщенные конкретными живыми деталями [4, 18, 19, 36, 37].

В начале XX в. появляется ряд работ, в которых содержится весьма подробное примечание в плане рассматриваемой темы (об архаических формах брака у башкир – левирате, свадебных торжествах [11, 38, 10, 33]).

В последующие годы (20–40-е) в историко-этнографическом изучении башкир наступает относительное затишье, хотя и в трудные для страны времена предпринимаются определенные усилия по исследованию исторического прошлого народа, особенностей его языка, быта и культуры. В 1922 г. были изданы первые два выпуска трудов "Общества по изучению быта, истории и культуры башкир" [32]. В 1925 г. начал выходить периодический печатный орган общества "Башкорт аймагы", в котором, как и в ежегоднике "Башкирский краеведческий сборник", публиковались материалы по этнографии башкир и других народов края¹. В 1927 г. организуется Башкирская экспедиция Академии наук СССР, которую возглавил С.И.Руденко. В 1928 г. отряды экспедиции развернули работу в кантонах республики, однако в следующем году они прекратили свое существование. Предварительные результаты исследований многих отрядов были опубликованы в ежегодных отчетах Академии наук и в приложениях к журналу "Хозяйство Башкирии"².

В 1925 г. увидела свет вторая часть книги С.И.Руденко "Башкиры", ставшая поистине вехой в этнографическом изучении башкир [26]. В отдельной главе "Семья и род" автор подробно описал традиционные брачно-семейные отношения башкир конца XIX в., попытался на материалах свадебной обрядности проследить историю брака. По его мнению, при строгой когда-то экзогамии у башкир брак совершался похищением невесты. По мере возрастания родов похищение становилось все более трудным и даже, наконец, невозможным, и оно было замене-

¹ Выпуск 1 – в 1926 г.; 2 – в 1927 г.; 3 и 4 – в 1930 г.

² 1929. № 6. Приложение; № 7. Приложение.

но куплей. Н.В.Бикбулатов внес некоторые поправки в концепцию С.И.Руденко. Он допускает, что разрастание родов имело какое-то значение, но считает, что решающим фактором все же были изменения в социально-экономических отношениях, "иным стало само общество и его отношение к браку" [6, с. 80]. Браки похищением в прошлом, по-видимому, имели широкое распространение.

Монах Киево-Печерского монастыря, автор "Повести временных лет" Нестор сообщает, что у древних славянских племен браков "бываше, но умыкиваху у воды девиц". Летописец-христианин осуждает беспорядочность брачной жизни язычников: многоженство и умыкание невест; впрочем, он добавляет, что обычно похищали невест "с нею же кто совещашеся", т.е. по обоюдному согласию. Впоследствии вместо похищения (или после похищения) жених уплачивал выкуп родным невесты [25]. Древляне, северяне, родимичи и витячи, пишет Н.М.Карамзин, "не знали браков, основанных на взаимном согласии родителей и супругов, но уводили или похищали девиц". В то же время он сообщает также, что у древних славян мужья обыкновенно покупали жен [13].

Купля невесты, видимо, также древний способ заключения брака. В Иллирии (северо-запад Балканского, юго-восток Аппенинского полуостровов), сообщает древнегреческий историк Геродот (V в. до н.э.), в известное время девушки, достигшие совершеннолетия, сходились в сопровождении своих родителей в одно место, туда же стекались молодые люди и вообще мужчины и покупали девиц [27].

На земном шаре вряд ли можно отыскать хоть один народ, которому была известна лишь одна, единственная форма бракосочетания. У татар Поволжья и Приуралья в прошлом существовали три формы заключения брака: через сватовство, путем ухода девушки к любимому без разрешения родителей и посредством похищения девушки без ее желания. Наименее распространенным были две последние формы. Основной формой был брак по сватовству с уплатой калыма за невесту [31, 7]. Брак "похищением" с согласия девушки в прошлом бытовал у сибирских татар, свадебные обряды при такой форме брака значительно упрощались; при мирном исходе дела вся свадьба завершалась никаком и скромным угощением сторон [8]. У южных алтайцев (алтайкижи, теленгитов) насильственное похищение девушек было крайне редким явлением, но оно имело распространение наряду с другими видами бракосочетания. У них в конце XIX – начале XX в. до 80% браков заключались путем умыкания по согласию невесты [30]. У чу-

вашей брак попойкой исчез давно (до XVIII в.), браки умыканием, когда против желания девушки, а когда и по взаимной договоренности между молодыми – встречались вплоть до 1950-х годов [12].

Выяснение архаичности тех или иных форм брака, их соотношения на разных этапах истории башкирского общества пока не представляется возможным. Для этого необходимы специальные исследования. Однако очевидно, что у башкир, как и у других народов Евразии, различные виды заключения брака сосуществовали.

В башкирском эпическом сказании "Кара Юрга" (букв. "Вороной иноходец") конь похищает невесту для своего хозяина [5]. Но это – не умыкание без согласия девушки, напротив, по ее желанию. Аблай (жених бывал на яйляу (летовке) отца Мактымхылу (невесты), по вечерам веселился с девушками, вместе с Мактымхылу гулял в поле, и хотя невеста и давала понять, что полюбила его, он (Аблай) не открывался ей, любовь свою держал в тайне и печалился, что на калым ему не хватит богатства ("Для калыма нет у меня скота").

Умыкание невесты с ее согласия, судя по сказанию "Кара Юрга", было не единственным способом заключения брака. Мактымхылу, желая узнать, любит ли ее Аблай, предложила ему подарок (расшитый пояс), но тот отказался: "В тайне от отца не полюблю его дочь, пусть подарок останется пока".

Аблай полюбил Мактымхылу, но жениться без ведома родителей (во всяком случае отца невесты Масем-бая) не решается, хотя в конце концов так оно и случилось: молодые тайком перебрались на яйляу Кусярбая (отца жениха), устроили свадьбу и стали жить вместе. Жених готов уплатить калым за невесту, которая уже была засватана за сына богатого Нугум-бая, хотя считает: "Взять девушку за калым не делает чести егету" (джигиту, молодцу).

Параллельное бытование разных форм брака прослеживается и по другим фольклорным памятникам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алекторов А.Е.* Башкиры (Этнографический очерк) // Оренбургский листок. 1995. № 48-52.
2. *Арнольдов В.А.* Санитарно-бытовой очерк жизни башкир юго-восточной части Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. Казань, 1894.
3. *Багуманова М.Х.* Указатель литературы о башкирах. Уфа, 1994. Ч.1.

4. *Баишев М.* Деревня Зианчурина Орского уезда Оренбургской губернии // Изв. Оренбургского Отд. Имп. Рус. географич. общ-ва. Оренбург, 1895. Вып. 7.
5. *Башкирский* народный эпос. М., 1977. С. 435–436.
6. *Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф.* Семейный быт башкир. XIX–XX вв. М., 1991.
7. *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Мухина З.З.* Сельская женщина в семейной и общественной жизни. Казань, 1996. С. 22–23.
8. *Валеев Ф.Т.* Сибирские татары: культура и быт. Казань, 1992. С. 143.
9. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1776. Ч. 2.
10. *Железнов И.Н.* Уральцы. СПб., 1910.
11. *Зеленин Д.К.* О левирате и некоторых других обычаях башкир Екатеринбургского уезда // Этнографическое обозрение. 1908. № 3.
12. *Иванов В.П., Фокин П.П.* Семья у чувашей. Чебоксары, 1991. С. 28.
13. *Карамзин Н.М.* История государства Российского М., 1989. Т. 1. С. 65–66.
14. *Лепехин И.И.* Продолжение дневных записок путешествия академика медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб., 1802.
15. *Литуновский Н.* Медико-топографическое описание Оренбургской губернии. М., 1878.
16. *Лоссиевский М.В.* Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам // Справочная книжка Уфимской губернии на 1883 год. Уфа, 1883.
17. *Малиев Н.* Антропологический очерк башкир // Труды Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Казань, 1876. Т. 5, вып. 5.
18. *Назаров П.С.* Заметки башкира о башкирах // Современник. СПб., 1863. Т. 99, № 11.
19. *Назаров П.С.* К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. М., 1890. № 1.
20. *Небольсин П.* Рассказы проезжего. СПб., 1854.
21. *Никольский Д.П.* Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899. С. 113, 116, 141, 169–185 и др.
22. *Никольский Д.П.* Библиографический указатель литературы о башкирах. М., 1900.

23. *Плотников В.* О башкирах и мещеряках, живущих в Екатеринбургском уезде Пермской губернии // Заметки Императорского Казанского экономического общества. Казань, 1855. Вып. 3.
24. *Попов Н.С.* Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию. СПб., 1813. Ч. 3.
25. *Пушкарёв С.Г.* Обзор русской истории. М., 1991. С.14.
26. *Руденко С.И.* Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч.2. Быт башкир. Л., 1925. (Первая часть монографии, посвященная физическому типу башкир, была опубликована в 1916 г. – М.М).
27. *Русский народ.* Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1992. С.116.
28. *Рыбаков С.Г.* Музыка и песни Уральских мусульман с очерком их быта. СПб., 1897.
29. *Рыбаков С.Г.* Очерк быта и современного состояния инородцев Урала // Наблюдатель. СПб., 1895. №7–8.
30. *Тадина Н.А.* Алтайская свадебная обрядность (XIX–XX вв.). Горно-Алтайск, 1995. С.35.
31. *Татары Среднего Поволжья.* М., 1967.
32. *Труды* научного общества по изучению быта, истории и культуры башкир при Наркомпросе БАСССР. Вып.1. Стерлитамак, 1922 (на араб. яз); Вып.2. Стерлитамак, 1922 (на русск. яз.).
33. *Филоненко В.И.* Башкиры // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа, 1913. №2, 5, 6, 7, 8; 1914. №2, 5, 8.
34. *Флоринский В.М.* Башкирия и башкиры: Путевые заметки // Вестник Европы. 1874. Кн. 12.
35. *Черемшанский В.М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859.
36. *Юлуев Б.М.* Башкирские свадебные обряды // Оренбургский листок. 1885. № 39.
37. *Юлуев Б.М.* К этнографии башкир: Свадебные обряды в Орском уезде Оренбургской губернии // Этнографическое обозрение. М., 1892. №2–3.
38. *Roudenko S.* Traditions et contes bachkirs // Revue de traditions populaires. P., 1908. Vol.23. №2/3; Vol.24, №4/5.

"ЧТО ТАКОЕ ТЕПТЯРИ"? (к вопросу идентификации)

"Что такое тептяри?" – таким был заголовок одной из статей Е.С.Филимонова, опубликованной в конце прошлого столетия, спустя двести пятьдесят лет со времени появления первого описания тептярей [69, с.56]. Название статьи как нельзя лучше отразило существовавшую (и существующую) разногласию мнений и взглядов на тептярей. Кроме того, очевидно, если по поводу некоего социума возникает вопрос – "что он такое?", то проблема из области чисто исторической переходит в плоскость теоретической этнологии и социологии.

В литературе этот вопрос поднимался неоднократно и на разных этапах историографии проблемы решался по-разному. Наиболее ранняя научная характеристика тептярей дана в XVIII в. И.Г.Георги. Автор говорит о тептярях как о "многолюдном" конгломерате, сложившемся из "черемис, чуваш, вотяков, татар". "Сии люди, – сообщает И.Георги, – употребляя разные по неодинаковой своей природе языки, и при том будучи между собою различны во нравах, а отчасти и в вере, перемешались, исключая татар, так, что иногда нарочито трудно дознаваться, от какого происходят они племени" [21, с.67–68].

П.С.Паллас в описании тептярской деревни Белскес в северо-восточной Башкирии (XVIII в.) высказал интересные замечания, дополняющие характеристики И.Г.Георги. "Оная деревня, – пишет автор, – состоит из десяти токмо домов, и жители ее принадлежат к числу так называемых тептярей, которые платят малый подушный оклад, и для того должны иметь повозки для перевозу Илецкой соли и коих число в Уфимской провинции, то есть татар, чуваш, черемисов вместе, простирается более нежели тридцать тысяч душ. Здешние татары (! Р.Я.) происходят от Казанских и отличаются еще все от прямых Уфимских" [47, с.21].

В записках И.П.Фалька тептяри оказываются в одном ряду с этническими группами. "Сии страны ("Уфимская провинция". – Р.Я.) населены русскими, татарами, черемисами, чувашами, вотяками, тептярями, – хорошими земледельцами, а также башкирами и мещеряками, занимающимися скотоводством, а потому сея провинция хорошо возделана и торгует хлебом" [67, с.257].

Так охарактеризовали тептярей исследователи XVIII в. – европейцы по происхождению – немцы И.Г.Георги и П.С.Паллас, швед И.П.Фальк. Из россиян во второй половине XVIII в. о тептярях писали чиновник Оренбургской "особой" экспедиции, историк-краевед П.И.Рычков и его сын Н.П.Рычков.

Член-корреспондент Академии наук П.И.Рычков в одной из главных работ "Топография Оренбургской губернии" [57] описывает современное ему состояние народов Оренбургской губернии – башкир, татар, чувашей, черемисов (марийцев), вотяков (удмуртов), мордвы и др. В главах VI–VII, IX – "О мордве и черемисах общественно", X – "О вотяках", XI – "О чувашах" П.И.Рычков говорит о том, что эти народы с 1747 г. платят в государственную казну "тептярский ясак" (налог) и состоят в "числе тептярей и бобылей во всем равенственно". Из этих сообщений ясно, что автор видит в тептярях полиэтничный социальный слой общества, находящийся в определенной экономической зависимости от государства. В более поздней своей работе П.И.Рычков характеризует тептярей как "иноверцев" из татар, мордвы, чувашей и других, "бежавших" в Башкирский край из регионов Среднего Поволжья в период обложения их подушной податью [57, с.36–137]. О времени формирования тептярей говорилось выше, но здесь следует отметить, что П.И.Рычков на наш взгляд, невольно внес первую неточность в историографию тептярской проблемы. При неправильном прочтении сюжета о тептярях в "Топографии..." можно прийти к заключению, что формирование тептярей происходило только в начале XVIII в., а именно в период введения подушной подати. В "Истории Оренбургской" П.И.Рычков выражается точнее и подробно излагает факты истории тептярей [56, с.9].

Н.П.Рычков (сын П.И.Рыčkова) один из участников Оренбургской "Физической" экспедиции описал тептярей правобережья среднего и нижнего течения р. Белой и сделал это значительно обстоятельнее своих коллег. Он отмечал, что "имя тептярей дается той части народа, которая обитает внутри Башкирии и кою составляют татары, чувашаи, черемисы и вотяки [55, с.129]. И еще: "...татары в числе тептярей находящиеся, содержат закон магометанский; а чувашаи, черемисы и вотяки хранят почтение к древним своим богам" (язычество. – *Р.Я.*) [55, с.140]. Достаточно подробно обрисовано экономическое состояние тептярей в 1770-е годы и некоторые другие особенности их быта. В определении сущности группы тептярей описания Н.П.Рыčkова являются наиболее емкими применительно к XVIII в.

Работами, о которых шла речь выше, исчерпывается первый этап в развитии историографии тептярей (вторая половина XVIII в). Однако освещение интересующей нас проблемы было бы неполным без упоминания об описании тептярей, представленном Сенату оберсекретарем и тайным советником, главой Оренбургской миссии И.К.Кириловым. Текст его "изъяснения" опубликован в 1949 г. в многотомном сборнике документов "Материалы по истории Башкирии" [44]. Сюжет о тептярях цитируем в полном объеме. "Тептяри татары, чуваша, мордва, вотяки изстари у башкирцев на землях живали, а паче от времени до времени всегда прибывали. Бобыли и ныне прибывают, ибо уезд обширной верстах на тысячи и за тем одному городу Уфе никак пресечь невозможно, пока не огорожены будут другими городами.

Тептяри и бобыли двоякие: одни называются припущенники, кои настоящие башкирцы приняли к себе на земли жить и платить лисий и куний ясак, тот кой и без них (тептярей. – *Р.Я.*) повинны они, башкирцы сами отдавать в казну, и тако, сложа с себя на припущенников платеж, сами без ясаку живут; а инде уже называли и называют их якобы природные башкирцы, но ныне некоторые волости начали таких припущенников объявлять собою в особый в казну тептярский оклад, однако и вдруг никак в том принудить нельзя, а исподволь при добрых поступках могут и всех объявить.

Другие тептяри и бобыли, кои живут у башкирцев по записям и без записей, нанимая земли, те в казну платят с себя тептярский и бобыльский оклад по кунице, то есть по 40 копеек с двора или ясака, да подымных по пяти копеек, ямских по четыре копейки, а иные больше и меньше, о чем покажется, когда посланные верные ясашные сборщики возвратятся"[44, №549]. Этот документ, несомненно, был известен исследователям XIX в. и использовался ими. К сожалению, судить об этом можно только по схожести информации, содержащейся в сочинениях XIX в. и самом "изъяснении", так как ссылок на данный источник в работах не встречается[30, с.32–33]. Но ко второй половине XIX в. состояние тептярей в историческом, этнографическом и социально-политическом отношении изменилось настолько, что выводы некоторых исследователей, основанные на описаниях XVIII в., были не только неадекватны реальности, но и усложняли дальнейшее понимание проблемы тептярей.

Обобщая названные материалы XVIII в., можно сделать следующее заключение. Почти все сведения об объекте собраны авторами

путем непосредственного наблюдения, которое вполне можно назвать этнографическим. Что касается вопроса идентификации тептярей, то ясно, что авторы относят их к социальному слою, сложившемуся из представителей народов Волго-Уральского региона: татар, марийцев, чувашей, удмуртов, мордвы. История и современное (XVIII в.) состояние тептярей было понятно исследователям, очевидцам и субъектам происходивших исторических событий. Потому и незаметно в названных работах сомнения по поводу того, что же такое тептяри.

Вопросы этнокультурной идентификации едва ли волновали в данный период авторов, помимо исследовательской деятельности исполнявших миссию проводников государственной Российской политики на ее восточных окраинах, способствующих утверждению империи.

Очевидно также, что в течение XVIII в. состояние сословия изменялось. Так, у И.К.Кирилова тептяри – "двоякие". Одни связаны арендными отношениями с башкирами, но не с государством. Другие, оставаясь припущенниками (арендаторами), "платят с себя в казну тептярский ясак." Часть припущенников, судя по всему, постепенно растворялась в башкирской этнической среде: "а инде уже называли и называют их якобы природные башкирцы"[44, №549]. И правительство было серьезно озабочено переходом "в башкиры массы припущенников", что в первую очередь связано с проблемой сбора налогов[44, №549]. И.К.Кирилов на момент подготовки отчета Сенату даже не знал точной численности тептярей и ожидал возвращения своих разведчиков из башкирских волостей. По сведениям П.И.Рычкова, Н.П.Рычкова, И.И.Фалька, П.С.Палласа, тептяри – уже российское сословие[47, с.21; 55, с.129; 57, с.36–137; 67, с.257].

Теоретическое осмысление феномена (тептярей) было сделано только И.Георги. Он единственный заметил, что тептяри "служат доказательством в новейшие времена того, что при государственных смятениях могут новые народы и новые поселения получить свое бытие"[21, с.67]. Анализ опубликованных материалов XIX–XX вв. показывает, что тезисы, выдвинутые ученым, не были оценены по достоинству. Отчасти это было обусловлено особенностями истории Башкирии и самих тептярей, но в большей степени тем, что в развитии историографии тептярей всегда большую роль играли политические стереотипы. Тептяри всегда воспринимались политиками, вместе с тем и учеными, прежде всего как податное сословие, должное приносить государственную пользу, а не этнокультурное явление.

В публикациях первой половины XIX в. не обнаруживается новых идей или существенных дополнений к разъяснению тептярского феномена. Напротив, отсутствие научных ссылок на источники информации у авторов статистических и военно-топографических и прочих обзоров еще более усложняет понимание данной проблемы. Так, в военно-историческом обозрении Пермской губернии мы читаем: "В это же время начали переселяться с Волги на земли, занятые башкирами, татарами, разные народы финского племени, из которых в Пермской губернии остались (? – *Р.Я.*) черемисы и тептяри с бобылями, составившиеся из смеси вотяков (удмуртов. – *Р.Я.*), чуваш, мордвы, татар, и проч."¹. Не останавливаясь на разборе всех вопросов, возникающих при прочтении подобной выдержки, укажем лишь на то, что в большинстве случаев авторы "обзоров" отмечают сословность тептярей ("и составляют...особое сословие"), но, видимо, учитывая многочисленность тептярей в башкирском крае, а также не до конца понятую авторами сложность этнокультурных процессов внутри тептярской группы, всегда перечисляют их среди этнических групп [15]. Сведения о тептярях и их происхождении авторы черпали не из непосредственных опросов, а из названных выше сочинений. Подтверждение этому мы находим в документах РГВИА (Ф.414.). В рукописях "обзоров" авторы прямо говорят, что в части историко-этнографических описаний они опираются на опыт исследователей XVIII в.². Так, в историческую и этнографическую литературу о тептярях начинают попадать сведения вторичной интерпретации. Описания И.К.Кирилова, П.И.Рычкова, Н.П.Рычкова, И.Г.Георги в XIX в. также активно использовались историками и этнографами. В частности, С.В.Соловьев, ссылаясь на И.К.Кирилова, повторяет: "тептяри и бобыли из разных уездов беглые татары, чувашы, черемисы, вотяки; башкиры отдают им взаимы свои земли и владеют ими как крестьянами"[58, с.330].

Во второй половине XIX в. идентификация тептярей постепенно изменяется и усложняется. Не последнюю роль в этом процессе сыграл факт официального (государственной статистикой) учета тептярей наряду с другими этносами России. Яркой иллюстрацией тому служат работы П.И.Кеппена, осуществившего подбор исторических документов о народностях Волго-Уральского региона, в том числе тептярях, а также этностатистические разработки на материалах ревизий. В описа-

¹ РГВИА. Ф 846 (ВУЛ). О.16. Д.18934а. Л.42.

² РГВА. Ф 414. Д.16455. Л.73.

нии путешествия по Вятскому краю П.И.Кеппен замечает: "приводимые до сих пор в списках живущих в России народов так называемые "тептери" или "тептяри" не составляют ни отдельного племени, ни даже племенной ветви или отрасли. Эти тептяри, известные также под именем бобылей... происходят от беглых татар, поселившихся между башкирами"[38, с.107]. В Материалах для этнографической карты Европейской России П.И.Кеппен определяет тептярей "не как народ, но состояние: нечто среднее между государственными крестьянами и Башкиро-Мещерякским войском" (казаками ? – *Р.Я.*) [39, с.20]. Автор делает еще одно ценное замечание. Тептяри Пермской губернии "суть черемисы, вотяки, чуваша; под бобылями же здесь разумеются татары, перемешавшиеся с вотяками (? – *П.К.*). В Оренбургской губернии под названием тептярей разумеют беглецов татарского происхождения, которые в XVI в., по разрушению Казанского ханства, ушли к башкирам, а бобылями называют подобных же беглецов финского племени (т.е. переселенцев из Волжских народов). Наконец, в Вятской губернии тептяри состоят из черемис и татар. Автор явно отмечает внутреннюю региональную неоднородность тептярского сословия[39, с.20].

П.Небольсин в своих "Рассказах проезжего" высказывает весьма занимательные суждения о тептярях. "Припушенники башкирцев, состоявшие из разного сброда финских племен, составили впоследствии отдельную массу народа, известную под названием "тептярей и бобылей", с уничтожением когда-то тептярских полков, естественным образом обратившихся в государственных крестьян, какими они сами уж давно привыкли себя считать"[46, с.240–241]. П.Небольсин впервые однозначно относит всех тептярей к финским народам (марийцам, удмуртам, мордве). Это свое недвусмысленное замечание автор, к сожалению, не подкрепил ссылкой на источник информации. В научном отчете о путешествии по Поволжью и Южному Уралу, опубликованном в Записках РГО, П.Небольсин считает тептярей "смесью финских и тюркских народностей"[46, с.240–241]. Однако при более внимательном прочтении приведенной выше цитаты можно обнаружить, что автор как бы делит историю тептярей на три периода: первый, когда на территорию Башкирии переселялись представители народностей Среднего Поволжья (по П.Небольсину – финских племен); второй – "впоследствии", когда припушенники "составили отдельную массу народа" – тептярей и бобылей; наконец, третий, когда тептяри и бобыли превратились в государственных крестьян[46, с.240].

Поскольку разбор самой проблемы идентификации тептярей не входит в задачи настоящего исследования, мы не останавливаемся на нем подробно. Но нельзя не сказать, что предложенный нами вариант прочтения сюжета у П.Небольсина не лишен оснований, в особенности когда мы говорим о раннем периоде формирования тептярей.

К.Уйфальви, видимо, относил тептярей к этническому новообразованию, сформировавшемуся от "смешения башкир с татарами" (в том числе с мишарями. – *Р.Я.*). К такому заключению К.Уйфальви пришел в результате расспросов местных жителей северо-восточной Башкирии, в том числе представителей администрации[62, с.119].

С.А.Рыбаков в ряде работ изложил результаты своих этнографических наблюдений за тептярями зауральской Башкирии. Он, в частности, отмечает: "По рассказам самих тептярей...волость их (Тептярочалинская. – *Р.Я.*) образовалась из поселившихся вместе разных бродячих людей и целых семейств как-то: русских беглых крестьян и солдат, татар, чувашей, башкир, мещеряков"[54, с.38–43]. С.А.Рыбаков отмечает, что у тептярей "ничего племенного нет"[54, с.39]. Трудно понять смысл термина "племенной". Если он соответствует понятию этнокультурный, то, вероятно, замечание автора означает, что перечисленные народности не образовали новой этнокультурной общности. В то же время особенности музыкального творчества тептярей, выделенные самим автором, говорят о существовании у тептярей некоей этнокультурной специфики[54, с.197–207].

Н.Ф.Катанов и Р.Г.Игнатьев дополнили информацию о своеобразии тептярей записями тептярских песен и сказок в северо-западной Башкирии. Р.Г.Игнатьев в своей работе делает примечание, что тептяри говорят "особым татарским наречием ... почти таким же, как башкиры" [31, с.3; 37, с. 20–39].

Статья Е.С.Филимонова озаглавлена: "Что такое тептяри?" В преамбуле автор отмечает: "Еще недавно к одной из заграничных географических выставок была составлена г-ном Остроумовым этнографическая карта Пермской губернии, где тептяри помечены как самостоятельное племя" (! – *Р.Я.*) [69, с.56]. Е.С.Филимонов полагает, что тептярей нельзя считать "отдельной" народностью, так как "в древних актах нигде не находится указаний на тептярей". Но интересно другое замечание автора: "иначе приходится допустить, что тептяри как племя выступили на историческую сцену лишь в последнее время"[69, с.56]. К сожалению, на вопрос, что такое тептяри, сам Е.Филимонов так и не ответил. С одной стороны, он говорит о тептярях, "ничем не отличаю-

щихся от башкир" (башкирах? – Р.Я.); с другой – о тептярях-черемисах, тептярях-татарах и тептярях-вотяках. Кроме этого автор утверждает, что "русское законодательство в не особенно давнее время делило башкирское племя на "гражданских башкир" и "военных башкир – тептярей" [69, с.58].

В. Филоненко в одной из публикаций обмолвился о тептярях как "сходцах из разных мест", припущенниках на башкирских землях или "сброде" [70, с.2]. Этническую принадлежность "сходцев" автор не указал.

В начале XX в. появляются совершенно новые взгляды на идентификацию тептярей. Выводы Г.Ахмарова более чем лаконичны: "тептяри не составляют из себя особой народности, как их принято считать в официальных грамотах и русской литературе (? – Р.Я.), а суть особый разряд крестьян, находившихся в прежнее время в некоторой зависимости от башкир" [5, с.363–364]. "Тептяри делятся на тептярей-татар, тептярей-черемис, тептярей-вотяков. Прочих иноверцев, а также и русских, в числе тептярей не находится". Относительно тептярей из чувашей, Г.Ахмаров заявляет особо, что вопреки сложившемуся "в русской этнографической литературе" мнению, "что тептяри мусульмане составляют смесь чувашей и прочих инородцев" (? – Р.Я.), "в числе тептярей чуваш совсем не оказывается" [5, с.363–364]. В свете современных исторических и этнографических исследований некоторые выводы Г.Ахмарова, включая последний, оказываются не прочными. Об этом говорит и антрополог Т.А.Трофимова [61, с.122].

Любопытно, что поводом к публикации работы Г.Ахмарова послужило обращение к нему Р.Фахретдинова, в то время "казья" (член правления) и "гади" (должность судьи в мусульманском праве) Оренбургского магометанского Духовного управления [5, с.341]. Р.Фахретдинов был человеком широко образованным, знающим историю и культуру тюркских народов [10, с.23]. По свидетельству самого Г.Ахмарова, Р.Фахретдинов долгое время жил "в центре тептярского населения" [5, с.341]. Очевидно, для Р.Фахретдинова вопрос о тептярях (прихожанах !) не мог быть плодом праздного любопытства. В своем письме (1903 г.) он, в частности, пишет Г.Ахмарову: "Между мусульманами есть еще народность, известная под именем "тептярей". Интересно знать – населяют ли они правые берега Волги и Камы, на левой же стороне их очень много. Большинство мусульман Самарской, Уфимской, и Оренбургской губерний суть тептяри, общее число которых не менее числа башкир и мешеряков. Было бы очень хорошо, если

бы кто-нибудь с усердием принялся за исследование о тептярях" [5, с.341].

Лидер башкирского национального движения А.Валиди, судя по некоторым его высказываниям, относил тептярей к народам "тюркского племени" [8, с. 208]. В числе этнических групп тюрков Поволжья и Южного Урала видит тептярей и один из лидеров пантюркизма в России – И.Б.Гаспринский [20, с. 34]. Финская часть тептярей видимо не принимается во внимание этими авторами. Г.Газиз по поводу тептярей имел несколько иное мнение, применяя двойной этноним татары-тептяри [19, с.159].

В советское время вопросу о тептярях-черемисах специально уделил внимание П.Глезденев, признававший изначальную сословность тептярей. П.Глезденев подчеркивает, что групповое тептярское самосознание сохраняется не только у тюркской, но и финской части тептярей, в частности, у черемисов Вятской губернии [22, с.76].

В условиях бурного развития национально-республиканских исторических и этнографических школ, проблема тептярей приобретает разное звучание у исследователей Татарстана и Башкортостана.

В частности, Дж.Валидов, характеризуя тептярский диалект, отмечает: "Есть еще другая группа, которая, будучи далека от всякого мишаризма, не вмещается в понятие собственно казанских татар, хотя она по языку не резко отличается от собственно казанского. Я говорю об уфимских, уральских татарах, о тептярях и отатарившихся башкирах" [9, с.51–52]. Тептярей Дж. Валидов называет выходцами Казанского края. По замечаниям автора относительно языка тептярей и некоторым другим видится его отношение к тептярям как группе казанских татар, испытавшей сильное влияние башкирской культуры и языка [10, с.23].

Н.И.Воробьев однозначно относит тептярей к этнографическим группам татар. В монографии "Казанские татары" можно встретить даже замечания автора об особенностях материальной и духовной культуры тептярей [16, с.128].

Г.Комиссаров, ученый из Башкирии, видит проблему тептярей иначе. Он считает их не "особой национальностью", а группой, "которая в прошлом занимала особое социально-экономическое положение по отношению к коренному населению – башкирам и к царскому правительству" [40, с. 17–31]. Заслуживает внимания другая аналогия, предложенная Г.Комиссаровым: "Можно сказать, что тептяри выделяются в особую этнографическую группу по тому же праву, по которому выделяются в группу, например, казаки (уральские, кубан-

ские, донские)" [40, с.17]. Особое место в рассуждениях автора отводится самосознанию и самоназванию тептярей. Исследователь хотя и настаивает на отсутствии у тептярей собственного языка, особенностей материальной и духовной культуры, но отмечает, что башкиры "выделяют их (тептярей) в особую группу, да и сами они именуют себя не татарами и не башкирами, а именно тептярями" [40, с.18]. Тезисы, выдвинутые Г.Комиссаровым, являются первой попыткой теоретического осмысления тептярского феномена в XX столетии.

С.И.Руденко во второй части своей этнографической монографии о башкирах (1926 г.) отметил сложность проблемы тептярей [52]. Мысль о том, что иногда "настолько трудно отделить собственно башкир от мешчеряков и тептярей, была высказана им еще в 1916 г. в работе, посвященной антропологии башкир [53]. В 1950-е годы в описании северо-запада и юго-запада Башкирии он отмечает, что определенные антропологические особенности у башкир указанных территорий отличают их от "остальных башкир восточной области", и это обстоятельство "объясняется совместным в этом районе проживанием с башкирами тептярей и отчасти татар". На этом моменте С.И.Руденко несколько раз акцентирует внимание [51, с. 334, 336, 338, 339]. Особенно любопытным кажется отделение им тептярей от татар.

По мнению В.Ф.Фиельструпа, тептяри "не составляют этнической единицы в группе тюркских народов, а являются сословием", но в то же время это сословие "настолько переработалось в языковом и бытовом отношениях", а "статистика регистрирует их особо от других народностей, и связь их с исходными племенными группами утрачена по крайней мере в этой области" [68, с.22–23]. Напрашивается вопрос: "Что может представлять собой группа, образовавшаяся из полиэтничного сословия, "переработавшаяся в языковом и бытовом отношении" и утратившая связи с "исходными племенными группами", если не новое этническое образование?" Но у В.Ф.Фиельструпа нет ответа на данный вопрос, как, впрочем, и собственной позиции, что очевидно из следующего его замечания: "такое обособленное (в статистике. – Р.Я.) положение тептярей заставило и нас выделить их в особую группу" [68, с.9].

В нескольких публикациях Н.Н.Барсов специально рассматривает тептярскую проблему. Позиция исследователя выражается в следующих тезисах: тептяри формировались как сословие переселенцев в башкирский край татар, марийцев, удмуртов, чувашей и др.; главным фактором их социального обособления "было их проживание не на

собственных, а на башкирских землях; общее прошлое, общие интересы тептярей вызвали к жизни "даже зачатки национального фольклора"¹; но собственного языка у тептярей нет [6, с.200–221; 7].

В послевоенные годы исследователь-лингвист А.А.Юлдашев в диссертации "Язык тептярей" употребляет в отношении тептярей термин "народность" [73, с.246]. Точно также выразился о них Г.Ахмаров [5, с.342]. В заключении к своей работе А.Юлдашев уточняет свою позицию: "тептяри представляли благодаря относительной общности материальной культуры, языка и социальному весу самостоятельную этнографическую единицу" [73, с.247].

Историки советского периода не сомневаются в социальной природе тептярей и, как правило, не допускают мысли о формировании их собственной этничности. По Чулошникову, тептяри – "сходцы (татары, чуваша, мари), притекавшие в Башкирию из заново закрепощаемых районов Поволжья и Прикамья" [71, с.27]. Под сходцами Чулошников имеет в виду сословие припущенников. Аналогичные или близкие к указанным позиции занимали историки Н.В.Устюгов, С.М.Васильев, Н.В.Демидова и др. [1, 11, 12, 13, 25, 26, 27, 48, 63, 64, 65, 66]. Очевидно, факт исчезновения тептярей из данных официальной государственной статистики после 1926 г. дал основание считать, что тептяри перестали существовать.

В кругу этнографов, а также историков, затрагивавших в своих исследованиях этнографические аспекты, с начала 1960-х годов наступил этап существенных противоречий в идентификации тептярей. Прежде всего, углубилось разногласие Казанской и Уфимской гуманитарных школ.

Формулировки Н.И.Воробьева, Г.М.Хисамутдинова, Г.В.Юсупова относительно сущности тептярской группы не выходят за рамки уже сложившихся в советской историографии мнений. Тептяри, по мнению авторов, сословие "припущенников", "полукрепостных башкирских старшин", с 1836 г. – "государственные крестьяне" [17, с. 124–130]. Вместе с тем в данной работе методом этнографического наблюдения выявляются этнокультурные особенности у тептярей в середине шестидесятых годов нынешнего столетия [17, с.128–130].

¹ Терминология Н.Н.Барсова. В этой части своих рассуждений Н.Барсов опирается на опыт С.Рыбакова (см. выше). В изучении тептярей он также использовал записки И.И.Неплюева, государственные акты Российской империи, материалы исследований антропологического отряда Башкирской экспедиции АН СССР 1928г.

Р.Г.Кузеев в книге по исторической этнографии башкир высказывает мнение о сложности этнокультурных процессов внутри сословной группы тептярей, состоявшей из татар, марийцев, удмуртов, чувашей, башкир. Основными компонентами в этнокультурном и этноязыковом взаимодействии он считает татарский и башкирский. В связи с этим автором был сформулирован тезис о переходном (между татарами и башкирами) характере тептярской группы [43, с.349, 357]. В последующем Р.Г.Кузеевым высказано мнение о выделении татарско-тептярской этнографической группы из состава тептярей [41, с.124]. В одной из последних работ, на основе анализа широкого круга исторических, этнографических и лингвистических материалов, он отнес тептярей XVIII-XX вв. к этносословным образованиям, определив тем самым место тептярей в иерархии тюркских этносов Урало-Поволжья [42, с.267]. Таким образом, Р.Г.Кузеевым был впервые сформулирован вопрос об эволюции сословия в этнос.

Тезисы Р.Г.Кузеева о языковой и этнокультурной "переходности" тептярей и формировании этничности тептярей вызвали возражение со стороны Д.М.Исхакова и М.И.Роднова [33, с.43; 35, с.6; 50, с.74–75; 50]. Но более ценным в интересующем нас аспекте проблемы тептярей стал опыт их этностатистического изучения, предложенный Д.М.Исхаковым. Он тщательно проследил численную эволюцию тептярей в XVIII – первой четверти XX вв. [36, с. 29–42]. На основании демографического анализа Д.М.Исхаков в принципе разделяет позицию Р.Г.Кузеева о формировании этничности тептярей на базе сословия. Однако он пришел к убеждению, что тептяри уже в начале XX столетия сформировались в этнографическую группу татар [36, с.41–42]. В последних работах Д.М.Исхаков подтверждает свою позицию [32, с.11–23; 34, с.89–93].

Ученый-историк М.И.Роднов активно возражает против идеи собственной этничности тептярей. В одной из последних публикаций он утверждает: "Тептяри в истории Башкортостана прошли три фазы: во-первых, тептяри – "продукт внутреннего развития общества башкир", во-вторых, тептяри – "социальная группа различного этнического происхождения" ... в-третьих, после распада тептярского сословия, в начале XX в. тептяри – самоназвание татарского и отатарившегося крестьянства" [50, с.74–75]. Таким образом, М.И.Роднов соединил позиции происхождения тептярей А.З.Асфандиярова, Р.М.Рахимова [2, с.53; 3, с.136; 4, с.59, 49, с.9–10], взгляды на историю тептярей (в 1730–1860-х гг.) большинства историков, этнографов и краеведов [14, 25, с.344–355; 26, с.65; 28.

с.292], а также выводы представителей казанской гуманитарной школы относительно идентификации тептярей [60].

Работы А.З.Асфандиярова в историографии тептярского вопроса занимают особое место. Он считает тептярей "изгоями" башкирских общин [3, с.136]. Автор утверждает, что тептяри – обедневшие и потерявшие вотчинные права на землю в своих общинах ("изгнанные, отвергнутые, вытесненные из своих общин и сословия") и ставшие припущенниками в соседних башкирских общинах [3, с.136]. Таким образом, история формирования тептярей и их этнические корни замыкаются на территории Башкирии и башкирском этносе. Только впоследствии к тептярям-башкирам начинают примыкать припущенники-переселенцы – татары, марийцы, удмурты, чуваша, говорит А.З.Асфандияров [3, с.136].

Р.М.Рахимов признал, что исторические события второй половины XIX в. "способствовали полному исчезновению тептярей из истории Башкирии" [49, с.10]. Кстати, вопрос об идентификации тептярей остро обсуждался государственными чиновниками-статистиками уже в первые десятилетия после роспуска Башкирского войска и ликвидации сословных привилегий башкир, мещеряков и тептярей. Н.А.Гурвич, опытный статистик, посвятил этому вопросу несколько специальных публикаций [23, 24, 59]. Совершенно уверенный в прежней сословности тептярей, Н.Гурвич полагал, что тептярская общность распадается на составные (генетические) элементы [23, с.7]. Субъективность автора в этом сложном вопросе усматривается, например, в его суждении, что статистика должна учитывать мещеряков вместе с башкирами, поскольку они в этнокультурном отношении "во всем тождественны" [23, с.7–8]. Так или иначе после 1865 г., "когда уже не было ни юридического ни сословного отдельного существования тептярей, когда, следовательно, этот термин был уже полным анахронизмом" [23, с.9], статистический комитет посчитал правильным выявить генетические корни тептярей (из татар, башкир, марийцев и др.) и учитывать их в составе исходных этнических групп. Однако такое нововведение встретило возражения со стороны администрации, нуждавшейся в точных данных о мещеряках и тептярях "именно отдельно от тех генетических элементов" [23, с.9]. Сущность этнокультурных процессов в группе тептярей по-настоящему, видимо, никого не интересовала. Например, представление о тептярях Н.Гурвич черпал из названных выше исторических сочинений XVIII–XIX вв. Утверждение автора, что в племенном отношении тептяри состояли из башкир, мещеряков, чере-

мис, вотяков и весьма незначительной части татар, более чем сомнительно [23, с.9]. В другом фрагменте анализируемой работы Н.Гурвич называет в составе тептярей уже мешеряков, черемисов, вотяков, а отчасти татар и самих башкир [23, с.11].

Насколько отмеченные взгляды были ошибочными, показала всеобщая перепись 1897 г., ставшая первой серьезной попыткой регистрации национальностей России. Критерием национальной принадлежности в 1897 г. был определен "родной язык"¹.

В итоге обнаружилось почти 118 тыс. чел., назвавших родным языком тептярский [72, с. 15]. Следовательно, отнести этих респондентов к другим тюркским этносам было бы неправильным.

В советский период, в 1920-е годы, проблема тептярей стала политической. Свои заключения по этому поводу дали ЦСУ и ученые – члены комиссии по изучению племенного состава. Одновременно в районах с тептярским населением работала специальная комиссия Башкирского областного комитета ВКП(б). Изучался даже вопрос о языке обучения в сельских школах с тюрко-тептярским населением [73, с.248]. В результате в перепись 1926 г. тептяри были включены с одной оговоркой. Переписчикам на местах предлагалось в случае указания респондентом национальности "тептяр" специально "дознаться" из каких народов они происходят (татар, башкир, марийцев, чувашей, мордвы, удмуртов) [18, с.460; ЦГИА РБ. Ф.1943. О.1. Д.18. Л.16]. Часть тептярей, действительно, указала на свои исторические корни и была отнесена к соответствующим этническим группам. Всего из 113 796 тептярей, отмеченных первичными данными, после уточнения выявлено тептярей-татар 59 468, тептярей-башкир 28 922, тептярей-мишарей 1 129, тептярей-удмуртов 390, тептярей-марийцев 309, тептярей-киргизов 291. Но 23 290 признали себя тептярями, а свой язык тептярским [7]. Думается, без наводящих вопросов представителей администрации данные о числе тептярей могли быть существенно выше или соответствовать первичным.

Таким образом, возникает еще один сложный сюжет проблемы, а именно самосознание тептярей. Для исследователей, не признающих этничности тептярей или признающих этногрупповую этничность (татарскую, башкирскую и т. д.), вопрос о самосознании, естественно, не стоит. Но совершенно очевидно, что названные 23 тыс. тептярей не могут быть причислены, по существу, к какому-либо этносу. Только

¹ ЦГИА РБ. Ф.1943. О.1. Д.18. Л.6.

малочисленность группы позволяет волевым решением причислить ее к этнографическим группам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акманов И.Г.* Социально-экономическое развитие Башкирии во второй половине XVI – первой половине XVIII в. Уфа, Свердловск, 1981.
2. *Асфандияров А.З.* История сел и деревень Башкирской АССР. Уфа, 1990. Т.1.
3. *Асфандияров А.З.* Происхождение термина и сословия тептярей в исследованиях XVIII–XX вв. // Исследования и исследователи Оренбургского края в XVIII– начале XX в. Свердловск, 1983.
4. *Асфандияров А.З.* Тептяри (социально экономическое и лингвистическое содержание термина // Башкирская этнонимия. Уфа, 1987.
5. *Ахмаров Г.Н.* Тептяри и их происхождение // Изв. ОАИЭ. Казань, 1908. Т.23, вып.5.
6. *Барсов Н.Н.* Грамотность основных народностей БАССР (из итогов переписи 1926 г.) // Хозяйство Башкирии. 1929. №4–5.
7. *Барсов Н.Н.* Тептяри // Вечерняя Уфа. 1969. 2 июля.
8. *Валиди (Тоган) А.З.* История башкир. История тюрков и татар. Уфа, 1994 (на башк. яз.).
9. *Валидов Д.* О диалектах Казанского татарского языка // ВНОТ. 1927. №6.
10. *Валидов Дж.* Очерки истории образованности и литературы татар. Oxford, 1986.
11. *Васильев С.М.* Башкирия в последней четверти XVIII в. // МИБ. Т.5.
12. *Васильев С.М.* К вопросу о землепользовании пришлого нерусского населения Башкирии в конце XVII – начале XVIII в. // 400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1957.
13. *Васильев С.М.* Припущенники на башкирских землях в первой половине XVIII в. (тептяро-бобыльское население Башкирии): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1950.
14. *Витевский В.Н.* И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Казань, 1869. Вып. 1–5.
15. *Военно-статистическое обозрение Российской империи.* Т.14, Ч.1. Пермская губерния. СПб., 1852; Ч.2. Оренбургская губ. СПб., 1848.

16. *Воробьев Н.И.* Казанские татары: Этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода. Казань, 1953.

17. *Воробьев Н.И., Хисаметдинов Г.М., Юсупов Г.В.* Историко-этнографические исследования населения северо-западных районов Башкирии // СЭ. 1968. №6.

18. *Всесоюзная перепись населения 1926 г.* М. 1928. Т.4.

19. *Газиз Г.* История татар. М., 1994.

20. *Гаспринский И.* Россия и Восток. Казань, 1993.

21. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: Их жит. обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и др. достопамятностей. СПб., 1799.

22. *Глезденев П.* К вопросу о тептярях (из доклада, прочитанного на заседании Вятского исторического общества) // Вятская жизнь. 1923. №1.

23. *Гурвич Н.* Племенной состав населения Уфимской губернии и приблизительная численность его в 1878 г. Уфа, 1880.

24. *Гурвич Н.* Способ вычисления наличного числа населения по сословиям и вероисповеданиям, посредством учета движения населения, принятый Уфимским стат. комитетом с 1866 года. Уфа, 1872.

25. *Давлетбаев Б.С.* К эволюции социально-политического положения тептярей в первой половине XIX в. // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР. Уфа, 1984.

26. *Давлетбаев Б.С.* Тептяри и их землепользование // Малоизученные источники по истории Башкирии. Уфа, 1986.

27. *Демидова Н.Ф.* Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // ИЗ. М., 1961. Т.68.

28. *Дэн В.Э.* Население России по пятой ревизии. Подушная подать и статистика населения в конце XVIII в. М., 1902. Т.2, ч.2.

29. *Зиякаев Р.А.* Сколько нас, какие мы? // Ваш собеседник. 1990. №12.

30. *Златоверховников И.Г.* Уфимская епархия на 1897 год: Географический этнографический, административно-исторический и статистический очерк. Уфа, 1899.

31. *Игнатъев Р.Г.* Сказания, сказки и песни, сохранившиеся в рукописях татарской письменности и в устных пересказах у инородцев-магометан Оренбургского края. Оренбург, 1875.

32. *Исхаков Д.М.* Введение в историческую демографию Волго-Уральских татар. Казань 1993.

33. *Исхаков Д.М.* Динамика численности татар в России в XVIII – начале XX вв. // География и культура этнографических групп татар. М. 1983.
34. *Исхаков Д.М.* Историческая демография татарского народа (XVI – начало XIX вв.). Казань, 1993.
35. *Исхаков Д.М.* О некоторых аспектах проблемы места Приуральских татар в этнической структуре татарской нации // Приуральские татары. Казань, 1990.
36. *Исхаков Д.М.* Тевтяри: опыт этностатистического изучения // СЭ. 1973. №4.
37. *Катанов Н.Ф.* Отчет о поездке, совершенной 1 июня 1897 г. по 20 августа того же года в Белебеевский и Мензелинский уезды Уфимской губернии Н.Ф.Катановым. Казань, 1898.
38. *Кеппен П.И.* Краткие путевые заметки о севсро-восточных губерниях (П.И.Кеппена) // ЖМВД. СПб., 1849. Кн.7, ч. 27.
39. *Кеппен П.И.* Об этнографической карте Европейской России Петра Кеппена. СПб., 1852.
40. *Комиссаров Г.* Население Башреспублики в историко-этнографическом отношении // Башкирский краеведческий сборник. Уфа, 1926.
41. *Кузеев Р.Г.* Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978.
42. *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.
43. *Кузеев Р.Г.* Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI-XX вв. // АЭБ. Уфа, 1968. Т.3. 357 с.
44. *Материалы по истории Башкирии.* М.; Л., 1949. Т.3.
45. *Небольсин П.* Путешествие в Оренбургский край // Вестник РГО. СПб., 1852. Ч.1, кн.1–2.
46. *Небольсин П.* Рассказы проезжего. СПб, 1854.
47. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1786. Ч.2, кн.1.
48. *Преображенский А.А.* Очерки колонизации Западного Урала в XVII–XVIII вв. М., 1956.
49. *Рахимов Р.М.* Тевтяри Башкирии в XVII – 60-х годах XIX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 1993.
50. *Роднов М.И.* Этнический состав населения Бирского уезда в конце XIX – начале XX в. // Страницы минувшего. Уфа, 1995.

51. Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955.
52. Руденко С.И. Башкиры. Опыт этнологического исследования. Л., 1926.
53. Руденко С.И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч.1. // Записки ИРГО по отд. этнографии. Петроград, 1916. Т.43, вып.1.
54. Рыбаков С.М. Музыка и песни уральских мусульман с очерками их быта. СПб., 1897.
55. Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Н.Рычкова по разным провинциям Российского государства. СПб., 1770.
56. Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896.
57. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.
58. Соловьев С.В. История России. М. 1989. Т.3.
59. Справочная книжка Уфимской губернии: сведения числовые и описательные относятся к 1882-1883 гг. и только весьма немногие к прежним годам. Уфа, 1883. Ч.1–5.
60. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967.
61. Трофимова Т.А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М., 1949.
62. Уйфальви К. Башкиры, мешеряки, тептяри // Изв. РГО. СПб., 1887. Т.13, вып.2.
63. Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1992.
64. Усманов Х.Ф. Землевладение в Башкирии в пореформенный период // Исследования по истории Башкирии XVII–XIX вв. Уфа, 1973.
65. Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. Уфа, 1981.
66. Устюгов Н.В. Башкирия // Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. М., 1955.
67. Фальк И.П. Записки путешествия академика И.П.Фалька... Путешествие от Петербурга до Томска // ПСУПР. СПб., 1824. Т.6.
68. Фиельструп Ф.А. Этнический состав населения Приуралья. Л., 1926.
69. Филимонов Е.С. Что такое тептяри (беглая заметка) // ЗПУАК Пермь, 1893. Вып.2.

70. *Филоненко В.* Языческие верования черемис Уфимской губернии. Уфа, 1912.

71. *Чулошников А.* Феодалные отношения в Башкирии и башкирские восстания в первой половине XVIII в. // МИБ. М., 1936. Т.1.

72. *Шибаетов В.П.* Этнический состав населения Европейской части СССР. Л., 1930.

73. *Юлдашев А.А.* Язык тептярей: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1949.

74. *Якупов Р.И.* Восточная Российская политика и этнографическая ситуация в Башкирии XVI–XX веков: к теории этнических процессов // Россия и Восток: Тез. докл. науч. конф. Уфа, 1993.

75. *Якупов Р.И.* Тептяри : сословие или этнос // Этносы и его подразделения. М., 1992. Ч.2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЭБ –	Археология и этнография Башкирии.
ВНЮТ –	Вестник научного общества татароведения
ЖМВД –	Журнал Министерства внутренних дел.
ЗПУАК –	Записки Пермской ученой архивной комиссии.
ИЗ –	Исторические записки.
МИБ –	Материалы по истории Башкирии.
ОАИЭ –	Общество археологии, истории и этнографии.
ПСУПР –	Полное собрание сочинений ученых путешествий России.
РГВИА –	Российский государственный военно-исторический архив.
РГО –	Русское географическое общество.
СЭ –	Советская этнография.
ЦГИА РБ –	Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан.

ЭТНОГРАФИЯ РУССКОГО ГОРНОЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА (история изучения)

Культура и быт русского горнозаводского населения Южного Урала в отличие от довольно хорошо изученного среднеуральского региона [10] во многом остается для отечественной науки *"terra incognita"*. Особенно это относится к территории современного Башкортостана, где издавна имелось большое количество металлургических предприятий. Еще более ста лет назад в одном справочном издании указывалось, что "к сожалению, в местной печати весьма мало помещалось статей, касающихся быта и образа жизни здешних русских", и лишь "в местных губернских ведомостях попадаются этнографические статьи о русских, но весьма редко и притом весьма неполно" [19, с.СХIV]. И сейчас, в конце XX в., это положение мало чем изменилось.

Первыми работами, содержащими весьма краткие этнографические сведения по теме, явились сочинения русских ученых-путешественников XVIII в. И.И.Лепехина и П.С.Палласа [11, 15]. Их задачей было подробное описание жизни и быта нерусских народов России, необходимое для выработки в отношении этих этносов концепции российской политики. Культура же русского населения Урала воспринималась тогда как хорошо всем известная и неактуальная. Поэтому сообщения этих авторов, а также Н.П.Рычкова [16] о горнозаводском населении Южного Урала крайне скупы. Другой, на наш взгляд, причиной недостаточного внимания ученых путешественников XVIII в. к этнографии русских Урала, в том числе горнозаводских, было фактическое отсутствие своеобразной, отличной от центральных регионов культуры в силу ее несформированности, ибо значительное число заводов являлись сезонными и обслуживались трудом приписных крестьян, постоянно живших далеко от предприятий (до 700 верст), а также по причине малого промежутка времени, прошедшего от переселения людей до момента фиксации их образа жизни указанными авторами. Все это дало повод П.И.Рычкову заявить, что "общаго и особливаго ничего еще в них не видно" [17, с.210].

Некоторое оживление интереса к горнозаводской этнографии наблюдается через сто лет. В 1868 г. появляется большая статья известного уральского краеведа Р.Г.Игнатьева "Миасский завод" [18], содержащая значительную историческую и этнографическую информацию.

Работа Р.Г.Игнатьева носит комплексный характер, во многом превосходящая, например, очерк [20], но значительно превосходя его по количеству и качеству этнографического материала. Р.Г.Игнатьевым подробно описаны как собственно история Миасского завода, так и структура рабочего поселка, усадьбы и постройки населения, хозяйство, этноконфессиональная ситуация, костюм, питание, обряды и обычаи, особенности языка и т.д. Это исследование, выполненное в лучших традициях своего времени, имеет исключительную ценность и в наши дни. К сожалению, оно почти не получило достойного продолжения. Более того, даже специалисты скептически относились к необходимости изучения этнографии русского населения края. Так, через десять лет после Р.Г.Игнатьева Н.Литуновский, повторяя в диссертации своего давнего предшественника П.И.Рычкова, писал о русских Оренбургской губернии: "... одежда, жилища, обряды и прочее те же, как и у русских крестьян других губерний Европейской России, и более или менее известны каждому" и "я считаю лишним входить в подробное изложение всего этого" [13, с.81–82]. Рецидивы такого подхода сохранялись в отечественной науке и в дальнейшем.

В течение почти ста лет после выхода статьи Р.Г.Игнатьева этнографическое изучение русского горнозаводского населения не проводилось. Ситуация в какой-то мере стала меняться в 50-х годах XX в., причем этнографические проблемы стали освещаться историками путем анализа архивных материалов. В этом плане следует особо выделить серию исключительно ценных не только для историка, но и для этнографа статей П.А.Вагиной, где дана уникальная этнографическая информация по горнозаводскому населению региона в XVIII в., которую уже невозможно получить полевыми исследованиями [2, 3, 4, 5]. Несколько ее работ содержат богатую информацию по истории основания первых южноуральских горных заводов и, в частности, основных путей переселения на них крестьян. Ценность работ П.А.Вагиной состоит в том, что присутствующий в них этнографический материал позволяет выявить эволюцию и первоначальное состояние многих явлений, часть которых ныне утрачена. К ее работам постоянно обращаются специалисты [21, с.8].

В 1953 г. в Ленинграде была защищена кандидатская диссертация И.Ф.Ушакова "Белорецкое горное хозяйство дворян Пашковых в первой половине XIX в." Введение автором в научный оборот сведений из архивных источников еще раз доказало, насколько много этнографической информации содержится в обычных исторических документах.

Исследователь уделил немалое внимание описанию хозяйства горнозаводских крестьян, преимущественно такой его отрасли, как земледелие.

Этнографические аспекты жизни рабочих Белорецкого завода освещались известным башкирским краеведом и писателем Р.Алферовым [1] как на основе собственных разысканий, так и по материалам газетной периодики 30-х годов XX в. Однако ценность книги Р.Алферова намного ниже предшествующих исследований специалистов по причине ее крайней заидеологизированности.

В 1956 г. выходит статья В.Е.Гусева "Из опыта этнографического изучения рабочих старых заводов Южного Урала (по материалам экспедиций Челябинского педагогического института в 1952-1953 гг.)" [20], до сих пор остающаяся единственной обзорной работой по нашей теме и базирующаяся на полевых этнографических материалах, полученных в ходе исследования горнозаводских селений Челябинской области и Белорецка. Статья носит комплексный характер. В ней освещены вопросы формирования южноуральской горнозаводской промышленности, горнозаводского населения региона, дано описание структуры рабочего поселка, планировки усадьбы, устройства жилища и его интерьера, хозяйства, традиционных одежды и питания. Однако написанная неспециалистом (автор по роду своих основных занятий – фольклорист), она не полностью удовлетворяет требованиям, предъявляемым к этнографическим исследованиям. В статье В.Е.Гусева отсутствуют подробные сноски, мало используется специальная литература (нет, например, упоминания [2], диссертации И.Ф.Ушакова), почти нет архивных материалов.

Некоторое внимание устройству населенных пунктов и жилищ русского горнозаводского населения Южного Урала уделялось в книге М.П.Мочаловой [14].

Сведения по этнографии горнозаводчан содержатся в ряде работ Д.В.Гаврилова. Особенно надо выделить его монографию "Рабочие Урала в период домонополистического капитализма 1861-1900" (М., 1985). Автор приводит основанные на архивных изысканиях данные по зарплате, положению рабочих, количеству рабочих дней и т.д. Ценны предпринятые Д.В.Гавриловым расчеты структуры питания рабочего горных заводов Оренбургской губернии. Однако Д.В.Гаврилов дает слишком общие описания, без дифференциации не только по отдельным местностям (это очень важно ввиду различий в образе жизни рабочих горной и предгорной частей Урала) или хронологическим отрез-

кам времени, но даже без разделения на Южный и Средний Урал и т.п. В итоге очерк быта и культуры, представленный в монографии Д.В.Гаврилова и написанный на основе архивных документов и литературы, носит слишком обзорный характер, что резко снижает его достоинства по сравнению, например, с [3, 4, 5], диссертацией И.Ф.Ушакова. Аналогичными недостатками страдают и обобщающие труды [8, 9], куда вошли материалы Д.В.Гаврилова и других исследователей.

Вопросы численности, состава и размещения русского горнозаводского населения Южного Урала в период феодализма были предметом интереса Н.М.Кулбахтина [12], но, к сожалению, ученый прошел мимо [2]. Что касается обобщающих трудов, изданных в последние годы в Башкортостане, то и там вопросы этнографии горнозаводского (а шире – русского) населения не получили никакого освещения [7]. Стремительное исчезновение многих фактов традиционной культуры [6, с.22] делает настоятельно необходимым незамедлительное собирание еще имеющихся материалов по этнографии русского горнозаводского населения края.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алферов Р.* Прочнее стали. Уфа, 1954.
2. *Вагина П.А.* Заводы Южного Урала в 50–60-е годы XVIII в.: Дисс. ...канд. ист. наук. М., 1950.
3. *Вагина П.А.* Личное хозяйство и рабочая квалификация мастеровых частных заводов Южного Урала в последнюю четверть XVIII в. // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1969. Сб.8.
4. *Вагина П.А.* Материально-бытовое положение мастеровых и рабочих людей Южного Урала во второй половине XVIII в. // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1963. Вып.4.
5. *Вагина П.А.* Об имущественном положении мастеровых и рабочих людей Саткинского завода в конце XVIII в. // Уч. зап. Пермск. ун-та им. А.М.Горького. Пермь, 1966. № 158.
6. *Гусев В.Е.* К изучению народного творчества Южного Урала (по материалам экспедиций ЧГПИ 1947–1950 гг.) // Фольклорно-диалектологический сборник. Челябинск, 1953.
7. *История Башкортостана.* Уфа, 1991. Ч.1.
8. *История Урала в период капитализма.* М., 1990.
9. *История Урала с древнейших времен до 1861 г.* М., 1989.

10. *Крупянская В.Ю., Полищук Н.С.* Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. Конец XIX – начало XX в. М., 1971.

11. *Лепехин И.И.* Продолжение записок путешествия академика И.И.Лепехина. Ч.3 // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1822. Т.4.

12. *Кулбахтин Н.М.* Горнозаводское население Южного Урала в XVIII в. (численность, состав, размещение) // Востоковедение в Башкортостане: история, культура. Уфа, 1995. Вып.3.

13. *Литуновский Н.* Медико-топографическое описание Оренбургской губернии. М., 1878.

14. *Мочалова М.П.* На полуденную сторону. Челябинск, 1978.

15. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773–1786. Ч.1, 2 (Кн.1).

16. *Рычков Н.П.* Журнал или дневные записки капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 годы. СПб., 1770.

17. *Рычков П.И.* О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1767. Т.7.

18. *Сборник* статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течение 1866 и 1867 гг. Уфа, 1868.

19. *Списки* населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т.XLV. Уфимская губерния. СПб., 1877.

20. *Ученые записки* Челябинского пединститута. Челябинск, 1956. Т.1.

21. *Черкасова А.С.* Итоги и задачи изучения истории Урала эпохи феодализма // Урал и проблемы региональной историографии. Феодализм. Первобытно-общинный строй. Свердловск, 1986.

СТАРООБРЯДЧЕСТВО В БАШКИРИИ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Старообрядчество как крупное общественно-религиозное движение возникло в конце XVII в. в результате церковных реформ, произведенных патриархом Никоном и искаживших древнее православное богослужение. Наиболее характерные черты раннего старообрядчества – это отказ от "мира", в котором господствует "антихрист", вера в близкий "конец света", строгое соблюдение старых традиций и обрядов, аскетизм: "...в нем (старообрядчестве) сохранился, так сказать, окаменелый отколок древней России, выразилась русская народность XVII века, в ее отрешенности от иноземных элементов реформы Петра Великого и XVIII столетия, проявилась преимущественно своеобразная историческая жизнь массы народа, жизнь религиозная и гражданская, жизнь умственная и нравственная" [10, с.1].

С момента возникновения движение не было единым ни в идеологическом, ни в организационном отношении. Уже в конце XVII в. оно распалось на два основных направления – поповщину и беспоповщину, а те, в свою очередь – на множество толков и согласий.

Сторонники старообрядчества были преданы анафеме на церковном соборе 1666–1667 годов и стали жертвами жестоких гонений со стороны правительства, что заставило их бежать от преследований в отдаленные уголки России, в том числе и на Урал.

Часть из них находит приют и в зауральской Башкирии. Уфимская провинция, – по словам И.Г.Златоверховникова, – стала убежищем раскола еще во времена царствования Алексея Михайловича после принятия против раскольников различных репрессивных мер [3, с.233]. На территории современной Курганской области располагался знаменитый Долматов монастырь, один из очагов зауральского старообрядчества. Его игумен Исаак Мокринский предоставил монастырские владения для проживания беглых раскольников: В 1669 г., после устранения Исаака от сана, монастырь был очищен от старообрядцев [8, с.30].

Следующим этапом распространения старообрядчества на территории Южного Урала стало основание в Табынской крепости раскольничьего скита купцом-солепромышленником Н.Утятниковым. В 1740 г. скит был разорен, а старообрядцы эмигрировали в Исетскую

провинцию. К 1730–1740 годам относится первое появление их в Оренбурге [8, с.31]. Судя по архивным данным, из старообрядцев состояла и большая часть яицкого казачьего войска: "...казаки войска Уральского,... все вообще с женами и детьми суть старообрядцы"¹.

С развитием горного дела на Урале сюда устремился поток беглого русского населения. Из-за нехватки рабочих рук на открытые здесь заводы их владельцы смотрели сквозь пальцы на религиозные убеждения нанимающихся и даже хлопотали перед местными властями о смягчении преследований за веру. Таким образом, "...преобладающий контингент заводских крестьян, – писал Н.Чернавский, – что немало важно заметить, составляли раскольники..." [12, с.58].

Дальнейшее проникновение старообрядцев на территорию Башкирии было связано с продолжавшимся в XVIII–XIX вв. хозяйственно-культурным освоением края и новым притоком переселенцев.

Важнейшими источниками для изучения старообрядцев Башкирии являются материалы, хранящиеся в Центральном Государственном историческом архиве Республики Башкортостан. Это документы канцелярии Оренбургского гражданского губернатора, учрежденной в 1797 г. и находящейся в Уфе (Фонд И-6), документы Уфимского губернского правления, образованного в 1865 г. (Фонд И-9) и Канцелярии Уфимского губернатора (Фонд И-11).

Своеобразный тип статистических источников представляют материалы старообрядческого учета. Согласно циркулярам и предписаниям Министерства внутренних дел, городские и земские полиции и городничие управления должны были ежегодно предоставлять сведения о количестве раскольников и их молитвенных зданий. Эти сведения поступали часто с опозданием, иногда не присылались вообще и почти не несли объективной информации. Данные светской администрации и духовенства обычно не совпадали. В конце XIX в. механизм учета старообрядцев был значительно усовершенствован. Рапорты стали более подробными, указывались названия деревень, "толки" и "согласия", к которым относились раскольники.

Наиболее массовыми архивными источниками являются судебные материалы. Это ведомости о преступлениях раскольников против православной церкви, судебные дела о совращении в раскол, о воспитании детей в своей вере, о сводных браках и т.д. Есть

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-6. Оп.1. Д.79.

интересное дело о поимке раскольников в лесах Белорецкого завода, "скрытно живущих ... для богомоления"¹.

Высочайший указ от 17 октября 1906 г., разрешающий регистрацию старообрядческих общин и строительство молитвенных домов, вызвал целый ряд дел с обильной документацией, в которых рассматривались прошения старообрядцев по этому поводу. Например, в Уфе в 1909 г. действовало уже 7 старообрядческих общин различных толков, образованных по этому указу².

Таким образом в ЦГИА РБ содержится обширный фактический материал исторического характера, который при серьезном аналитическом подходе может дать массу разнообразнейших сведений по интересующей нас теме.

Старообрядчество Южного Урала, в частности Башкирии, никогда не являлось темой специального исследования. Долгое время почти единственным источником по ранней истории урало-сибирского старообрядчества был труд тобольского митрополита Игнатия Римского-Корсакова [7]. Собрав большой многообразный материал о расколе, он указывает своим будущим продолжателям слабые места староверия и, соответственно, наиболее эффективные пути борьбы с ним. Оценки, которые он дает расколоучителям, достаточно резкие, он даже сравнивает одного из них – Иосифа Астомена – с Антихристом. Так же как и его оппоненты, Игнатий уверен в скором наступлении конца света, а предтечами антихриста считает именно раскольников. Он сопоставляет раскольничье движение с другими антицерковными выступлениями, например с новгородской ересью, и даже проводит параллели с западноевропейским протестантизмом.

В посланиях тобольского митрополита содержатся сведения о распространении раскола на Урале и в Зауралье. Почти во всех работах историков синодального направления так или иначе используются факты, приводимые Игнатием. На него ссылается в своей работе А.Журавлев (Иоаннов) [1]. А.Журавлев, сам некогда бывший раскольников и перешедший в официальное православие, довольно обстоятельно рассказывает об отличительных чертах различных толков поповщины и беспоповщины.

Непосредственный интерес для изучения истории возникновения и распространения старообрядчества на Южном Урале и в Башкирии

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-1. Оп.1, Д.1678.

² Там же. Ф. И-9. Оп.1. Д.830.

представляет работа Н.Чернавского "Оренбургская епархия в прошлом и настоящем" [12]. Автор прослеживает пути колонизации русским населением территории Оренбургской губернии, историю образования в 1799 г. Уфимско-Оренбургской епархии. Подробно описывая все события, происходившие в епархии, излагая жизнеописания всех служивших здесь митрополитов, автор приводит массу интереснейших сведений и о раскольниках: об основании раскольничьего скита иноком Сергием в 1790 г., о популярности раскольничьих идей в среде казачьего войска, о миссионерской деятельности среди раскольников и мерах, предпринимаемых органами местного управления против распространения "раскольничьей заразы". Приводится и таблица о численности православных, единоверцев и раскольников в епархии на 1898 год.

Немало информации о распространении старообрядчества можно почерпнуть из вышедшей в 1859 г. в Уфе книги В.М.Черемшанского "Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом, географическом и промышленном отношении" [11]. Автор высказывает собственное мнение о времени появления здесь раскола. Им выделяются несколько этапов этого процесса и отмечаются особенности расселения: горные заводы, управляемые Иргизскими монастырями, населялись поповцами, беспоповцы же были распространены здесь во многих уездах [11, с.120]. Имеются данные о численности поповцев и беспоповцев в 1850 г.

С 1897 г. начинают издаваться "Уфимские Епархиальные Ведомости". В них публикуются отчеты местных священников, миссионерских комитетов, которые содержат и любопытный фактический материал о раскольниках. Прежде всего, это данные об их численности в том или ином приходе и, что особенно ценно, оговаривается принадлежность к определенным толкам. В одном из таких отчетов имеется информация о наиболее радикальном толке – странническом¹.

Деятель миссионерского комитета, активный борец с расколом, житель Уфы Н.П.Тюнин опубликовал в 1889 г. сборник "Письма по расколу" [9]. В книге приводятся сведения, собранные самим автором во время поездок по Уфимской епархии: записи бесед со старообрядцами об основах веры, церковных обрядах и т.д. В том числе немало и

¹ Уфимские Епархиальные Ведомости. № 10, 1902. Извлечение из отчетов Благочинных Бирского уезда 1-го округа протоиерея Петра Кострова, 2-го округа священника Николая Краснова и 3-го округа протоиерея Тимофея Никольского. С.648.

этнографических моментов: описываются венчание, "ставление" стариков (посвящение в наставники общины), различия в пище, одежде, прическах старообрядцев, религиозные обряды: исповедь, крещение. Автор выделяет особенности различных "сект", что невозможно выяснить из сухих архивных сводок, рассказывает о мелких местных толках ("дырники", "голубиный" и т.д.). Предвзятое отношение автора к своим собеседникам все же не мешает считать книгу важным, хотя и несколько тенденциозным, источником по расколу в Уфимском крае.

Обстоятельное и всестороннее исследование Уфимской епархии в географическом, этнографическом, и административно-статистическом отношении было проведено И.Г.Златоверхниковым [1], который подробно осветил историю заселения края, дал характеристику местных природных и климатических условий, описал традиционные занятия и быт народов, населяющих Уфимскую епархию. Причины появления здесь раскола автор видит в отдаленности Уфимской епархии от центральных районов России, следствием чего является удобство ее для заселения раскольниками, бежавшими от гонений. Быстрое распространение раскола он связывает со строительством горных заводов. В книге приводятся сведения о численности раскольников по уездам и отдельно по деревням на 1897 год.

Собственно этнографических работ о старообрядцах Башкирии всего одна. Это статья Д.К.Зеленина "Черты быта усень-ивановских староверов", опубликованная в 1905 г. [2].

В мае 1904 г. Д.К.Зеленин в течение месяца находился в качестве "вольного кумызника" в селе Усень-Ивановском Белебеевского уезда и воспользовался этим для изучения местного быта. Отмечая немногочисленность объективных этнографических описаний старообрядческого населения, он говорит о совершенной неизученности в этом плане Уфимской губернии, русское население которой, переселившееся сюда из других мест, попав в другую среду и подвергшись влиянию башкир, приобрело совершенно новые формы.

Автор характеризует местные географические условия, дает короткую историческую справку о возникновении завода, обстоятельно описывает физический тип населения. Касаясь материальных сторон быта, Зеленин рассказывает о традиционных занятиях усеньчан, пище, одежде, жилищах. Он довольно подробно останавливается на их религиозной жизни, богослужении, праздниках, приводит местные поверья и приметы. Интересны описания свадебного обряда, игр и развлечений молодежи. В заключении дается еще и психологическая характеристи-

ка населения и его нравов и выражается надежда на то, что после реформы 1905 г., жизнь русских старообрядцев потечет по новому, свободному руслу.

В послереволюционной отечественной историографии существует большое количество работ, посвященных расколу, распространению старообрядчества в различных регионах бывшего Советского Союза: Латвии, Карелии, Украине, Забайкалье и др. Есть подобные работы и по Волго-Уральскому региону: Л.Ю.Браславский "Старообрядчество и христианское сектантство в Чувашии" (1984), Ю.М.Ивонин "Старообрядцы и старообрядчество в Удмуртии" (1973).

В 70-е годы в советской историографии значительно возрос интерес к изучению мировоззрения и общественного сознания народа в период феодализма. В этой связи большое значение имеет работа Н.И.Покровского, определяющая место урало-сибирских крестьян-староверов в общественно-политической жизни России [5]. Автор вводит в научный оборот огромное количество документального материала из различных архивов страны, привлекает памятники письменности староверов Урала и Сибири XVIII-XIX вв.

Социальные утопии, выражавшие интересы и чаяния народных масс, зафиксировали тот или иной уровень общественного сознания и определенным образом служили его прогрессу. В связи с изучением идеологии крестьянских движений первой половины XIX в. обратился к истории уральского старообрядчества и А.И.Клибанов [7].

Хотелось бы остановиться еще на одной монографии, освещающей антифеодальные старообрядческие выступления на Урале и в Западной Сибири во второй половине XVII в. Это монография Р.Г.Пихои [6]. Представления человека о мире, о его месте в нем, о природе государственной власти в период феодализма чаще всего облекались в религиозную форму: неповиновение "царю-антихристу" и его слугам, уход от мира. Эсхатологическими настроениями в среде крестьян-староверов объясняет Р.Г.Пихоя и самосожжения старообрядцев.

В 1993 г. в серии "Башкирский край" опубликована статья Ю.Н.Сергеева "Из истории старообрядчества и христианского сектантства на Южном Урале (конец XVII – начало XX в.)". Автор проследил взаимоотношения местной российской администрации и официальной церкви с неправославным христианством. Им привлечен большой архивный материал из фондов ЦГИА, ЦГАДА, ЦГИА РБ и др.

В последнее время в западной историографии появилась обширная литература о так называемом "народном христианстве", существовав-

шем во многих европейских обществах. Но вплоть до недавнего времени на исторические исследования в бывшем Советском Союзе все это имело весьма ограниченное влияние. В 1993 г. в "Славянском обозрении" была опубликована статья Роберта О.Граммея "Старообрядчество как народная религия: новые подходы", в которой старообрядчество России рассматривалось в свете современных дискуссий о народном христианстве в Европе. Автор видит старообрядчество не как отдельную культурную систему, а как множество взаимосвязанных культур: "Особенности этих культур зависели от социального и религиозного, исторического момента, уровня образования мужчин и женщин, которые формировали и выражали их, а также зависели от отщепления движения, из которого они происходили" [13, р.707]. Представляется перспективным приложить теорию Р.Граммея к исследованию российского старообрядчества.

Из среды русского народа старообрядцев выделяли не только их религиозные воззрения. У них сложилась своеобразная традиционная культура. Сохранению ее способствовал целый ряд факторов: идеологических, культурно-бытовых и естественно-биологических. Религия была во многом образом жизни, определяла повседневный быт, способствовала устойчивости внутригрупповых брачных связей, замкнутости и обособленности от "мира". Однотипность хозяйства обуславливалась русской традицией и местными природными условиями.

Ввиду многообразия старообрядческих течений, региональных географических групп старообрядцев изучение старообрядческого населения Башкирии представляет большой научный интерес.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Журавлев А.И.* Полное историческое известие о древних строгольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, собранные из потаенных старообрядческих преданий, записок и писем, церкви Сошествия Святого Духа, что на Большой Охте. В 4-х частях. М., 1890.

2. *Зеленин Д.К.* Черты быта усень-ивановских староверов // Известия общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете, 1905. Т.21, вып.3. С.201–258.

3. *Златоверховников И.Г.* Уфимская епархия на 1897 год: Географический, этнографический, административно-исторический и статистический очерк. Уфа, 1899.

4. *Клибанов А.И.* Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977.

5. *Пихоя Р.Г.* Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII–XVIII в.). Свердловск, 1987.

6. *Покровский Н.И.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.

7. *Послания* Блаженного Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского, изданные в "Православном собеседнике". Казань, 1855.

8. *Сергеев Ю.Н.* Из истории старообрядчества и христианского сектантства на Южном Урале (конец XVII – начало XX в.) // Башкирский край. Уфа, 1993. Вып.3.

9. *Тюнин Н.П.* Письма по расколу (за 1886–1889 года). Уфа, 1889. Вып.1 с 3 приложениями.

10. *Щапов А.* Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII. Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола. Казань, 1859.

11. *Черемшанский В.М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом, географическом и промышленном отношении. Уфа. 1859.

12. *Чернавский Н.* Оренбургская епархия в прошлом и настоящем // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1900. Вып.7.

13. *Robert O. Grumney.* Old Belief as Popular Religion: New Approaches // Slavic Review. Vol.52, № 4 (Winter 1993). P.707.

ЦИКЛИЧНОСТЬ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЗАКАМСКИХ УДМУРТОВ

В представлениях закамских удмуртов присутствует осознание того, что в мире все взаимосвязано и непрерывно. И чтобы поддержать гармонию и равновесие или же чтоб мир был идеальным, необходимо сохранить эту непрерывность, которая воспринимается в виде замкнутой фигуры, и чем больше она принимает совершенную форму, тем больше приближается к идеалу. Идеальная фигура – это круг.

В удмуртском языке есть термин, обозначающий круг – *питырес/котырес*; оба слова имеют уральские корни, образованы с помощью архаических словообразующих аффиксов. *Питыр (-ес)/котыр (-ес)* – основополагающее понятие, без которого, казалось бы, невозможно представить само функционирование системы мировоззрения. Эти два слова как одно понятие, обобщенный образ-символ, обозначают и воспринимаются одновременно как круг-время и как круг-пространство. А представления о пространстве всегда в какой-то мере основаны на представлениях о времени, и всякая ориентация в пространстве предполагает ориентацию во времени. Например, протяженность расстояния всегда измерялась длительностью времени, за которое можно было пройти этот отрезок пространства. До сегодняшних дней сохранилось измерение пути временем; часто говорим: час полета, двое суток езды и т.п.

Как уже упоминалось, термины *питырес/котырес* расшифровываются одинаково и одно от другого неотделимо, оба несут общую функциональную нагрузку и при вещественно-предметном оформлении принимают одинаковый вид – круг/окружность.

В удмуртском языке движение времени обозначается словом *питыра* "крутится", в смысле крутится как колесо и катится вперед, но не по прямой, а по кругу. Также интерпретируется жизнь человеческая – *питыра*, т.е. "прокатывается". С наступлением смерти, т.е. конца биологической жизни, в представлениях удмуртов жизнь не прерывается, а продолжается в других измерениях и снова возвращается в наше пространство – наземное, двигаясь по кругу (рис.1). Размер круга зависит от длительности времени – чем больше круг, тем большую продолжи-

тельность времени он охватывает, или чем длиннее время, тем крупнее размер круга.

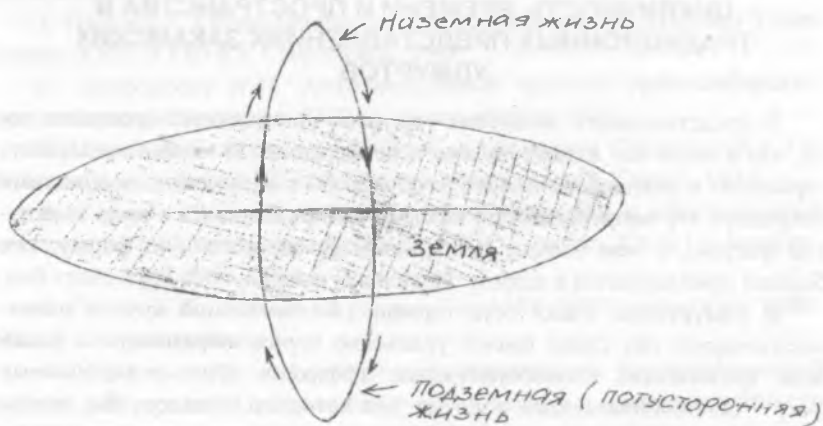

Рис. 1

В целом можно сказать, что в представлениях закамских удмуртов детально разработаны пограничные отрезки пространства и времени, переходные состояния из одного статуса в другой, связывающе-разграничительные понятия. Например, в закамско-удмуртском диалекте имеется множество понятий, связанных с пространственной метрологией или обозначающих одно из измерений – длину, начиная от мельчайшего отрезка до расстояния вокруг всего света. В изобилии здесь бытуют также понятия, раскрывающие длительность времени. Самым коротким считается временной отрезок, связанный с понятием *шокчытозь* "короткий вздох", а бесконечно длинным, не поддающимся точному подсчету с такими понятиями, как *музьем кылдэм тырись* "со времени возникновения земли", *гурезьлэн даурез кемда* "возраст существования гор" и т.п.

Отличие круга-времени от круга-пространства в том, что первый имеет вид окружности, а второй – круг с точкой в середине. Интересно добавить, что в удмуртской орнаментике присутствует узор в виде круга с точкой в середине, который обозначает космос.

По замечанию удмуртского этнографа В.Е.Владыкина, представления о пространстве, равно как о времени, составляют одну из самых существенных сторон мировоззренческой системы. Познание про-

странства у удмуртов исключало возможность его бесконечности. Мир состоял как бы из многих концентрических кругов-пространств. Отсчет пространственного измерения начинался с центральной точки, где находился дом, очаг, которые являлись концентрированным выражением очеловеченного пространства, обладавшего наибольшей сакральной значимостью [1, с. 218]. Согласно такому представлению, кругов-пространств могло быть столько же, сколько домов-очагов. У каждого человека был свой пространственный круг, в зависимости от ощущения и восприятия окружающего мира.

Из чего же состоит эта линия, образующая круг? В пространстве – от множества точек, обозначающих направления сторон света, которые подразделяются на неопределенное число соединяющихся между собой частей, и каждый отрезок, т.е. каждая часть, имеет свое название: *уйпал* "север", *шундыжужанпал* "восток", *лымшорпал* "юг", *шундыпуксёнпал* "запад" и т.д. (рис. 2). При этом восток и юг связываются с положительным значением, запад и север – с отрицательным. Неслучайно у закамских удмуртов все места поклонения богам расположены на юго-восточной стороне. Если это общесельские священные поляны, рощи или святилища (*куала*), то они непременно находятся в соответствующем направлении от деревни, а если это святые места семьи или

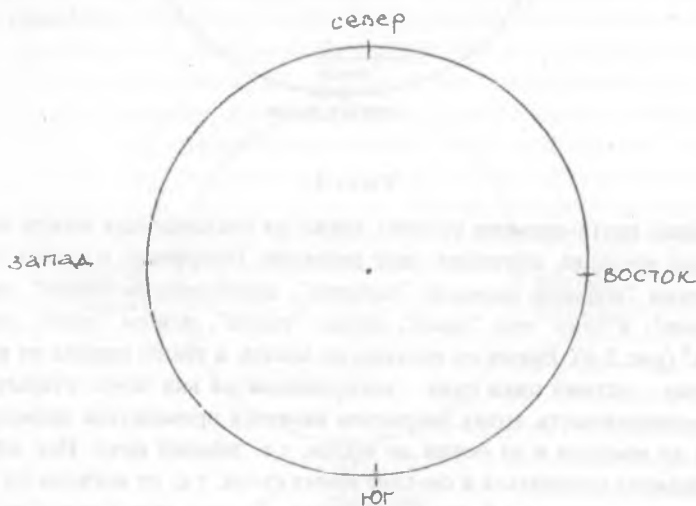

Рис. 2

рода, то эти места выбираются к юго-востоку от усадьбы или дома. На молениях (*куриськон'ах* и *вось'ах*) основные действия происходят в юго-восточной части: из жердей сооружаются П-образные "небесные врата", развешиваются ритуальные полотенца, на земле из зеленых веток застилается символический "стол", готовится кострище, место для закалывания жертвы и т.д. Кроме того, на этой же стороне находится специальное место, на котором жрец читает молитвы-заклинания, а народ на коленях молится. При обращении к богу, как на молениях, так и в обыденной ситуации обязательно надо повернуться лицом к юго-востоку.

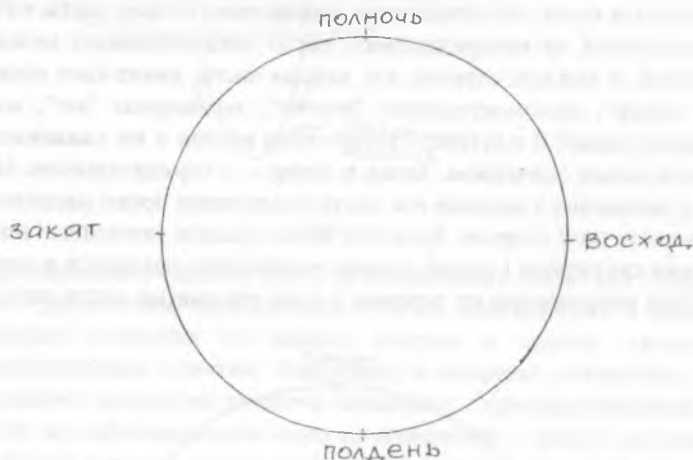

Рис. 3

Линия круга-времени состоит также из соединенных между собой отрезков времени, имеющих свое название. Например, в сутках: *шундыжужан* "восход", *лымшор* "полдень", *шундыпуксён* "закат", *уйшор* "полночь"; в году: *тол* "зима", *тулыс* "весна", *гужем* "лето", *сизьыл* "осень" (рис.3,4). Время от восхода до заката, а также период от весны до осени – летний цикл года – воспринимается как нечто открытое; в противоположность этому закрытым является промежуток времени от заката до восхода и от осени до весны, т.е. зимний цикл. Все добрые дела должны начинаться в светлое время суток, т.е. от восхода до заката, иначе результат не будет ожидаемым. Темное время суток связано со злыми силами и их деяниями.

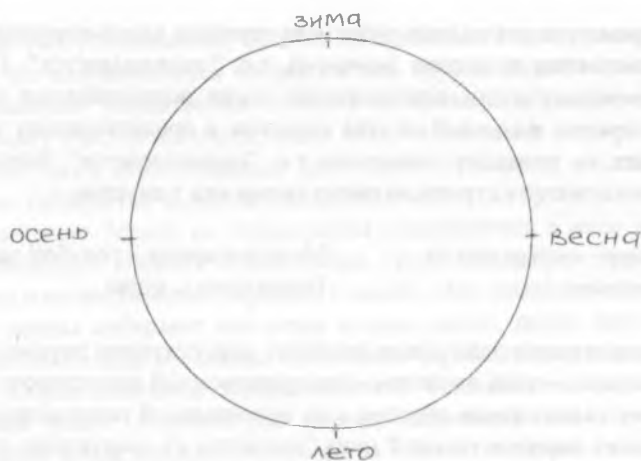

Рис. 4

Каждая определенная точка и отрезок круга-времени и круга-пространства совпадают и взаимозависимы. К примеру, одна из точек круга-времени "восход" соответствует одной точке круга-пространства "востоку", "закат" – "западу", "полдень" – "югу", "полночь" – "северу" и т.п. (рис.5).

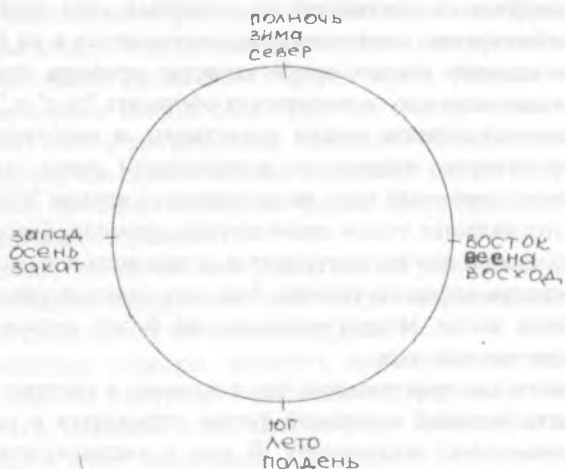

Рис. 5

В то же время каждая из этих точек или отрезков круга-времени находится в состоянии движения (*питыра*), т.е. "прокатывается". Например, человеческая жизнь символически также подразделяется на три больших отрезка, и каждый из этих отрезков, в представлениях удмуртов, не идет, не проходит, а *питыра*, т.е. "прокатывается". Здесь уместно будет упомянуть строки из песни закамских удмуртов:

...*Пинал даур – чагыр сяська*
Питраз, кошкиз...

Молодое время – голубой цветок
Прокатилось, ушло...

В мировоззренческом плане наиболее перспективно рассмотрение годового цикла – этой временно-пространственной целостности – через систему календарных обрядов в их непрерывной последовательности. У многих народов годовой цикл "слагается из следующих одна за другой дат работы в поле или дома и связанных с этой работой обрядов" [3, с. 10]. И перечень этих важных или даже не особо значимых дат представляет один из видов ориентиров в году – обрядовый календарь.

Годовой цикл закамских удмуртов связан с хозяйственными заботами и отражает цикличность времени на уровне ежегодной повторяемости сезонов и месяцев года с их отмеченной раз и навсегда климатической и восходящей к ней хозяйственной спецификой. Народный календарь удмуртов не претендует на линейный счет времени. При детальном рассмотрении цикличность подтверждается и на более мелких отрезках времени (выше уже в качестве примера приводились "сутки"). Поэтому если как-то попытаться оформить "год" и "сутки", то каждый временной отрезок можно представить и изобразить в виде круга, размер которого зависит от длительности этого отрезка, т.е. "год" очертится в огромный круг, по сравнению с кругом "суток".

Именно год является таким промежутком времени, который, с одной стороны, удобен для рассмотрения и детального анализа, а с другой – цикличность которого налицо. Год или годовой цикл, как уже рассматривалось выше, можно разделить на более мелкие циклы – сезоны, месяцы, недели, дни.

Цикличность как пространства, так и времени в системе календарной обрядности в самой идеальной форме отражается в удмуртских молитвах-*куриськон*'ах, заклинаниях. В них в высокохудожественно-образной форме передаются представления человека об окружающем мире и призыв-стремление соблюдать гармонию в нем.

Как уже упоминалось, человек воспринимает пространство в виде круга, но напрашивается вопрос: а как группа людей воспринимает пространство? Попробуем ответить на примере обрядов, в которых принимает участие весь род, целая община или даже округа. При проведении таких общественных или семейно-родовых молений народ обычно собирается в одном священном месте, будь то роща, поляна или молельня. Место их отправления очерчивается в виде круга, что символизирует космос. Вдоль линии круга втыкаются ветви березы (летом) и ветви хвойных деревьев (зимой). При завершении обрядовой части жрецы собирают эти ветви в одно место, после чего три раза обходят по солнцу кострище, постепенно сгребая пепел к центру кострища. Обряд считается законченным. В большинстве случаев места молений имеют округленную форму; например, если *керемет* или священная роща *луд* располагаются на обрабатываемых полях, то они непременно имеют форму правильного круга, и крестьяне ни при каких случаях не нарушают его границы.

В дни масленичных праздников – *вой* – у закамских удмуртов имел место обряд под названием *гондыр эктытон* – букв.: *гондыр* "медведь", *эктытон* – отглагольное существительное от *эктытыны* "заставить плясать, водить на пляску (кого-либо)". На этом представлении толпа народа выстраивалась в большой круг, в центр которого заводили "медведя" и под такт рукоплесканий заставляли его плясать. В период подготовки к празднованию Великого дня (*Быдынал*) в ночь со среды на четверг с целью защиты семьи и скотины обводили подворье металлическим предметом в форме круга. Девушки при гадании также очерчивают вокруг себя круг. На обряде поедания молозива (*чожи сиён*) стол с ритуальными блюдами "обхватывается" символическим кругом, тем самым хозяева защищают скот и себя от сглаза. Из приведенных примеров видно, как форма круга (окружности) встречается в различных ситуациях.

Обрядовое поведение выступало как регулятор стереотипов поведения и сознания, кодирующих этническую информацию, обеспечивая тем самым связь между поколениями [2, с. 17].

Приведенные примеры, думается, достаточно наглядно раскрывают представления удмуртов о цикличности времени и пространства. В данной статье показана лишь одна из форм восприятия и оформления окружающего мира закамскими удмуртами. Естественно, подобного рода кратким описанием невозможно обрисовать общую картину традиционных представлений народа о мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994.
2. *Семенов В.А.* Традиционная семейная обрядность коми-зырян во второй половине XIX – первой половине XX в. (Пространство и время): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 1996.
3. *Чичеров В.И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI – XIX веков. М., 1957.

ПОЛЯКИ В БАШКОРТОСТАНЕ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Исследование истории польской диаспоры в Башкортостане показало, что истоки ее формирования – в XVII в., когда сюда прибыли на службу шляхтичи Речи Посполитой. Этнический состав их определить довольно сложно, так как в войске Речи Посполитой служили и поляки, и литовцы, и белорусы, и русские. Однако в российских документах вплоть до конца XIX в. они все значились польскими шляхтичами. Потомки этих шляхтичей неоднократно подчеркивали свое польское происхождение, гордились этим.

С течением времени посредством брачных связей, обращением католиков в православие шляхта практически смешалась с русским населением, но судя по фамилиям, до сего времени на Урале живут их потомки. А в домах некоторых мензелинских обывателей, которых и в начале этого века еще называли “шляхтой”, можно было до Октябрьского переворота 1917 г. встретить старинную польскую икону Ченстоховской Божией Матери (*Matki Boskiej Częstochowskiej*).

Небольшое количество поляков из ссыльных конфедератов XVIII в. осталось на жительство в Оренбургской губернии, женившись на местных девушках. Конфедераты ввели в местном обществе вечера с музыкой и танцами, обучали этому уфимскую молодежь. В исполнении конфедератов уфимцы увидели впервые театральное представление – пьесу “Пан Бронислав” на польском языке.

Наибольший приток в местную полонию произошел в XIX в. Наряду со ссыльными участниками национально-освободительных восстаний на Южный Урал прибыло большое количество добровольных переселенцев – интеллигенции, инженерно-технических и хозяйственных кадров. Одной из причин этого являлось отсутствие достаточного количества специалистов среди местного населения, а как следствие этого – возможность хорошего заработка.

Другой не менее важной, на наш взгляд, причиной миграции польского населения с родных насиженных мест являлась ситуация, сложившаяся после польских национально-освободительных движений в Царстве Польском, а также в Белоруссии и Литве, где поляки испытывали постоянное давление со стороны царских и местных властей. Лица польской национальности преодолевали множество преград, чтобы устроиться на работу в государственные учреждения, в учебные

заведения, на железной дороге и т.д. На Урал в поисках лучшей доли переселялись поляки самых разных профессий, заметно обогащая местную жизнь своим опытом, знаниями и умением.

Проживая в иноязычной среде, поляки постепенно ассимилировались, причем процесс этот в городах происходил быстрее, чем в сельской местности. Сдерживающими процесс ассимиляции поляков факторами являлись: отличная от окружающего населения конфессиональная принадлежность (чаще всего – католическая) и образование своеобразных польских сообществ, чаще всего вокруг костела, помогающих сохранять и поддерживать национальные культурные традиции и историческую память.

В Национальной библиотеке в Варшаве хранятся рукописи воспоминаний Владислава Загорского, проживавшего в 1860-1870-х годах в Уфе вместе с родителями. Загорский описывает быт и нравы, господствовавшие в Уфе и губернии. Интерес представляет описание именин его отца – губернского врачебного инспектора Бронислава Игнатьевича Загорского. Празднество в тайне от именинника подготовили его друзья. "... В одной из комнат на возвышении среди множества цветов был установлен транспорант с изображением белого орла... На покрытых скамьях сидели дети в костюмах ангелов или одетые в старинные национальные польские костюмы... Все гости собрались в салоне, отворились двери, впуская отца, и тотчас зажглись бенгальские огни..." [2, с.43].

Принципиально новым явлением в истории польской диаспоры на Южном Урале стало переселение сюда в конце XIX – начале XX в. немногочисленных польских крестьян, которые селились в основном вдоль железной дороги, недалеко от городов, в лесостепных районах, близких в природно-климатическом отношении к их исторической родине. Большая часть польских переселенцев в Уфимской губернии поселилась в Уфимском уезде. Незнакомые степи южной Башкирии были чужды выходцам из нечерноземья. Кроме того, здесь активно действовал (с 1883 г.) Крестьянский поземельный банк, оказывавший крестьянам содействие в покупке земли у помещиков.

Говоря о польском крестьянстве Уфимской губернии, необходимо отметить сложные этнические процессы, происходившие в славянской среде. Разрозненные группы украинцев, белорусов, поляков селились в окружении численно преобладавшего русского населения. С начала XX в. в крае постепенно начинал развиваться процесс русификации, аккультурации, поглощения "малых" этнических групп численно более крупными, взаимовлияния родственных славянских народов, переход к

общеразговорному русскому языку. Наличие в крае определенной межэтнической, межконфессиональной “поляризации” – христиане (главным образом русские) – мусульмане также способствовало этим процессам.

Данные сельскохозяйственной переписи 1917 г. позволяют определить и географию расселения польских крестьян. Итого в Уфимском уезде в 1917 г. польские крестьяне проживали в Дмитриевской волости (7 хозяйств), Кальтовской (4 хозяйства), Караякуповской (9 дворов), Новоселовской (1 семья), Сафаровской (1), Свято-Троицкой (3), Урман-Кудейской (1). Таким образом, в Уфимском уезде в 1917 г. насчитывалось 26 дворов польских крестьян, имевших свое полевое хозяйство. Из них малопосевных (до 4-10 дес. посева на двор) – 12, зажиточных (10-15 дес.) – три, кулацких (свыше 15 дес.) – семь хозяйств. Всего под посевом у них было 290,82 дес., имелось около 70 рабочих лошадей¹. Если считать в среднем в семье по шесть человек, то в 1917 г. в Уфимском уезде проживало около 200 польских крестьян. Единичные крестьяне-поляки осели в соседнем Белебеевском уезде, также вдоль Самаро-Златоустовской железной дороги. В 1917 г. в уезде имелось 11 хозяйств польских крестьян. В Бирском и Златоустовском уездах вообще не было поляков-крестьян. Только в поселке Михайловском 2-й Айлинской волости один поляк-дворянин имел под посевом 0,67 десятин². В удаленном от железной дороги Стерлитамакском уезде лишь один мещанин – поляк из деревни Дарьино Бишкаиновской волости засеивал 2,37 дес. земли³, еще трое поляков, проживавших в разных местах уезда, имели крохотные полевые хозяйства (от 0,05 до 0,63 дес.)⁴.

Немногочисленные польские крестьяне в основном преуспевали. Этому способствовали высокая европейская культура поляков (бытовая, трудовая), прибывших из регионов с развитыми капиталистическими отношениями, большое трудолюбие, инициатива и предприимчивость.

Польские крестьяне расселялись главным образом отдельными семьями среди русских, украинцев, белорусов, латышей. Лишь в двух случаях они основали два небольших самостоятельных поселения –

¹ ЦГИА РБ Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 490-491, 506-579. Подсчитано к.и.н. М.И.Родновым. Автор выражает глубокую благодарность М.И.Роднову за помощь в работе.

² Там же. Д. 390.

³ Там же. Д. 446.

⁴ Там же. Д. 449, 468.

хутор Польский в Дмитриевской волости (в 1917 г. семь дворов поляков, 50 человек) и поселок Вольдзиковский в Караякуповской волости, оба Уфимского уезда (9 дворов, 76 человек).

Поселок Вольдзиковский (Вольдики) был образован в 1899 г., когда 13 польских крестьян купили землю в 20 верстах от д.Караякупово у наследников отставного вахмистра Мойши Шаева (он же Казак, Козаков), еврея по национальности. Купчая крепость была совершена 5.04.1899 г. Земли в собственность было приобретено 239 дес. 850 саж.¹ Сама деревня была расположена на горе и с двух сторон окружена оврагами.

Каждый крестьянин покупал землю в индивидуальном порядке, получая единый участок земли (отруб). Денег, чтобы сразу рассчитаться с прежними владельцами, у переселенцев не хватало, и сделка совершалась при содействии Крестьянского Поземельного банка. Банк выдал им ссуду на 10 лет, с которой все поляки расплатились в срок и 17 апреля 1909 г. получили купчие крепости, став юридически полноправными частными собственниками своих участков. В период между 1909-1912 гг. крестьяне, сложив свои накопления, образовали товарищество и купили еще 240 десятин земли у Т.М. Казакова, видимо, потомка, упоминавшегося выше Мойши.

По воспоминаниям уроженцев поселка, польские переселенцы прибыли из Гродненской и Виленской губерний. Название они дали по имени родного села большинства крестьян – д. Вольдзники Ошмянского уезда Виленской губернии.

Численность населения постепенно возрастала. В 1901 г. здесь было 9 дворов, 22 мужчины (число женщин не указано) [1, с.176-177]. В 1905 г. здесь уже проживало 50 [4, с.450], в 1912-1913 гг. – 97 [3, с.678-685], в 1917 г. – 79 человек².

Все поляки жили зажиточно. Занимались скотоводством, всего у населения деревни в 1913 г. было 517 голов скота: лошадей – 43, крупного рогатого скота – 92 гол., овец – 281, свиней – 101.

Площадь посева под различными культурами в 1912-1913 гг. в д.Вольдики составляла: в 1 хозяйстве до 4 дес., в 2-х – от 6 до 10, в 11 хозяйствах свыше 10 дес. было занято под посевами. Из различных культур сеяли: рожь (85,75 дес.), овес (59 дес.), пшеницу (15 дес.), полбу (1,50 дес.), просо (22,30 дес.), гречу (29 дес.), горох (7,85 дес.), картофель (4,95 дес.), лен (0,08 дес.), коноплю (0,53 дес.), ячмень не

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-139. Оп. 1. Д. 167. Л. 27об; Ф. И-132. Оп. 1. Д. 744. Л. 24об.

² Там же. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 538.

сеяли. Пчеловодством и промыслами жители деревни не занимались [3, с.678 – 685]. К 1917 г. в Вольдзиках меньше 15 десятин никто не сеял, а у Буяков засеивалось даже 59,75 дес.¹.

Крестьянские дворы были многосемейные, глава семьи не отделял от себя женатых, уже семейных сыновей. Такой семье, имевшей в своем составе много рабочих рук, было относительно легче общим трудом достичь достатка. Так, в семье Буяков в 1917 г. главой семьи был отец – Буяк Мартин Осипович, 90 лет. В семье было несколько малых семей: 4 снохи (35, 30, 28 и 25 лет), 3 сына – 50, 43 и 40 лет, 3 внука – 8, 5 и 4 лет, 6 внучек – 10, 9, 7, 6, 4 и 3 лет и взрослая сестра отца 45 лет.

Первоначально многосемейные хозяйства обходились своим личным трудом, но с расширением хозяйства, прибавлением скота на дворе, увеличением обрабатываемой земли, площади посевов, своих рабочих рук уже не хватало, и хозяин нанимал батраков – сезонных сельскохозяйственных рабочих. Так, в хозяйстве упоминаемого уже М.О.Буяка в 1917 г. нанимали временных сельскохозяйственных рабочих 37 и 35 лет и пастуха 12 лет. Следует отметить, что в д.Вольдики все крестьяне польской национальности жили зажиточно и состоятельно, создавая свое благополучие в основном своим трудом, нанимая при необходимости батраков (в 5 семьях из 9 применяли наемный труд работников из числа военнопленных и подростков из бедняцких хозяйств соседних сел).

Почти в каждой семье имелся свой сельскохозяйственный инвентарь: многолемешные и однолемешные железные плуги (во всех хозяйствах), веялки (в 4 хозяйствах), жнейки (в 2 хозяйствах), молотилки (в 2 хозяйствах).

Несколько иной была история возникновения хутора Польский. Примерно между 1905 и 1912 гг. 12 крестьян купили землю в двух верстах от д.Муравино, в шести верстах от волостного центра Дмитриевки и в 20 – от Уфы у можайского купца Николая Дмитриевича Дмитриева. Каждый крестьянин покупал землю в индивидуальном порядке, образуя единоличный отдельный хутор (отруб). Но затем крестьяне составили товарищество, назвав его Польским, своеобразную новую общину, чтобы поддерживать друг друга, помогать в трудный период освоения земли. Все крестьяне сразу рассчитались с купцом.

В отличие от поселка Вольдзиковского, жители нового хутора были из разных мест. Вероятно, они повстречались, прибыв в Уфу или в

¹ ЦГИА РБ. Ф.Р-473. Оп.1. Д. 538; Ф. И-139 Оп. 1. Д. 167. Л. 27об; Ф И-132. Оп.1. Д. 744. Л. 24об; Д. 1242.

окрестные поселения переселенцев католиков (Вольдзиковский, Ново-Лугомовический) в поисках земли, и вместе с рядом местных крестьян, недовольных своим положением, решили найти землю под новый поселок. Из Гродненской губернии прибыли поляки Фома Андреевич Ясинский (около 1865 г.р.), Адам Матвеевич Мордан, Селивестр (Сильверст) Иванович Рогач (1847 г.р.) и литвин (литовец) Максим Маркович Хомич (1862 г.р.). Из Каменец-Подольской губернии переселилась с семейством полька Антонина Владиславовна Литвигова (1857 г.р.). Из белорусско-польского поселка Ново-Лугомовического (второе название Бобенки) Уфимского уезда переселились поляки Антон Александрович Казакевич (1873 г.р.) и семейство Мацкевичей – Франц Иосифович Мацкевич (1852 г.р.) и его сын Константин Францевич. А другой сын Ф.И. Мацкевича – Осип Францевич (1869 г.р.) переселился на х. Польский из Вольдзиков.

В отличие от Вольдзиковского, население на хуторе Польском не было стабильным. В феврале 1915 г. Адам Мордан уехал с хутора, продав свою землю крестьянину Виленской губернии Осипу Матвеевичу Усу (1858 г.р.), в ноябре 1916 г.р. продал (земству) свой участок Константин Мацкевич. Его брат Осип ушел в слесари железнодорожных мастерских, “земля запущена”. Возможно, месторасположение хутора, земля, были не особенно пригодны для сельского хозяйства. К 1917 г. реально существовало лишь 9 хозяйств.

Жители обеих деревень говорили между собой по-польски и по-русски, в некоторых семьях знали белорусский язык, в других – литовский. На знание языков, по-видимому, повлияли места их прежнего жительства, находившиеся по большей части в Виленской губернии (ныне – Литва) либо в Гродненской губернии (ныне Белоруссия) и входившие в состав Царства Польского.

Школы ни в Вольдзиках, ни в Польском не было, дети посещали школы соседних сел – Дмитриевки, Холмогоровки и Бейгуловки. Родному языку практически не обучали. Только в семье дети, слыша разговорную польскую речь, кое-что усваивали. В 1920-е годы в д. Вольдзики поселился поляк – Насальский Станислав Адамович, прибывший из Польши. Он был человеком образованным, работал продавцом в магазине, хорошо знал польский язык и взялся за обучение детей местных поляков польской грамоте. Занятия были платные и проводились на домах учеников по очереди. Насальский обучал детей чтению и письму, у него были польские учебники и книги. В 1937 г. С.А. Насальский был репрессирован вместе с другими мужчинами деревни [5].

Жители д. Вольдзики, по свидетельству информантов, были католического вероисповедания. Во всех домах было много католических икон, образов святых. Особенно часто на них изображена была “Matka Boska” – Матерь Божия. Жители молились по-католически, стоя на коленях и держа сложенные ладони прямо перед собой, на польском языке. Некоторые информанты до сих пор помнят и читают отдельные молитвы. Взрослые жители регулярно посещали Уфимский костел до его закрытия и привозили в деревню ксендза для совершения обрядов. Новорожденных до 1930-х годов возили в Уфимский костел крестить по римско-католическому обряду. Позже крестили знающие старушки. В 7-10 лет детей возили в костел к первой исповеди и первому причащению – на конфирмацию.

Жители Вольдзиков приветствовали друг друга при встрече словами католического приветствия: “Niech bedzie pochwalony Jezus Chrystus!” В ответ звучало: “Na wieki wiekow Amen !”. В переводе на русский язык это означает: “Да будет прославлен Иисус Христос!” – “На веки веков аминь!” Прощались друг с другом словами: “Do widzenia!” (“до свидания!”)¹.

Вольдзиковцы были рачительными хозяевами, отличались трудолюбием и чистоплотностью. Пьяниц среди жителей не было. Жили дружно, ровно, ссор и драк не было, предельно доверяли друг другу – двери не закрывались на замок при уходе хозяев из дома.

Ближайшими населенными пунктами были деревни Бейгулово (преобладающая национальность жителей – украинцы) и Холмогорово (преобладающая национальность – русские). Молодежь этих деревень часто вместе проводила время, собираясь на вечеринки и праздники, чаще всего в Вольдзиках. Иногда случались конфликты, и тогда жителей д. Вольдзики обзывали “католиками” или “поляками”.

В д. Вольдзики преобладала односторонняя застройка. Дома располагались вдоль дороги, фасадом к улице. Через дорогу, напротив домов располагались амбары. Вся деревня была обнесена изгородью из жердей. Усадьба хозяйств в среднем занимала от 1 до 2 дес., была огорожена изгородью из жердей и делилась на несколько зон: парадный двор, хозяйственный двор и огород. За пределы двора выносились овины, гумно и бани. Овины и гумно располагались позади двора, перед огородами. Бани строили подалее от дома – под оврагом. Топили бани по-черному. На огородах рыли ямы для хранения картофеля. Двор был открытым, свободной застройки. Постройки располагались в

¹ Информант – Руденко Зоя Казимировна (дев. фамилия Кевро), род. 24.12.1915 г. в д. Вольдзики, полька.

пределах усадьбы. Во дворе, недалеко от дома был колодец с "журавлем".

На заднем конце двора строили хозяйственные помещения для содержания скота. Вход для скота был с заднего двора. Недалеко от сарая располагался погреб, который на лето набивали снегом и льдом. Погреб был глубиной около 3 м, стены погреба ничем не выкладывали, почва не осыпалась.

Дома располагались вдоль улицы и были деревянными, рублеными "в угол". Основанием дома служил фундамент: по углам дома закапывали на глубину 70-80 см стойки из дубовых бревен, выбирали в них паз, а затем забирали пространство между ними обрубом из дубовых бревен. Крыша была стропильной. Из самых толстых бревен делали первый и последний венец сруба. В него врубалась матица – толстая продольная балка. Одним концом она опиралась на узкую фронтовую стену сруба, другим – на внутреннюю поперечную стену, отделяющую сени от избы. На этой балке покоилась крыша и потолок. Поверх стропил вдоль крыши укладывали жерди – обрешетку, а на нее кровельный материал. Все дома в Вольдзиках до конца 20-х годов были крыты жостью. После раскулачивания многие жители были вынуждены жить в землянках или заново строить маленькие домишки, крытые соломой. Крыши были трех- и четырехскатные. Фронтон трехскатной крыши был зашит досками и обращен на улицу. Потолки были из досок, на потолок стелили сухие листья слоем 8-10 см, затем засыпали сухой землей, а иногда заливали глиной. На чердаке хранили зерно, семена подсолнуха и др. Вход на чердак обычно устраивали со двора.

Двери располагались обычно в одной из его длинных сторон. Такое расположение дверей типично для польского жилища. Два-три окна были расположены в узкой, фронтовой стене дома, выходящей на улицу, и одно-два – в длинной стороне дома, выходящей во двор. Рамы были около 80 см шириной и около 100 см высотой. Верхняя часть рамы была полукруглой. Оконная рама состояла из 6 звеньев (для экономии стекла). Наличники окон украшались резьбой, геометрическим орнаментом. На окнах домов зажиточных граждан были ставни. Глухая сторона дома была обращена на север. Под окнами сажали ветлы.

Дома были пятистенные, часто к пятистенку делали один или два прируба. По количеству комнат дома были двух-, трех- или четырехкамерные. Вход – через крыльцо в холодные сени и в кухню-столовую дома. Из кухни-столовой двери вели в избу. Иногда к кухне пристраивали вторую избу, и тогда обе избы располагались по обе стороны

кухни. В кухне-столовой в углу у двери располагалась русская печь, челом к окну. Печи были кирпичные (после раскулачивания глинобитные), беленые. Труба была кирпичная, ее выводили в два ряда, высота над крышей – 1 м. Печи выкладывали приходящие мастера. Среди жителей Вольдзиков печников не было.

Жилая изба называлась в Вольдзиках также “хатой” (chata – польск.). В избе по стенам стояли лавки с горшками цветов (розы, гречушки, огонек, чемерис и др.). На стенах висели образа, иконы. В красном углу была полка для хранения документов, ценных бумаг, денег. Там же хранили хорошую посуду. Полку эту называли “палица, паличка”.

В хате стояли деревянные самодельные кровати. Полатей не было, до раскулачивания поляки в Вольдзиках спали только на кроватях, которые изготовляли в каждой семье сами мужчины. Постель на кровати состояла из перины (после раскулачивания – в основном из соломенного матраса), холщовой дерюги, заменяющей простыню, и шерстяной дерюги – одеяла. Этой же шерстяной дерюгой застилали постель сверху вместо покрывала. Дерюгу ткали из домашней овечьей шерсти черного и белого цвета с конопляной основой. Кроме того, ткали дерюжки и из крашеной шерстяной и конопляной пряжи красного, синего, зеленого, желтого цвета. Краски были покупные, из растительных использовали кору ольхи (olcha – польск.). Традиционный рисунок – в клетку. Поверх дерюги клали перовые подушки. Ткали дерюги на самодельном ткацком станке, называемом “кросна” (krosna – польск.).

В каждом доме в Вольдзиках был подпол, называемый “погребом”. В нем зимой хранили овощи.

Полы в домах были из некрашенных досок. Их часто мыли и скоблили ножом.

Полотенца не служили предметами украшения, их использовали обычно для утирания и вешали на шест у печи. Полотенца ткали из белых конопляных нитей. Орнамент был различным, один из видов – в виде продольных орнаментальных полос – “шахматки”. Концы полотенца украшались двумя поперечными полосками, полученными крашеными нитями утка (крашенный лен). Полоски были различного цвета – красные, синие, желтые, зеленые. Вышивка на полотенцах не практиковалась. Домоткаными полотенцами в Вольдзиках пользовались до конца 1940-х годов.

Наряду с земледелием и скотоводством вольдзиковцы занимались ремеслами: изготовляли на заказ сапоги; мастерили деревянную ме-

бель – сундуки, лавки, кровати, столы и стулья, полки; орудия труда и утварь (деревянные ложки, посуду); ткацкие станки, прялки, отличавшиеся от изготавливаемых в этой же местности русскими умельцами шириной доски, мялки для конопли; дежи; ночева для приготовления хлеба и др.; ткали холсты, полотенца, дерюги, шили из холста одежду (летнюю и зимнюю) и др.

Для изготовления одежды в основном использовали ткань, сотканную из конопляных нитей. Коноплю замачивали в воде на несколько дней, затем вынимали, сушили в банях и мяли в “мялках, мялицах”, получая кудель, потом толкли в ступе, пока не станет мягкой, как лен, расчесывали на гребне гребенкой с мелкими зубьями. После расчесывания пряли на прялке. Затем ткали полотно на кроснах. Полученное полотно белили в зольном щелоке, затем расстилали на снегу, оно вымерзало и отбеливалось морозом и солнцем. Полотно из белых ниток шло на рубашки (нижние и верхние). Полотно для штанов и юбок изготавливали с использованием овечьей шерсти. Обычно нитки для изготовления верхней одежды красили в красный, синий, зеленый цвет покупными красками. Для окрашивания нитей в красно-коричневый цвет, использовали кору ольхи.

Нательную рубаху изготавливали из белого холста и называли “кошуля” (koszula). Поверх кошули женщины надевали холщовые клетчатые кофты на пуговицах с маленьким отложным воротником – “под горло”, с рукавами без манжет. Кофты носились “на выпуск” – поверх юбки. Юбки (spudnica – польск.) изготавливались из цветной или клетчатой шерстяной ткани с добавлением холщовой нити. Подол юбки иногда отделяли полосками материи другого контрастного цвета. Юбки шили широкие, присборенные на узком пояске, иногда в складку. Поверх сподницы женщины носили цветные холщовые фартуки (fartuch).

На голову пожилые женщины надевали светлых оттенков платки, повязывая их без складок – “конёчком”. На ноги в обыденные дни надевали лапти, а по праздникам – сандалии, туфли и сапоги. Жители Вольдзиков обычно покупали лапти в соседних селах. В грязную погоду поверх лаптей надевали галоши, так же как и лапти, плетенные из лыка.

Зимой женщины надевали длинные шубы из овчины, часто крытые сверху коричневой или черной материей. Овчину на выделку отдавали в другие деревни. На голову женщины надевали зимой шерстяные домотканые платки, на ноги – вязаные шерстяные чулки и валенки, которые обычно валяли приходящие мастера на дому у заказчика на всю семью из материала хозяина.

Из украшений женщины носили бусы, кольца и серьги, чаще всего металлические, в форме колец. Волосы девушки заплетали в косу, женщины заплетали и укладывали сзади в “кубышку”, завязывая косоплеткой.

Мужчины носили нательные холщовые рубахи – кошулы разных цветов, чаще темные, по покрою – косоворотки – на пуговицах, с прямыми рукавами, без манжет. Рубахи носились поверх штанов и подвязывались узким поясом. Штаны шили из шерстяных или холщовых тканей темного цвета. Поверх рубах в прохладную погоду надевали пиджаки из холщовой ткани. У пиджака были накладные карманы и отложной воротник. Одежду шили на машинках местные портные. На ногах носили лапти, в праздники надевали сапоги. По осени и весной надевали шерстяной чапан – широкую накидку с большим воротником. На голову мужчины надевали покупные фуражки, зимой носили полушубки, тулупы из овечьей шерсти. Шили местные мастера – братья Смильгины, Константин и Борис, у которых была швейная машинка “Зингер”. Заказчики обычно приглашали их домой для работы. На голову зимой мужчины надевали покупные теплые шапки, на ноги – валенки.

На огородах помимо картофеля (*kartofel* – польск.), выращивали капусту (*kapusta*), огурцы, называемые в Вольдзиках огурки (*ogorek*), свеклу, называемую в Вольдзиках *бурак* (*burak* – польск.), морковь (*marchew* – польск.), лук (*cebula* – польск.), тыкву, называемую в Вольдзиках дыня (*dynia* – польск.), арбузы, называемые в Вольдзиках *кавуны* (*arbuz, kawon* – польск.), табак (*tyton, tabaka* – польск.). Фруктовых деревьев в Вольдзиках не было. В лесу собирали рябину (*jarzebina* – польск.), калину, черемуху (*czereemcha* – польск.), смородину (*porzeczki* – польск.), шавель (*szczaw* – польск.), грибы (“грузди”, “сыроежки”, “панчошки” (*ponzoszki* – “чулочки?” польск.), *рудзяки* (*gydz* – польск. – рыжик), луговички – летние опята и др.), лесные ягоды. Впрок ягоды не заготавливали, ели свежими, пекли пироги, делали вареники. Только черемуху сушили и потом мололи. Черемуховую муку использовали в качестве начинки для пирога. Грибы жарили, сушили, из них делали вареники.

Овощи заготавливали на зиму: картофель, свеклу и морковь закладывали в подиол и яму, лук вывешивали в сенах, капусту, морковь, огурцы солили в деревянных кадлушках.

Из супов самым распространенным был борщ (*borszcz* – польск.) из свинины, но варили и лапшу. Из вторых блюд чаще всего готовили блюда с картофелем и капустой. Картофель отваривали целым, делали пюре, называемое “толченой картошкой” (*tluczony kartofle* – польск.), тушили с

мясом и капустой, жарили со шпигом и называли *скварки* (skwarka – польск.). Из мяса в пищу употребляли только баранину и свинину.

По праздникам стряпали пельмени с мясом, картофелем, вареники с творогом, пекли пироги из кислого теста с картофелем, мясом, ливером, шавелем, грибами, яблоками.

Изготавливали свиную колбасу: в тонкую свиную кишку вставляли отколотую от стеклянной десятилинейной лампы горловину и через нее набивали кишку мясом с приправой (обычно перец и чеснок), предварительно мелко нарубленным в корыте (называемом в Вольдзиках *ночево*), тупкой или топориком, кишку завязывали и обдавали кипятком.

Все жители Вольдзиков пекли хлеб дома, в “русской” печи. С вечера делали опару (просеивали в *ночеве* муку, пересыпали в квашню, называемую *дежа*, *дежка* (dzieża – с польск. “квашня”), заваривали в ней кипятком муку, ставили на печь до растворения муки, затем добавляли еще воды, дрожжи, хорошенько перемешивали и ставили на печь до утра). После готовности тесто вываливали из *дежки* на стол, раскатывали хлеб и укладывали на полотенце на стол или на подушки. После хорошего подъема теста хлеб с помощью лопаты укладывали на под предварительно чисто выметенной печи. Испеченный хлеб из печи сразу укладывали на тряпицу и укрывали сверху полотенцем, предварительно смазав сверху водой. Готовность хлеба хозяйки определяли “на глазок”, взяв на руку и постучав по караваю. Пекли хлеб один раз в неделю, сразу несколько караваев, и чтобы не зачерствел, хранили на полке в подполе. Разделочная доска называлась *днушкой*, скалка – *качалкой*, ухват для сковороды – *читлой*.

Из напитков жители пили *буряиный* (свекольный) квас, молоко, из спиртного – кислушку. Для хранения напитков использовали глиняные горшки, называемые *збаны*, *збаночки* (dzban – польск.), покупаемые на рынке. Ложки изготавливали сами из липы¹.

Польские крестьяне, поселившиеся в Уфимском уезде замкнутой группой, сохраняли до 1930-х годов польские традиции и обычаи, черты польской культуры. Крестьяне, поселившиеся в иноязычной и иноплеменной среде, быстрее ассимилировались и потеряли черты ярко выраженной национальной индивидуальности.

¹Информанты: Андреева Мария Викентьевна (дев. фамилия Семак), род. 10.06.1916 г. в д. Вольдзика, поляка; Буюк Мария Семеновна, род. 10.04.1918 г. в д. Вольдзика, поляка; Буюк Станислава Семеновна, род. 23.12.1913 г. в д. Вольдзика, поляка; Буюк Юлиан Семенович, род. 15.08.1929 г. в д. Вольдзика, поляк; Вайшнаревич Леонид Александрович, род. 13.03.1928 г. в д. Вольдзика, поляк; Руденко Зоя Казимировна (дев. фамилия Кевро), род. 24.12.1915 г. в д. Вольдзика, поляка.

Следует отметить, что среди поляков, осевших на жительство в Уфимской губернии в конце XIX вв., преобладали дворяне и крестьяне. Третьей по численности сословной группой были мещане.

Значительно пополнилась местная колония новыми членами с началом первой империалистической войны, когда на территорию Уфимской губернии хлынул поток беженцев и военнопленных.

После обретения Польшей независимости многие лица польской национальности вернулись на родину. Однако многие поляки отказались от оптации и остались на постоянное жительство на Южном Урале. Всеобщая перепись 1926 г. показала, что на территории Башкирской республики проживало 1655 человек.

Следующей волной массового переселения поляков в Башкирию явилась принудительная депортация населения с территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Среди высланных было много лиц польской национальности, большинство из них вернулось на родину после 1946 г.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., на территории Башкирской АССР проживало 757 лиц польской национальности, из них 378 человек проживало в г. Уфе.

В целом подробное этнографическое изучение поляков Башкортостана – задача будущего. В рамках данной статьи автор ставил целью осветить историю формирования польской диаспоры в Башкортостане, обозначить этапы переселения поляков на Южный Урал, а также охарактеризовать их быт, опираясь на наиболее достоверные материалы, полученные автором в ходе личных контактов с этнофорами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алфавит* волостей и селений Уфимской губернии. Уфа, 1902. 435 с.
2. *Воспоминания* Владислава Загорского. Zahorski Wladislaw. Moje wspomnienia. 5 tomow // Biblioteka Narodowa. S .BN11.10455. Т. 1. (На польск. яз.).
3. *Крестьянское хозяйство* Уфимской губернии. Подворная перепись 1912-1913 гг. Уфа, 1914. Ч.2. Таблицы. 1844 с.
4. *Полный алфавитный список* всех населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1906. Т.XLVII. 488 с.
5. *Сведения о репрессированных жителях Уфимского района* // Уфимские нивы, 9 дек. 1992; 20 янв. 1993; 27 янв. 1993.

II. ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В БАШКОРТОСТАНЕ

Б.Х.Юлдашбаев

К ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНОМУ И ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОМУ АСПЕКТАМ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Национально-государственное устройство Башкортостана имеет свою историю и предысторию, а названные аспекты научного его освещения — определенную специфику. Но они при этнополитологической разработке вопросов башкироведения остаются, как правило, не вычлененными в относительно самостоятельную проблему, а потому представляется оправданной попытка рассмотреть их особняком. Начнем с исторического экскурса.

Еще в начале X в. арабский путешественник Ибн-Фадлан застаёт башкир на теперешней их территории. А в одном из русских картографических описаний начала XVII в. значится: “А от усть реки Белья Воложки, вверх и по реке Уфе, по обеим сторонам и до Аральтовой горы и далее все живут Башкиры”*. В дальнейшем под влиянием колонизации края подверглись изменениям как внешние контуры Башкирии, так и внутренняя ее этнотерриториальная структура: край становился многонациональным, все более отличаясь этнической чересполосицей. А у башкир в этой связи появилась и нарастала территориальная разобщенность. Возрастала и численность их.

Оптимальная касающаяся численности башкир цифра, по данным “Первой всеобщей переписи населения Российской империи, 1897”, при объективно-критическом их анализе составляет 1043 тыс. чел., расселенных в основном по Южному Уралу, особенно в пределах так называемой Большой Башкирии. В этих территориальных рамках, согласно советской переписи населения 1920 г., башкир насчитывалось 833 063 чел.

* *Книжка* Большому чертежу или Древняя карта Российского государства... 1627 года. Изд. 2-е. СПб., 1838, ст. 152.

Таблица 1

Численность башкир в XVIII—XIX вв. (в тыс. чел.)

Подушные ревизии	Приуралье		Поволжье	Итого в России
	Южное	Северное		
I – 1719 г.		171,9		171,9
II – 1744 г.		106,2		106,2
III – 1762 г.		106,1	0,8	106,9
V – 1795 г.	167,8	23,7	0,7	191,6
VIII – 1834 г.	347,0	44,4		392,1
IX – 1850 г.	453,7	55,7		509,4
X – 1859 г.	526,0	73,2		600,0

* Основанием для данной и следующей таблицы послужили кн. Кабузан В.М. Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. М.: Наука, 1990. Таблица 3. С.84–87; Он же. Народы России в первой половине XIX в. Численность и этнический состав. М., 1992. Таблицы 4, 24. С.121–125, 195.

Таблица 2

Удельный вес башкир по губерниям и уездам Урало-Поволжья к численности всего населения данной территории, в %
конец XVIII — конец XIX в.

Губерния, уезд	Ревизия			Перепись 1897 г.
	V (1795 г.)	VII (1816 г.)	X (1859 г.)	
Оренбургская (и Уфим- ская с 1865 г.) губерния	20,76	19,93	19,00	24,26
Белбеевский	25,91	26,55	26,61	53,78
Бирский	26,13	25,38	31,11	52,69
Верхнеуральский	70,17	60,29	47,97	30,81
Мензелинский	16,97	23,06	24,38	32,38
Оренбургский	38,63	36,23	30,41	10,18
Стерлитамакский	43,32	34,78	33,05	35,37
Троицкий	28,88	20,59	12,68	17,11
Уфимский	15,34	12,37	13,34	30,70
Челябинский	11,74	15,25	13,75	12,26
Бугульминский	8,27	6,12	12,36	9,89
Бугурусланский	0	1,31	1,59	2,24
Бузулукский	2,19	2,89	1,92	2,00
Вятская губерния	0,17	0,23	0,27	0,47
Елабужский	1,27	2,42	2,33	3,65
Сарапульский	0,99	0,89	1,03	1,25
Пермская губерния	2,30	2,72	3,29	2,84
Екатеринбургский	5,43	2,49	2,74	2,08
Красноуфимский	3,50	5,61	10,47	8,42
Осинский	10,13	11,68	11,01	10,69
Пермский	1,21	0,74	1,28	1,35
Шадринский	5,51	9,10	9,37	4,94
По всей России	0,46	0,62	0,79	1,03

Но автономная республика, провозглашенная как “АБСР” в марте 1919 г., создавалась пока в границах так называемой Малой Башкирии площадью 81,7 тыс. кв. км, и лишь в 1922 г., на завершающем этапе истории ее образования, она расширилась – путем объединения с Уфимской губ. – до пределов “Большой Башкирии”, территория которой, однако, в 20-е годы была несолько шире площади теперешней РБ (143,6 тыс. кв. км), ибо автономная республика тогда включала в себя также башкирские анклавы, вкрапленные в смежные губернии, и башкирское население в указанных пределах составляло на начало 1926 г. 625 845 чел. (данные первой Всесоюзной переписи населения).

В конечном итоге автономная Башкирская республика образовалась в территориальном отношении большей частью за счет Уфимской, в значительно меньшей степени – Оренбургской губ. В период с 1865 г., когда образовалась Уфимская губ., до выделения всего Башкортостана в автономную республику советской России (1922 г.^{*}) административно-территориальное его разделение по губерниям – и уездам – Урало-Поволжья представляло следующую картину (в % к площади “Большой Башкирии”)**.

Таблица 3

Уфимская губерния	60,46
<i>в т. ч. уезды:</i>	
Уфимский	9,91
Белебеевский	14,39
Бирский	15,77
Златоустовский	6,64
Стерлитамакский	13,75
Оренбургская губерния	36,24
<i>в т. ч. уезды:</i>	
Оренбургский	6,10
Верхнесуральский	11,35
Орский	16,38
Троицкий	1,22
Челябинский	1,19
Пермская губерния	2,78
Самарская губерния	0,52

* Естественно, имеется в виду, что еще в 1919 г. “Малая Башкирия” была выделена в автономию.

** *Историко-статистические* и экономические таблицы по Автономной Башкирской Советской Социалистической Республике. Уфа, 1923. С.5.

А теперь приведем этнодемографические данные (указанных двух переписей населения) по башкирам в сравнении с другими национальностями, населяющими автономную Башкирскую республику*:

Таблица 4

“Малая Башкирия”	1920 г.	
	абс	в%
Общая численность населения	1 249 589	100,00
<i>В т.ч.:</i>		
Башкиры	518 808	41,52
Татары (включая мишарей и тептярей)	215 795	17,27
Русские	412 097	32,90
Другие национальности	102 830	8,23

К 1926 г. на сельские местности приходилось 98,14% башкирского населения автономной республики, а по татарам (плюс мишари и тептяри) – 95,36, русскому населению республики – 82,76%. Наибольшую долю населения составляли башкиры в Зилаирском кантоне (41,42%), затем идет Аргаяшский (40,64), далее по нисходящей: Бирский (33,20), Тамьян-Катайский (30,02), Месягутовский (25,92), Белебеевский (21,22), Стерлитамакский (17,04), а Уфимский кантон стоял на последнем (8-м) месте: башкиры здесь составляли всего 10,12% населения.

Отметим, что на завершающем этапе истории образования автономной Башкирской республики титульная ее национальность составляла, согласно данным на начало 1926 г., 713 693 чел. по Союзу ССР, 712 366 – по РСФСР. Родным признавали башкирский язык 53,8% общей численности населения по национальности (по татарам – 98,9%). В пределах же автономной республики внутринациональная доля башкир, считающих родным этнический язык, составляла 55,2%, а удельный вес лиц, признающих родным языком башкирский, – 12,96% всего населения Башкортостана, а татарский – 33,85%. Такая большая разница в их удельном весе является результатом отрыва части башкир от этнического и приобщения к татарскому языку.

При значительной численности и доле татароязычного населения в пределах Башкортостана и непосредственной его смежности с Татарстаном национальная проблема для первого сводилась не только к русско(российско)-башкирскому, но и татаро-башкирскому вопросу.

* Здесь и далее сведения о численности и удельном весе башкир и других национальностей в составе формирующейся автономной республики, о башкироязычии и т.д. приводятся из кн.: Башкиры и Башкортостан, XX век. Этностатистика. Уфа, 1995. С.24, 25, 27, 28, 29, 30, 35, 36 / Автор-составитель Б.Х.Юлдашбаев.

Как своеобразная попытка решения этого вопроса и альтернатива движению за автономный Башкортостан и появился в период Октябрьской революции проект Татаро-Башкирской республики, впоследствии, однако, отмененный самой жизнью в результате образования самостоятельных, отдельных друг от друга, республик Башкортостан и Татарстан.

Таблица 5

"Большая Башкирия"	1920 г.		1926 г.	
	абс.	в%.	абс.	в%.
Общая численность населения	2761204	100,00	2665346	100,00
<i>В т.ч.:</i>				
Башкиры	833063	30,17	625845	23,48
Татары	266799	9,66	461871	17,33
Мишари	166184	6,02	135960	5,10
Тептяри	146557	5,31	23290	0,87
<i>Татары, мишари, тептяри</i>	<i>579540</i>	<i>20,99</i>	<i>621121</i>	<i>23,30</i>
Русские	949804	34,40	1064707	39,95
Украинцы	85015	3,08	76710	2,88
Белорусы	32443	1,17	18281	0,69
Марийцы	92671	3,36	79298	2,98
Чуваши	81824	2,96	84886	3,18
Мордва	51975	1,88	49813	1,87
Удмурты	25107	0,91	23256	0,87
Латыши	9400	0,34	7045	0,26
Немцы			6448	0,24
Казахи			513	0,02

Помимо этнолингвистической, и весьма значительной, близости башкир и татар как тюркоязычных народов для них характерна также общность вероисповедания: те и другие в свое время приобщились к исламу.

Приложение

При провозглашении автономии Башкортостана поборники национально-правовой его самостоятельности придавали особое значение юго-восточным районам исторической этнотерритории башкир – "Малой Башкирии", где они имели сравнительно больший удельный вес, чем в северо-западных районах Башкортостана. В своих "Воспоминаниях..."* (Стамбул, 1969, Уфа, 1994) А.-З.Валидов писал: "Когда

* Речь идет о фармане № 2 Башкирского областного шура от 16 ноября 1917 г.

объявлялась автономия, имелся в виду не весь Башкортостан, а та его часть, где мусульмане составляют не менее 70 процентов населения; она известна как Малая Башкирия”.

Справка: согласно приведенной уже этностатистике, в пределах “Малой Башкирии” 1920 г. тюрко-мусульмане — башкиры и татары — составляли 58,8% населения (по Башкирии в целом — 51,2%).

Когда дело шло к примирению националистов с большевиками на условиях признания ими советской автономии Башкортостана, в их постановлении, принятом по этому поводу 8 февраля 1919 г., было записано, что Российская советская республика должна “признать БСР в тех границах и в том административном делении, каковые определены ст.ст. 1, 2, 3, 4, 5, 6 Положения об автономном управлении Башкирии”. Имеется в виду следующий, впервые публикуемый (частично), документ, состоящий из 33-х статей.**

ПРОЕКТ

ПОЛОЖЕНИЕ ОБ АВТОНОМНОМ УПРАВЛЕНИИ МАЛОЙ БАШКИРИИ

1

Башкирская территория в той ее части, где башкиры и другие родственные им племена (татары, мещеряки и тептяри) являются преобладающим элементом, выделяется из существующих губернских и уездных делений в особую автономно управляющуюся единицу с присвоением ей имени Малая Башкирия.

2

Границы Башкирии устанавливаются по принципу возможно большего включения башкиро-татарского элемента, и поэтому они не могут всегда соответствовать существующим волостным делениям.

3

В состав сплошной части Малой Башкирии входят:

из Оренбургского уезда волости: 1) Бурзянская, 2) Мурапталовская, 3) Имангуловская, 4) Аллабердинская, 5) Таймасовская, 6) Сеитовская, 7) деревня Биккулово Ново-Гроицкой волости и 8) деревня Тимирбаево Романовской волости, 9) Кургазинская, 10) Разномейская, 11) Ташлинская, 12) Юмагузинская, 13) Бушман-Суун-Каракипчакская, 14) 1-я Каракипчакская, 15) 2-я Каракипчакская, 16) Бурзян-Кипчакская, 17) Семено-Петровская;

* ЦГИА РБ. Ф. Р-1252. Оп. 3. Д. 125. Л. 19-23 об

** Образование БАССР. Сборник документов и материалов. Уфа, 1959. С. 197.

из Орского уезда волости: 1) 1-я Усерганская, 2) 2-я Усерганская, 3) 3-я Усерганская, 4) 4-я Усерганская, 5) 5-я Усерганская, 6) 6-я Усерганская, 7) Салиховская, 8) Усерган-Хайбуллинская, 9) Самарская, 10) Федоровская, 11) Поимская, 12) Демократическая, 13) Кувандыкская, 14) Кончуровская, 15) Куруильская, 16) Чеботаровская, 17) 1-я Бурзянская, 18) 2-я Бурзянская, 19) 3-я Бурзянская, 20) Бурзян-Таналыковская, 21) Карагай-Кипчакская, 22) Байназаровская, 23) 1-я Тангауровская, 24) 2-я Тангауровская, 25) Воскресенская, 26) Свободная, 27) Кананикольская и 28) Преображенская;

из Верхнеуральского уезда волости: 1) Тамьян-Тангауровская, 2) Кубеляк-Телевская, 3) Катаевская, 4) Усмань-Алиевская, 5) Ахуневская, 6) Тептяр-Учалинская, 7) Авзяно-Петровская, 8) Узьянская, 9) Кагинская, 10) Белорецкая, 11) Тирлянская, 12) Ломовская;

из Троицкого уезда волости: 1) Тангатаровская, 2) Муллакаевская, 3) Байсакаловская, 4) Вознесенская, 5) Поляковская, 6) Сызгинская;

из Челябинского уезда волости: 1) Мавлютовская, 2) Мухаметкулевская, 3) Метелевская, 4) Черлинская, 5) Султаевская;

из Шадринского уезда волости: 1) Аминевская, 2) Башкиро-Теченская, 3) Кунашакская, 4) Тюляковская, 5) Буринская, 6) Байбушаровская, 7) Усть-Багарякская и 8) Кунакбасевская;

из Екатеринбургского уезда волости: 1) Саринская, 2) Карабельская, 3) Кульмяковская, 4) Мякутинская;

из Красноуфимского уезда волости: 1) Больше-Окинская, 2) Азикуловская, 3) Белянковская*, 4) Шакуровская, 5) Тляшевская, 6) Ювинская, 7) деревня Юлай Новозлатоустовской волости, 8) деревня Верхний Баяк и Средний Баяк Манчажской волости и 9) деревни Ямань-Зилга и Средний Бугалыш Сажинской волости;

из Златоустовского уезда волости: 1) Большо-Кушинская, 2) Екатерининская, 3) Усть-Икинская, 4) Старо-Белокатаевская, 5) 2-я Айлинская, 6) Белокатаевская, 7) Верхне-Кигинская, 8) Дувань-Мечетлинская, 9) Ибраевская, 10) Калмаккуловская, 11) Мурзаларская, 12) Нашибашевская, 13) Нижне-Кигинская и 14) Сикиязская;

из Уфимского уезда волости: 1) Урман-Кудейская, 2) Булекей-Кудейская, 3) башкирские селения Иглинской волости, 4) деревня Бирючкова Надеждинской волости, 5) Бишаул-Унгаровская и 6) Биштакинская;

из Стерлитамакского уезда волости: 1) Бишкаинская, 2) Кси-Табынская, 3) Дувань-Табынская, 4) Кальчир-Табынская, 5) башкир-

* В другой вариации Азикуловская, Белянкинская.

ские селения Архангельской волости, составляющие Инзерскую волость, 6) Бузовьязовская, 7) Миркитлинская, 8) Богоявленская, 9) Калкашевская, 10) Карагушевская, 11) Четырмановская, 12) Зиргановская, 13) Араслановская, 14) Бушман-Кипчакская, 15) Аллагуватовская, 16) Азнаевская, 17) Ильчик-Темирская, 18) Гирей-Кипчакская, 19) Кармышевская, 20) Макаровская, 21) Юрматынская, 22) Верхотурская, 23) Воскресенская, 24) Татьяновская, 25) Петровская, 26) Федоровская, 27) Дедовская, 28) Мелеузовская, 29) Нордовская.

4

В состав Башкирии включаются отделившиеся вследствие применения к Башкирии переселенческого закона районы: 1) Кипчакская и Ново-Башкирская волости Оренбургского уезда и Юмрань-Табынская волость Бузулукского уезда, 2) Ичкинская, Сарговская, Калмыкская, Карасевская и Катаевская волости Челябинского уезда.

Территория Малой Башкирии составляет особую самоуправляющуюся область, уравниваемую во всех правовых отношениях и в своем подчинении временному Всероссийскому правительству с совокупностью губерний и областей, выделенных в автономную единицу.

<...>

Подлинник подписали:

Председатель правительства Башкирии

Бикбов

Члены:

Валидов, Мути, доктор Куласв и Кречинский

Секретарь Базилев

С подлинным верно:

<...> *подпись, печать Башкирского войскового управления*

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ БАШКИР В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Теоретическое и практическое значения проблемы социально-культурной адаптации индивида в условиях современной урбанизированной среды все более возрастают в связи с развитием научно-технического прогресса, ростом численности городского населения, задачами модернизации, стоящими перед обществом. Под воздействием этих факторов в современных условиях происходит ускорение изменений в труде, быту, социальной мобильности, миграционной активности населения.

Поскольку процесс урбанизации в социально-психологическом понимании представляет собой процесс проникновения новых ценностных ориентаций, свойственных городскому образу жизни и вызванных к жизни научно-техническим и социальным прогрессом, социальная адаптация этнической общности к городской среде означает диалектически противоречивый процесс взаимодействия традиционных и новых ценностей. Поэтому социально-психологический аспект адаптации этнической общности может быть раскрыт с достаточной полнотой при изучении функционирования ценностных ориентаций данной этнической общности.

При рассмотрении проблемы адаптации необходимо учитывать ряд факторов, в том числе этносоциальные особенности образа жизни, культуры и быта мигрантов. При этом перед исследователями встает вопрос: в какой степени бывшие сельчане увеличивают зону функционирования традиционных национальных элементов в современной культуре, связанной с профессиональными формами.

Темпы миграции определяются различными объективными и субъективными факторами. Из объективных факторов следует выделить исторически сложившиеся социальные и этнодемографические характеристики населения, особенности его расселения, этнополитическую ситуацию в регионе [1, с.22]. Фактором, сдерживающим приток сельских мигрантов в города, являются конкурсные условия жизни в городе, сказывающиеся как на профессиональном устройстве, так и в быту, а также боязнь потерять привычное окружение (родных, знакомых, соседей). Из субъективных – главным образом, психологические установки и ориентации личности. Анализ факторов, влияющих на адапта-

цию к городской среде в различных историко-этнографических зонах, выявляет взаимозависимость этносоциальных, этнокультурных и этнопсихологических характеристик той или иной этнической группы.

Поведение индивида – это сплав традиционно-национальных поведенческих стереотипов и стандартов, присущих определенным группам, и личного опыта, приобретенного в процессе взаимодействия человека с обществом. Причем чем разностороннее, интеллектуальнее человек, тем больше его поведение не соответствует национальным стандартам и стереотипам. В нем перемешиваются несколько типов поведенческих и культурных норм. У некоторых индивидов чрезвычайно силен фон национальной культуры, у других этот фон не доминирует и, следовательно, не определяет их поведение и установки.

Социально-культурная адаптация зависит от ряда факторов, в том числе от среды, в которой жил мигрант, и среды, в которую он попадает. Однако сама смена среды еще не ведет к перестройке индивида, не может служить индикатором его приспособляемости к новым условиям. Для выявления механизма оптимизации адаптации необходимо обратить внимание на те условия, которые способствуют или, наоборот, мешают успешной адаптации в новой среде. Если решаются проблемы микроуровня (производство, семейно-бытовая сфера, досуг, общение и пр.), то в конечном счете процесс адаптации завершается благополучно гармоничной интеграцией индивида в городскую макросреду. И даже если решается лишь одно из этих важных условий (например, безболезненная адаптация в производственной сфере), то адаптация в других сферах проходит намного легче. Как показывают результаты этносоциологических исследований, проведенных в свое время в ряде республик Советского Союза, для узбеков одним из определяющих моментов при адаптации является проблема общения в быту, тогда как для эстонцев – производственная деятельность [2, ч.2, с.34].

Поскольку города Башкортостана с XVIII-XX вв. исторически формировались в основном как "русские" и появление башкир в составе их населения отмечено сравнительно недавно (в 20–30-е годы XX в.), а массовый их приток начался позднее (в 60–70-е годы), представляется правомерным утверждение о незавершенности процесса освоения башкирами городской среды и складывания собственно башкирской городской культурной традиции. По переписи 1989 г., русские в городах республики составляют более 50%, башкиры – 14,5%, татары – 25,6% населения. Материалы переписей населения и этносоциологических опросов последних лет отмечают неуклонный рост абсо-

лютной и относительной численности башкир в составе городского населения республики. Для усвоения наиболее характерных традиций городского образа жизни необходима длительная социально-психологическая адаптация, занимающая порой несколько десятилетий. Доля лиц, проживающих в данном городе с момента рождения, является важным показателем стабильности социальных связей в городской среде. Чем значительнее доля таких лиц, тем больше возможностей для формирования тесных связей между представителями социально-профессиональных, социально-культурных групп в рамках единой этнической общности. Как показывают результаты исследований, в настоящее время население городов в большинстве своем состоит из недавних или более ранних мигрантов. Только 21,9% башкир и 22,9% татар являются уроженцами этих городов¹. Значительная часть горожан-башкир – дети мигрантов. Это обстоятельство, безусловно, сказывается и на характере этнокультурных процессов в городах (формирование ценностных ориентаций, установок, функционирование этнического самосознания и пр.). Причем степень развития последнего у членов урбанозтнической группы будет находиться в прямой зависимости от места, которое они занимают в социально-профессиональной структуре городского населения. Исходя из анализа материалов статистики и результатов этносоциологических опросов, можно сделать некоторые выводы относительно социального статуса городских башкир – выходцев из сельской местности.

Среди башкир (особенно среди башкирской молодежи) довольно мало высококвалифицированных специалистов и специалистов средней квалификации. Действительно, молодые башкиры прибывают в города из сельской местности в основном на учебу (учащиеся техникумов, профтехучилищ, студенты вузов) и, как правило, имеют среднее образование. Ясно, что условия для социального "старта" предпочтительнее у тех, кто родился в городе и окончил городскую школу, имеет прочные и устойчивые связи в городской микро- и макросреде. Очевидно, группы городских башкир с высоким социальным статусом формируются и пополняются в основном выходцами из семей, главы которых также обладают высоким социальным положением. Можно также предположить, что это в основном представители второй гене-

¹ Результаты этносоциологического исследования в Республике Башкортостан по проекту "Язык, национальность и бывший Советский Союз" (1993г.).

рации горожан, дети мигрантов, чье формирование проходило уже в городской среде.

Причины такого положения – в особенностях социальной адаптации сельских башкир в городах республики. В последние годы их растущая миграция в городскую среду носила стихийный характер, что объясняется, в первую очередь, изменением этнополитической ситуации (провозглашение Башкортостаном государственного суверенитета, усиление позиций башкирской этнической элиты и пр.). Миграционный поток башкир столкнулся с рядом объективных трудностей: слабым знанием русского языка – языка городского общения, ограниченностью неформального общения с кругом родственников и земляков, сильной конкуренцией в социальной сфере и т.д.

Естественные трудности адаптации мигрантов-башкир в недавнем прошлом усугублялись тем, что средства массовой коммуникации в городах Башкортостана были мало приспособлены к их специфическим нуждам, ориентируясь на информационное обслуживание преобладающего большинства населения (главным образом, русскоязычного). Для части мигрантов (особенно менее образованных, не вполне свободно владеющих всеми формами языка межнационального общения) в этих условиях возрастало значение родственных и земляческих каналов коммуникации. Однако по мере роста численности башкир в составе городского населения республики информационные связи современного города становились все более универсальными и разнообразными. В них все более отчетливо проявлялась башкирская культурно-языковая доминанта (специфика): увеличилось количество радио и телепередач, возросли тиражи газет и журналов на башкирском языке. По качественным характеристикам сложившаяся "башкирская" система коммуникативно-информационных связей в городе оказалась близка к ее сельскому варианту, поскольку формировалась для сельских мигрантов-башкир и ими самими. Так, например, репертуар Башкирского государственного драмтеатра им. М.Гафури отличался и до сих пор отличается преимущественно "сельской" тематикой. Музыкальные передачи Башкирского радио и телевидения в основном адресованы сельской или бывшей сельской аудитории. В литературных произведениях сквозит своеобразная ностальгия по сельскому быту и образу жизни.

При переезде в город сельский мигрант-башкир стремится сохранить и привнести в город традиционные представления и установки, присущие сельской среде с ее ценностными ориентациями, традиция-

ми, родственными и соседскими связями. Включение его в новую городскую среду – длительный процесс. Начало трансформации личности происходит в селе еще задолго до самого переселения в город. Воздействие городской среды, городской культуры, городского образа жизни складывается в том, что современное село во многом живет по городским стандартам (характер и содержание труда, структура досуга, внешний вид сельчан, внутреннее убранство жилища и т.д.). Переезд будущих мигрантов в город облегчается в том случае, если в городе они могут найти привычную культурно-языковую среду, рассчитывать на помощь своих родственников и земляков в трудовом и бытовом устройстве, наконец, просто на психологическую поддержку. Воздействие факторов, присущих городскому обществу, способствует принятию городских стандартов, изменяет социальные установки у части мигрантов. Традиционно-национальные ценностные ориентации, сформировавшиеся установки могут расшатываться и постепенно размываться.

В процессе адаптации мигранта обычно можно выделить несколько стадий. Первая – подготовительная, происходит на прежнем месте жительства и характерна для потенциальных мигрантов. В этот период особое значение приобретает профессиональный опыт и образование мигранта. Многочисленные исследования показали, что среди башкир, ориентированных на переезд, значительна доля предпочитающих город селу, большую возможность для повышения образования и культуры. Таким образом, еще на стадии принятия решения о переезде из села в город происходит определенный отбор по критериям подготовленности к городскому образу жизни.

Вторая стадия состоит из двух этапов: переезда в город и профессиональной переориентации. При этом сельский мигрант соприкасается с непривычными обезличенными формами контакта, делающими его первое время одиноким в большом городе. Важно, чтобы мигрант вступал в личностные контакты с коллегами по работе, с соседями по месту жительства и т.д. Именно они являются для мигранта связующим звеном с различными видами жизнедеятельности в городе. Как правило, сельский мигрант на данном этапе поддерживает контакты преимущественно с земляками, родственниками, уже сравнительно давно живущими в городе.

Третья стадия – аккомодация – требует от мигранта самостоятельной активности, приемлемости тех установок, которые являются определяющими в данном коллективе. Постепенно влияние городской сре-

ды становится определяющим в принятии новых нормативов поведения.

Четвертая стадия – социально-психологическая ассимиляция – характеризуется психологической перестройкой мигранта, слиянием его со средой. Он больше не выделяется из среды и становится ее частью. Для некоторых мигрантов достаточно и трех лет, чтобы они вполне "акклиматизировались" в городе. У других и 10 лет проживания в городской среде почти не влияют на ценностные установки и ориентации. Именно к ним относится поговорка: "От деревни отстал, а к городу не пристал".

Многочисленные исследования свидетельствуют, что мигранты обычно перемещаются в город внутри сложившейся системы традиционных связей. Кроме того, в городе мигрант включается в новые коллективы – соседские, профессиональные. Если сельское окружение мигранта является универсальным "узким союзом", сочетающим в большей или меньшей степени родственные, соседские, этнические принципы социальной организации, то в городе ее функции зачастую оказываются расчлененными между различными объединениями. Мигрант, таким образом, попадает в более многомерное социальное пространство.

Этносоциологические исследования, проведенные в Башкортостане в 1986 и 1993 гг., дают возможность в определенной мере выявить те факторы, которые привлекают мигрантов-башкир в город. Прежде всего это высокий культурный уровень, широкие возможности для повышения образования детей. Кроме того, башкир привлекает и более благоустроенный городской быт.

Если социальная адаптация сельского мигранта зависит в целом от уровня его образования, профессиональной квалификации, то культурная (или культурно-языковая) адаптация – процесс более долгий. Как правило, мигранты, попадая в новую для них городскую среду, сталкиваются с новыми для них культурно-языковыми условиями. Город предлагает им иной язык универсального (интернационального) общения, новые культурные формы, связанные с ним (массовая культура, молодежная субкультура и пр.). Результаты этносоциологических опросов отмечают активное употребление мигрантами-башкирами русского языка в процессе общения, восприятия ими элементов городской духовной культуры. Правда, это больше характерно для молодых мигрантов, стремящихся как можно быстрее психологически интегрироваться в городскую среду. Башкиры-мигранты старших возрастов при

переезде в город в целом сохраняют культурную и языковую ориентацию, предпочитая общение с родственниками и земляками.

Говоря о социально-культурной адаптации, следует охарактеризовать основные ее типы.

Первый тип (ассимилятивный), проявляющийся в том, что часть представителей городского массива этноса А, попадая в среду, где господствуют ценности полиэтнического и внеэтнического характера, для скорейшей адаптации принимают нормы и установки городского полиэтнического ядра. В результате этого происходит разрыв этносоциальных и этнокультурных связей этой части этноса А с его сельским массивом. Обычно урбанизированная часть этноса А идет на это из конъюнктурных соображений, осознавая, что без этого невозможно стать "настоящими", "подлинными" горожанами. Как правило, такая ситуация характерна для крупных городов России (Москвы, Петербурга), части "этнических" мигрантов в городах США и Западной Европы. Такой тип адаптации (когда мигранты вынуждены адаптироваться не только к городской среде, но и к иной политической системе с ее традициями и особенностями), широко распространенный в 30–50-е годы, сегодня почти не встречается.

Второй тип адаптации (сепаративный) заключается в одновременной консолидации адаптирующегося этнического массива с последующей инкорпорацией его в городскую полиэтническую среду. При этом неизбежна и вполне понятна определенная степень этнокультурной сепарации представителей этого этноса в рамках полиэтнического города (так называемый эффект "жировых пятен" в супе). Как правило, следствием этого процесса является этноцентризм (вплоть до брачной экзогамии). Примером такой адаптации являются общины цыган в российских городах, общины выходцев из юго-восточной Азии в США (китайцев, корейцев, вьетнамцев и пр.).

Третий тип адаптации (интегративный) сопряжен с интенсификацией этнических процессов при нарастании межэтнических взаимодействий, в результате чего этническая группа, сохраняя свою национально-культурную специфику, безболезненно интегрируется в городское сообщество.

Подведем итоги.

1. Социально-культурная адаптация – весьма сложный и продолжительный процесс, в котором сочетаются собственно социальная адаптация (в узком значении слова) и культурно-языковая (или этнокультурная).

2. Степень эффективности социальной адаптации мигранта определяется скоростью и качеством его социально-профессионального продвижения (мобильности). Последняя зависит, в первую очередь, от уровня образования и профессиональной квалификации мигранта. Условия его социального старта закладываются еще задолго до прибытия в город.

3. Город открывает перед мигрантом широкий простор для социальной самореализации. Однако важно, чтобы мигранты не старались занять лишь несколько социальных ниш в стремлении к ускоренной адаптации в городе. Развитость этносоциальной структуры национальной группы в городе определяется представительством ее во всех социально-профессиональных нишах и стратах. Конечно, этнические параметры социальной стратификации общества неизбежны. Задача политиков и специалистов предотвратить канализацию этничности по социальным нишам, препятствовать возникновению явных диспропорций в социальной структуре контактирующих групп, обеспечивать равные условия для социального продвижения граждан независимо от их национальности.

4. Необходим целый комплекс мер по активному включению, втягиванию мигрантов-башкир (особенно молодежи) в ведущие отрасли экономики. Для этого потребуются совершенствование профориентационной работы учащихся школ, училищ как в городах, так и в сельской местности. Важно, чтобы башкиры, прибывающие в города республики, были подготовлены социально и психологически к городскому образу жизни.

Немаловажную роль играет и культурно-языковая среда, привычная для "новых" горожан, помощь и психологическая поддержка родственников и земляков, необходимые на первых порах "новичкам" в городе. Следовательно, большое значение приобретают различного рода национальные общества, клубы, землячества и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Город: проблемы социального развития*. Л., 1982.
2. *Пароль В.И. Социалистический город*. Таллин, 1982.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ СТАТУС БАШКИРСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА (к постановке проблемы)

Место и роль женщины в современном мире – одна из актуальных проблем, которой в последние десятилетия уделяется немало внимания со стороны исследователей, работающих в самых различных направлениях гуманитарных наук. Это объясняется тем, что XX век характеризуется появлением феномена, который специалисты чаще всего обозначают как "женская революция". "Женский фактор настойчиво врывается в современную картину мира, требуя переосмысления предельных оснований современной цивилизации. На исходе XX столетия выдвигаются принципиально новые актуальные проблемы определения места женщины в современном мире, без решения которых невозможно дальнейший прогресс человечества"[15, с.51].

Можно ли сегодня говорить о полном равноправии женщин, имеют ли они возможность для гармоничного сочетания общественных, производственных и семейных функций? Мы располагаем достаточно красноречивыми данными Международной организации труда, в соответствии с которыми выходит, что 2/3 всего рабочего времени на нашей планете приходится на долю женщин, при этом они получают лишь 1/10 часть мирового дохода, в их распоряжении находится только 1/100 доля мировой собственности [11, с.29].

Сегодня мы являемся свидетелями активной борьбы женщин мира за свои права. Социальные интересы женщин выражают соответствующие органы ООН, международные женские организации, ассоциации, съезды, конференции; они закреплены в важнейших международных соглашениях и правовых актах (например, в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин; Декларации об искоренении насилия в отношении женщин; Найробийских перспективных стратегиях в области улучшения положения женщин) [12]. В этом русле под эгидой Генеральной Ассамблеи ООН проводятся крупные международные акции. Так, в сентябре 1995 г. в Пекине состоялся IV Всемирный конгресс по положению женщин "Действия в интересах равенства, развития и мира", одной из задач которого было принятие "Платформы действий во всемирном масштабе на период 1996-2001 гг." в области улучшения положения женщин.

Активность женщин растет и в нашей стране. Сегодня появились женщины-политические деятели, женщины-бизнесмены, возникли различные женские общественные организации. В то же время развитие рыночных отношений, конкуренция в экономической жизни, социальная политика государства привели к тому, что большинство российских женщин оказалось в достаточно сложном и невыгодном положении.

В связи с вышеизложенным важное значение имеет принятие на государственном уровне ряда правовых актов, направленных на улучшение положения женщин. Только в 1996 г. вышли Указы Президента РФ "Об основных направлениях государственной семейной политики", "О национальном плане действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 г.", "О повышении роли женщин в системе федеральных органов государственной власти субъектов РФ". Кроме этого правительством РФ были утверждены "Национальный план действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 г." и "Концепция улучшения положения женщин в Российской Федерации" [7].

В Республике Башкортостан интересы женщин выражают Комитет Законодательной Палаты Государственного Собрания РБ по социальным вопросам, семье и материнству, охране здоровья; Союз женщин Республики Башкортостан, который имеет свои отделения в районах и городах республики; Региональное отделение общественно-политического Движения женщин России; организация по защите интересов матерей солдат; создана Ассоциация женщин-предпринимателей РБ. Также функционируют женские национальные организации, такие как, например, Союз башкирских женщин и Союз украинок Башкортостана. В целом (это характерно не только для нашей республики, но и для многих республик бывшего Советского Союза) женщины, участвуя в различных национальных и общественных движениях, еще не едины в своих действиях.

В странах Запада проблема женщин давно вышла за рамки узких специальных исследований и оформилась в достаточно серьезную теорию феминизма. Специальные учебные программы и курсы по социокультурным проблемам женщин являются неотъемлемой частью современного западного университетского образования. Только в США функционирует около 70 центров и институтов по гендерным

исследованиям¹, около 50 феминистских издательств, более 100 книжных магазинов, специализирующихся по женским вопросам [11, с.34].

Нельзя сказать, что в советской научной литературе (по психологии, социологии, этнографии, демографии) проблема положения женщин в семье и обществе игнорировалась. Имеется большое количество работ, освещающих различные стороны деятельности российских женщин. Однако в связи с господством идей социалистического и коммунистического строительства во всех сферах общественно-политической и культурной жизни эти работы носили несколько тенденциозный характер: исследователями отмечались в основном только положительные моменты в семейной и общественной жизни женщин (рост образовательного уровня женщин; увеличение доли женщин, занятых преимущественно умственным трудом; полное равноправие мужчин и женщин во всех сферах жизни). При этом о противоречиях, возникающих в результате совмещения ею двух ролей (хранительницы домашнего очага и труженицы), о неблагоприятных социальных и экономических условиях, в которых она находилась, часто умалчивалось, или же эта проблема ставилась не в тех масштабах, в которых нуждалась. Так, проблема "двойной нагрузки", "двойного рабочего дня" считалась если не решенной полностью, то решаемой положительно. Тот факт, что огромное количество женщин было занято тяжелым физическим трудом, не воспринимался как один из негативных моментов "эффективного использования женских трудовых ресурсов". В этом случае высказывалась точка зрения о том, что в советском обществе "труд может иметь различный технический уровень, он... может быть и тяжелым, и изнурительным, и даже вредным, но в любом случае он не принижает, а возвышает человека в социально-правственном отношении, способствует становлению и развитию в нем личности" [14, с.32].

Отмечая это, мы несколько не принижаем большое научное значение тех трудов советских этнографов, социологов, психологов и специалистов других научных направлений, в которых дается тщательный анализ семейной, общественной, производственной сфер деятельности женщин.

В последнее время в России женская проблема привлекает внимание все большего числа исследователей. Проводятся многочисленные научные семинары, конференции, посвященные женским вопросам.

¹ Гендер (от греческого "генос" – происхождение, материальный носитель наследственности) близок по смыслу к понятию род, опыт рода.

Впервые в России стал издаваться научный журнал, посвященный проблемам феминологии. Начал свою работу издательский центр в Иваново, специализирующийся на издании научной и научно-методической литературы по основным проблемам феминизма.

По мнению некоторых исследователей [6, с.29-37], рассмотрение положения женщин в нашей стране (в зависимости от определенной мировоззренческой концепции) представлено несколькими направлениями.

Патриархатное направление. Странники видят предназначение женщины только в выполнении ею своих исконных обязанностей матери, жены, домашней хозяйки. Разделение функций между мужчиной и женщиной является тем фундаментом, от которого зависит стабильность общества. Несоблюдение такого распределения ролей, которое является естественным и объективным, может привести к разрушению общества, к социальным катастрофам. Одним из важных признаков любого человека сторонники патриархального сознания считают половой признак, который является решающим при выборе человеком определенной сферы деятельности.

Экономическое направление. Представители также выступают за возвращение женщины в семью. Но объясняют это следующим: женщина – это специфический субъективный фактор производства; этот фактор не обладает достаточно высокой экономической эффективностью. В связи с этим необходимо искать пути сокращения доли участия женщин на производстве.

Демографическое направление. Здесь одна из главных функций женщины – воспроизводство нового поколения. Уровень рождаемости, согласно данным статистики, обратно пропорционален уровню занятости женщин. Из этого делается вывод об "освобождении" женщин от общественного труда, производственной деятельности.

Эгалитарное направление (от фр. эгалитэ – равенство) рассматривает нравственные, экономические, демографические явления лишь как определенные признаки, которые характеризуют положение женщины в обществе. Странники этого направления считают, что разделение ролей между мужчиной и женщиной всегда зависело от определенных социальных условий. На данном историческом этапе происходит смена старых законов отношений между полами новыми, межличностными. Противоречия, возникающие в результате этого (феминизация мужчин, маскулинизация женщин, снижение рождаемости, наркомания, алкоголизм, проституция) являются свидетельством этого процесса. Каждая женщина должна иметь "пространство свободного вы-

бора", т.е. ту социальную (материальную и духовную) среду, в которой независимо от классовых, половых, возрастных, политических и других факторов она является личностью, пропорциональной самой себе, только своему собственному масштабу [6, с.33,34].

В специальной научной литературе высказана мысль о том, что сегодня настало время, когда можно смело говорить о возникновении новой отрасли отечественного социологического знания: социогендерных исследованиях или социогендерных отношениях [12]. Этот термин пришел к нам в начале 90-х годов из англо-американской литературы. Объектом изучения выступают женщины "как конкретная, крупная исторически сложившаяся социальная общность, обладающая всеми признаками неформальной социальной общности", которые заключаются в следующем: относительная целостность массовой совокупности индивидов; самостоятельное историческое и социальное поведение; непосредственная или опосредованная совместная деятельность в различных сферах общественной жизни; неповторимые функции, выполняемые женщинами на протяжении всей истории цивилизации. Основной характеристикой этого направления социологии является доминирование **социальных** признаков в определении положения женщин. При этом также учитываются признаки пола, расы, возраста, социокультурные и психологические особенности, влияние традиций [12].

Как параллельные данному течению выступают исследования по проблемам женщин, в которых делается акцент на этническом факторе (ethnicity). Работы в этом направлении ("Этнический фактор в эволюции полоролевого поведения") ведутся Центром этногендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН [8].

Исследователями Республики Башкортостан вопрос о положении женщин в семье и обществе долгое время отдельно не рассматривался. С точки зрения семейно-брачных отношений он получил освещение в трудах Н.В.Бикбулатова, Ф.Ф.Фатыховой, Р.Г.Кузеева, С.Н.Шитовой, З.З.Нафикова, Б.И.Говако, А.З.Асфандиярова [1,2,3,4,5,9,10]. Социально-демографические, миграционные аспекты положения женщин республики отражены в работах М.В.Мурзабулатова, Р.А. и Л.Л.Галиных, К.А.Посновой и др.¹

¹ См., например: *Мурзабулатов М.В.* Однонациональные и национально-смешанные браки в городах Республики Башкортостан. Уфа, 1994; Галин Р.А., Галина Л.Л. Миграция населения Республики Башкортостан. Уфа, 1994; *Поснова К.А.* О влиянии социальных перемещений женщин на развитие социально-классовой структуры социалистического общества в условиях научно-технического прогресса // Социальные исследования механизации и автоматизации производства. Уфа, 1976. С.41-44.

Научными исследованиями, специально посвященными женщинам республики, являются работы Р.Н.Сулеймановой [13].

В работах по Республике Башкортостан проблема положения женщин в этносоциологическом аспекте специально не рассматривалась.

Автор данной статьи считает необходимым проанализировать социально-культурный статус современной женщины. Это обусловлено тем, что существенные социальные, общественно-политические, экономические и культурные изменения, происходящие сегодня в обществе, привели к тому, что традиционное представление о женском предназначении, рассматривающее женщину только в рамках семьи, вступило в противоречие с новыми потребностями и возможностями современной женщины. В результате возникла проблема сочетания ею функций, обусловленных принадлежностью к определенному полу (мать, жена, домашняя хозяйка) и функций социальных (возможность самореализоваться, самоутвердиться как личность вне рамок семьи). При этом значительную роль играет и этнический фактор (женщина выступает носителем традиционных ценностей своего народа). Взаимодействие указанных факторов (или признаков) – психологических, этнических, социальных – в условиях города ведет к формированию определенного социально-культурного облика женщины, отличающегося от традиционного (сельского). В связи с этим представляется важным рассмотреть не только уже сложившийся тип современной женщины, но и проследить процесс формирования этого типа, изменения традиционного образа под влиянием комплекса факторов.

Проблему социально-культурного статуса современной женщины автор хотел бы рассмотреть на примере башкирской женщины, находящейся в условиях городской среды. Особый интерес в этом отношении представляют города зауральской зоны Башкортостана.

Зауралье, где проживает преимущественно башкирское население, сравнительно поздно включилось в процессы урбанизации. Здесь активно протекает процесс формирования и развития целого комплекса своеобразной национальной (башкирской) городской культуры. Население городов данного региона (Сибай, Баймак, Учалы) формируется главным образом за счет мигрирующего башкирского сельского населения, характеризующегося высокой степенью этничности. Следствием этого является прочное сохранение в этой среде традиционных взглядов на женщину. Городская среда выступает тем мощным фактором, оказывающим большое влияние на эти представления, трансформируя этнокультурный, этносоциальный, этнопсихологический облик башкирской женщины.

В выявлении степени этого воздействия, характера его последствий автор видит одну из задач своего будущего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асфандияров А.З.* Башкирская семья в прошлом (XVIII– первая половина XIX в.). Уфа, 1997.
2. *Бикбулатов Н.В.* Башкирский аул. Уфа, 1965.
3. *Бикбулатов Н.В.* Башкиры // Семейный быт народов СССР. М., 1990.
4. *Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф.* Семейный быт башкир XIX–XX вв. М., 1991.
5. *Говако Б.И.* Советская семья – семья интернациональная // Мы – единая семья. Уфа, 1985.
6. *Женщины в обществе: реалии, проблемы, прогнозы.* М., 1981.
7. *Известия Башкортостана.* 1997. 27 февр.
8. *Котовская М.Г., Шалыгина Н.В.* Сделает ли российская женщина счастливым своего мужа // Социологические исследования. 1995. № 4.
9. *Кузеев Р.Г., Шитова С.Н.* Башкиры. Историко-этнографический очерк. Уфа, 1963.
10. *Нафиков З.З.* Социалистическая семья. Вопросы становления и развития (На примере БАССР). Уфа, 1974.
11. *Силласте Г.Г.* Гендерные исследования: размышления участника конференции // Социологические исследования. 1992. №6.
12. *Силласте Г.Г.* Эволюция социальных позиций в меняющемся российском обществе // Социологические исследования. 1995. №4.
13. *Сулейманова Р.Н.* Женщины в составе населения Республики Башкортостан.: Препринт. докл. Уфа, 1994; Она же. Женщины Башкортостана: социальный облик (конец 50-х– начало 90-х годов). Уфа, 1998.
14. *Харчев А.Г., Голод С.И.* Профессиональная работа женщин и семья. Л., 1971.
15. *Яновский Р.Г.* Женщина и общество: социально-политический аспект // Социологические исследования. 1995. №2.

ДИНАМИКА ЭТНОЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В БАШКОРТОСТАНЕ

(к постановке проблемы государственных языков)

Одним из главных вопросов, возникших в ходе суверенизации в Башкортостане, как и в других республиках, стал вопрос о статусе языков. Данной проблеме посвящено столько статей, сколько не было написано о других проблемах процесса суверенизации. Следует отметить, что в своем большинстве они носят односторонний, "заказной" характер, и в них нет комплексного анализа этнодемографической, этноязыковой, социально-экономической ситуации, непосредственно связанной и влияющей на данную проблему. Авторы статей, особенно в башкироязычной прессе, без анализа сложившейся не только за десятилетия, но и за века, этнической и этноязыковой ситуации, пытаются "доказать" необходимость придания государственного статуса лишь башкирскому языку как языку народа, давшему название республике, тем самым предлагая свои "единственно верные рецепты" решения языковой проблемы в полиэтничном Башкортостане.

При рассмотрении вопроса о придании государственного статуса языкам в том или ином государстве одним из главных факторов является языковая ситуация, "под которой, прежде всего, понимается совокупность функционально распределенных языковых образований (отдельных языков или форм их существования), обслуживающих общение в стране или в этнической общности" [5, с.30].

В процессе изучения и анализа этноязыковой ситуации в Башкортостане нельзя лишь ограничиться простой констатацией, указав, что 45,0% населения республики составляют русскоязычные жители, 31,0% – татароязычные, 16,5% – башкироязычные и 7,5% – носители других языков. Такая ситуация уже позволила бы вести речь о необходимости придания государственного статуса указанным выше языкам трех наиболее многочисленных народов республики.

Прежде чем перейти к рассмотрению указанной проблемы, уместно было бы напомнить опыт ряда стран мира, обретавших независимость на афро-азиатском континенте в 60-70-е годы. А также ситуацию в союзных республиках бывшего СССР, в которых языковая проблема являлась одной из важнейших, а в некоторых из них движение за независимость началось с борьбы за статус государственного

языка. Впервые в пространстве бывшего СССР закон о языке был инициирован Народным фронтом Эстонии и принят тогдашним Верховным Советом республики. А другие республики в течение 1989 и в начале 1990 г. также приняли подобный закон, в котором государственным статусом наделялся язык титульной национальности. Тем самым правительствами этих республик уже был взят курс на приоритетное использование автохтонного языка, а другие, в том числе и русский, были отодвинуты на второй план и стали языками как бы второсортными. Например, принятый в Молдове закон о языке, предоставивший статус государственного лишь молдавскому языку и лишивший подобного статуса русский и гагаузский языки, подтолкнул носителей на крайние меры, которые объявили о создании своих республик, независимых от Молдовы (отметим, что численность гагаузов составляет 160 тыс. чел., т.е. всего лишь 3,8% населения Молдовы).

Таким образом, принятые в бывших союзных республиках "Законы о языках", согласно которым государственным объявлялись языки титульных народов, порождали в некоторых из них дискриминационные меры в отношении представителей нетитульных народов. В ряде республик создавались конфликтные ситуации в языковой сфере и усилился поток миграций русского и русскоязычного населения.

В этой связи следует напомнить обращение Президента Республики Казахстан Н.Назарбаева к парламенту республики с предложением о пересмотре "Закона о языках в Республике Казахстан"[2], хотя казахский закон по сравнению с аналогичными документами других республик более демократичный и лояльный в отношении носителей языков нетитульных национальностей.

В Республике Беларусь президент А.Лукашенко добился проведения референдума по вопросу придания русскому языку наряду с белорусским государственного статуса.

В 1960-е годы в Индии были предприняты попытки провести в жизнь ранее принятые законы о придании хинди статуса основного государственного языка страны, в частности, о передаче ему некоторых функций, выполнявшихся английским языком. Эти попытки привели в Южной Индии к межэтническим столкновениям с человеческими жертвами, после чего расширение сфер употребления хинди прекратилось. Данные решения не учитывали как лингвистических факторов (для дравидов хинди совершенно "чужой" язык), так и политической ситуации: расширение функций хинди воспринималось как уста-

новление господства носителей хинди над другими индийцами; "ничей" английский язык казался более приемлемым [1, с.15].

Объявление в 1960 г. в штате Ассам (Индия) официальным языком ассамского послужило причиной сильных волнений среди бенгальцев, составляющих всего лишь 17% населения штата. Малые народности, увидев в этом угрозу их ассимиляции, также выступили против такого решения [6, с.113].

Так, бенгальцы, составлявшие подавляющее большинство населения Восточного Пакистана, уже с первых лет существования государства Пакистан выступали против навязывания им единственного государственного языка урду и требовали равного статуса для языка бенгали. В борьбе за защиту бенгали проявилось стремление бенгальцев освободиться от политического господства западнопакистанцев, в основном пенджабцев. Упорная борьба за бенгали была началом и органической частью движения за национальное самоопределение, которое привело в 1971 г. к образованию нового государства Бангладеш. Бангладеш, вероятно, единственная страна в современной истории, которая начала борьбу за независимость с "языкового движения" [5, с.89].

В данной статье не ставится задача опровержения взглядов авторов, отстаивающих "правомерность" придания государственного статуса лишь единственному языку республикообразующей нации, об этом уже писалось [7, с.159-160]. Основной целью ее является попытка на основе научного анализа изучить динамику этноязыковой ситуации в республике по данным переписей населения и постараться выявить действительные притязания носителей того или иного языка.

Для более полного показа картины динамики этноязыкового состояния рассмотрим сложившуюся ситуацию в районах и городах республики за последние 30 лет, разделив их:

- на районы с преобладающим башкирским, татарским или русским населением, в которых представители указанных национальностей составляют половину и более жителей, указав долю признающих родным язык своей национальности;
- на районы, в которых указанные национальности составляют меньше половины, но по численности превышают другие;
- на районы, в которых башкирское население своим родным языком считает татарский (т.е. районы, расположенные в западной и северо-западной части Башкирии);

- на города с численностью башкир, татар и русских, показав долю признания ими родным язык своей национальности;

- на районы, в которых компактно представлены помимо указанных трех другие национальности.

Придание статуса государственного или же официального тому или иному языку зависит, прежде всего, от сложившейся языковой ситуации, так как язык, наделенный таким статусом, будет обязательным для применения в государстве, в том или ином регионе данного государства. Будет ли выполнять такую функцию государственный язык, если в данном регионе отсутствуют его носители? Исходя из этого представляется целесообразным при анализе этноязыкового состояния разделить районов республики на башкироязычные, татароязычные, русскоязычные и на районы, в которых преобладают или в значительной степени представлены носители других языков. Только такой подход может дать более реалистичную картину этноязыковой ситуации в Башкортостане.

Рассмотрим районы, в которых башкирский этнос составляет половину и более населения. Таких районов в республике насчитывается тринадцать (табл.1). В них численность и доля башкир за прошедшие тридцать лет увеличилась. Исключение составили Мечетлинский, Учалинский и Ишимбайский, а также районы, расположенные в западной и северо-западной частях республики – Аскинский, Илишевский и Татышлинский. В Мечетлинском численность башкир осталась практически неизменной, хотя их доля в составе населения заметно увеличилась. А в Учалинском численность башкир уменьшилась на две тысячи. Если в Ишимбайском районе из всех башкир в 1959 г. считали родным язык своей национальности 84,2%, то по данным переписи 1989 г., уже 97,3% признали башкирский своим родным языком (рост составил 13,1%). В Мечетлинском эти изменения соответственно равны 87,2 и 95,0%, т.е. увеличение произошло на 2,8%, в Учалинском – с 95,9 до 98,7% (рост на 2,8%). Практически на прежнем уровне осталась доля лиц, признающих родным башкирский язык. В других же районах этот показатель имел тенденцию как роста, так и незначительного сокращения. В Абзелиловском, Бурзянском районах наметился небольшой рост – на 0,2%, а в Зианчуринском, Баймакском, Белорецком, Салаватском и Хайбуллинском – имело место сокращение соответственно на 1,1, 0,3, 0,7, 0,8, 1,2 и 1,1%.

Динамика численности башкир и признания ими родным язык своей национальности в районах с преобладающим башкирским населением¹

Районы	Всего башкир в 1959 г.	Из них с родным башкирским	Всего башкир в 1989 г.	Из них с родным башкирским
Абзелиловский	25 337	25 224	32 936	32 770
в%	71,1	99,5	84,8	99,5
Баймакский	25 406	25 270	46 583	46 044
в%	71,8	99,5	79,6	98,8
Белорецкий	16 494	16 287	18 941	18,548
в%	38,9	98,7	57,5	97,9
Бурзянский	8 756	8 710	13 525	13 479
в%	81,1	99,5	95,3	99,7
Зианчуринский	15 076	14 976	17 843	17 669
в%	50,9	99,3	65,7	99,0
Ишимбайский	23 593	19 865	17 965	17 486
в%	59,9	84,2	69,7	97,3
Мечетлинский	12 536	10 928	12 042	11 444
в%	48,1	87,2	51,4	95,0
Салаватский	14 316	14 107	15 533	15 119
в%	47,0	98,5	58,9	97,3
Учалинский	26 110	25 031	24 122	23 814
в%	68,6	95,9	75,4	98,7
Хайбуллинский	11 541	11 467	19 888	19 536
в%	47,7	99,3	66,0	98,2
Аскинский	18 494	2 416	14 842	6 081
в%	49,7	13,1	63,3	41,0
Илишевский	28 408	1 265	22 946	749
в%	62,5	4,4	63,2	3,3
Татышлинский	22 118	и/с	13 967	1 633
в%	64,2		53,6	11,7

Таким образом, районов, в которых башкирское население составляет 50% и более, насчитывается 13. Если исходить только по количественному критерию, то в них бесспорно можно признать башкирский язык в качестве официального. Однако анализ этноязыковой ситуации в этих районах показывает, что в ряде из них значительная часть башкирского населения своим родным признают татарский язык. Среди них особо выделяются три района: Аскинский, Илишевский и Татышлинский. В Аскинском районе, как видно из табл. 1 и 3, из

¹ Таблица составлена по: Юлдашбаев Б.Х. Башкиры и Башкортостан. Этностатистика. Уфа, 1995. С.45-47; Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 года. Уфа, 1990. С.55-103.

14 842 башкир, по данным переписи населения 1989 г., 41% родным языком признают башкирский, в Илишевском – из 22 946 – лишь 749, т.е. всего 3,3%, в Татышлинском – из 13 963 башкир – 1 633, или 11,7%. Здесь прослеживается парадоксальная тенденция. В районах, в которых произошло сокращение башкирского населения, увеличилась доля признающих родным башкирский язык.

Таким образом, башкироязычное население из 54 районов республики преобладает лишь в 10-ти. В данных районах, по нашему мнению, было бы возможным рассуждать о целесообразности придания башкирскому языку как доминирующему статуса государственного или официального. Но в то же время в некоторых из этих районов в значительном количестве в составе населения представлены и другие национальности, представители которых также вправе требовать признания своих языков в качестве официального на районном уровне. Например, в Белорецком районе, где башкирское население составляет 57,5%, значительную часть населения составляют русские (36,3%); в Хайбуллинском наряду с 66,0% башкир также представлены 23,4% русских; в Мечетлинском – при 51,4% башкирского населения 29,8% татар и 17,9% русских; в Салаватском – 28,9% татар и 11,0% русских. Международный опыт свидетельствует, что языки национальных меньшинств даже с небольшой долей в составе населения стран имеют ранг государственного. Примером наиболее демократического решения проблемы статуса государственных языков может послужить Финляндия. Шведский язык, носители которого составляют немногим чуть более 6,0% населения этой скандинавской страны, имеет в ней статус государственного. Это несмотря на то, что рядом соседняя Швеция, где шведский язык имеет государственный статус в единственном числе. В Финляндии никто не выступает против такого статуса языка соседней страны. Десять государственных органов Финляндии не имеют полномочий для внесения изменений в языковые нормы шведского языка. В то время как некоторые башкирские ученые, которые отвергают идею придания официального или государственного статуса татарскому языку, ссылаясь на то, что татарский язык реализуется как государственный в рамках соседнего Татарстана, утверждают, что "объявление государственными татарского и русского языков наряду с башкирским приведет Республику Башкортостан к выходу из состава Российской Федерации" [3]. Однако международный опыт подсказывает другое решение. Например, в Швейцарии государственный статус имеют три языка – немецкий, французский и итальянский, носители которых соответственно составляют 65, 18 и 12%. В Лихтенштейне, Австрии,

Люксембурге государственным статусом наделен немецкий, который, естественно, является таковым в Федеративной Республике Германии. Можно было бы привести еще множество примеров в других странах мира, в которых один и тот же язык имеет официальный или государственный статус. Носители этих языков не ставят вопрос о выходе из страны и соединении с этносом, проживающим в одноименном государстве. Аналогичной является ситуация в РБ, где татары и русские составляют не 5, а 28 и 39%. Татароязычное население составляет треть, русскоязычное немногим менее половины всех жителей республики. *

Среди указанных районов лишь в одном, Бурзянском, башкироязычное население которого составляет абсолютное большинство (95,0%), можно было бы вести речь об единственном официальном языке в масштабе района. В Зианчуринском районе, где башкиры занимают более половины населения, в значительной степени представлены русские (18,4%) и татары (12,3%), в Учалинском – помимо башкир 14,8% татар и т.д. Если учитывать национальные интересы и этих народов, а их невозможно не учитывать в полиэтничном регионе, то становится очевидным, что носители этих языковых групп также вправе требовать создания определенных гарантий для развития своих языков.

Анализ этнического и этноязыкового состава населения районов, в которых башкиры составляют меньше половины жителей, но занимают первое место по сравнению с другими национальностями, показывает, что в них доля башкир, несмотря на некоторое уменьшение их численности, идет по восходящей линии. Степень же признания ими родным языка своей национальности остается не только стабильным, но в ряде районов этот показатель намного выше по сравнению с 1959 г.

За 30 лет (с 1959 по 1989 год) численность башкир в Архангельском и Янаульском районах сократилась в 1,2 раза, Гафурийском – в 1,3 раза. Увеличение произошло в Зилаирском (в 1,2 раза) и Кугарчинском (в 1,6 раза) районах. Практически на прежнем уровне осталась численность башкир в Кююргазинском районе (табл.2).

Анализ этноязыкового состава башкир в указанных районах показывает, что степень признания ими родным языка своей национальности остается довольно стабильным, за исключением Гафурийского и Янаульского. В первом этот показатель вырос с 86,9 до 96,7%, т.е. на 9,8%, во втором уменьшился на 16,9% (табл.2). Такую тенденцию можно объяснить прежде всего тем, что составляющие значительную часть населения Гафурийского района башкиры с родным татарским

Таблица 2

Динамика численности башкир и признания ими родным язык своей национальности в районах, в которых башкирское население занимает по численности первое место¹

Районы	Всего башкир в 1959 г.	Из них с родным башкирским	Всего башкир в 1989 г.	Из них с родным башкирским
Архангельский	10 206	10 055	8 508	8 288
в%	28,7	98,5	41,3	97,4
Гафурийский	18 682	16 228	14 816	14 331
в%	42,6	86,9	41,6	96,7
Зилаирский	7 460	7 375	9 048	8 980
в%	26,3	98,9	48,4	99,0
Кугарчинский	9 185	9 091	15 079	14 887
в%	31,4	99,0	47,8	98,7
Куюргазинский	8 296	8 193	8 401	8 238
в%	28,3	98,8	35,8	98,1
Янаульский	21 087	8 166	17 611	3 840
в%	44,0	38,7	36,3	21,8

языком находились в башкироязычном окружении (собственно башкиры занимают в составе населения района более 40%), и в школах с татароязычным населением в 80-х годах в качестве языка обучения был введен башкирский язык, что, видимо, повлияло на увеличение башкироязычия в районе. В Янаульском же районе, несмотря на введение башкирского языка, основную коммуникативную функцию выполнял татарский язык. Не исключено, что, если ранее часть башкир, несмотря на свое "башкирское самосознание", своим родным считала татарский, а часть – башкирский, то вводимый в качестве предмета обучения башкирский язык толкнул носителей местного языка пересмотреть симпатии к языку своей национальности в пользу татарского, ибо литературный башкирский язык мало соответствовал разговорному языку местного населения. Тем не менее многие башкирские лингвисты рассматривают его как северо-западный диалект башкирского языка.

Для полного представления картины этноязыковой ситуации в западных и северо-западных районах республики необходимо показать удельный вес башкир и степень признания ими родным языка своей

¹ Таблица составлена по: Юлдашбаев Б.А. Башкиры и Башкортостан. Этностатистика. Уфа, 1995. С.45-47; Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 года. Уфа, 1990. С.55-103.

национальности. Как видно из табл. 3, в районах указанных регионов республики, за исключением Благовещенского, произошло сокращение численности башкирского населения. Также претерпела изменения доля башкир в составе населения районов, признающих родным язык своей национальности. Во всех районах, за исключением Илишевского, увеличилась доля башкир, признающих родным язык своей национальности. В Илишевском районе, как видно по табл. 3, численность башкир, признавших родным башкирский язык, заметно уменьшилась. В этом районе в 1989 г. из 22 946 башкир всего лишь 749 признали башкирский язык родным, что составляет всего лишь 3,3%. Это несмотря даже на то, что в межпереписной период (с 1979 по 1989 год) в Илишевском районе, как и в других районах этого региона, татарские школы были переведены на башкирский язык обучения. Например, согласно переписи 1959 г., в Балтачевском районе башкиры составили 24 245 чел., или 61,7% населения района. Из всего башкирского населения района ни один человек родным не признал башкирский язык. В Бураевском из 27 761 башкир лишь 146 чел. признали башкирский язык своим родным, т.е. 0,5%. А по данным переписи 1989 г., этот показатель в рассматриваемых районах идет по восходящей линии. Значительное увеличение как численности, так и доли башкир, признавших родным язык своей национальности, произошло в Аскинском, Дюртюлинском, Краснокамском, Благовещенском, Туймазинском районах. В Аскинском районе доля признающих родным башкирский язык увеличилась в 2,5 раза, а в Дюртюлинском – даже в 9,7 раза (табл.3). Таким образом, создаваемый миф отдельными лидерами башкирского национального движения и некоторыми учеными республики об ассимиляции башкир татарами в западных и северо-западных районах республики не соответствует действительности, даже наоборот, проявляется обратная тенденция.

Анализ языковой ситуации в западных и северо-западных районах республики показывает, что, несмотря на рост доли башкироязычия, говорить о массовой башкиризации не приходится, ибо степень признания башкирами, да и татарами, башкирского языка в качестве родного очень незначительна. Вполне возможно, что такое увеличение доли башкироязычного населения за эти тридцать лет могло произойти и в результате миграции носителей данного языка в эти районы. В большинстве своем башкиры и татары указанных регионов родным для себя считают татарский язык. Башкирское население в указанных

Таблица 3

Динамика численности башкир и признания ими родным язык своей национальности в западных и северо-западных районах Башкортостана¹

Районы	Всего башкир в 1959 г.	Из них с родным башкирским	Всего башкир в 1989 г.	Из них с родным башкирским
1	2	3	4	5
Аскинский	18 494	2 416	14 842	6 081
в%	49,7	13,1	63,3	41,0
Бакалинский	6 322	149	2 716	244
в%	13,4	2,4	8,4	3,0
Балтачевский	24 245	0	5 500	392
в%	61,7	0	22,1	7,1
Белебеевский	1 170	171	670	305
в%	3,3	14,6	4,0	45,5
Бирский	1 032	132	815	319
в%	3,1	12,8	4,3	39,1
Благоварский	11 321	217	1 899	667
в%	34,9	1,9	7,8	35,1
Благовещенский	1 356	195	3 491	2 637
в%	8,3	14,4	7,5	75,5
Буздякский	16 566	2 167	8 001	2 282
в%	44,6	13,1	26,2	28,5
Бураевский	27 761	146	11 738	455
в%	58,7	0,5	39,5	3,9
Дюртюлинский	15 943	358	13 652	3 478
в%	35,1	2,2	24,2	25,5
Ермекеевский	8 028	139	2 057	308
в%	26,9	1,7	11,3	15,0
Илищяский	28 408	1 265	22 946	749
в%	62,5	4,4	63,2	3,3
Калтасинский	3 340	176	885	414
в%	7,8	5,3	3,2	46,8
Карвидельский	11 873	6 503	10 524	8 214
в%	23,1	54,8	34,8	78,1
Краснокамский	15 097	339	10 273	2 497
в%	39,5	2,2	24,1	24,3
Кушнаренковский	9 261	148	1 582	554
в%	23,1	1,6	5,5	35,0
Мишкинский	2 221	121	1 523	725
в%	5,8	5,4	5,3	47,6

¹ Таблица составлена по Юлдашбаев Б.Х. Башкиры и Башкортостан. Этностатистика. Уфа, 1995. С.45-47; Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 года. Уфа, 1990. С.55-103.

1	2	3	4	5
Татышлинский	22 118	н/с	13 967	1 633
в%	64,2		53,6	11,7
Туймазинский	21 280	434	9 588	1 252
в%	39,0	2,0	31,3	13,1
Чсмагушевский	15 840	440	6 107	435
в%	36,7	2,8	18,7	7,1
Шаранский	4 505	73	1 525	201
в%	12,7	1,6	6,4	13,2
Янаульский	21 087	8 166	17 611	3 840
в%	44,0	38,7	36,3	21,8

регионах составляет незначительную долю. Лишь в Аскинском оно составила 25,9% жителей района (табл.3). Таким образом, несмотря на попытки внесения административным путем коррективы в языковую политику в 1980-е годы и тенденцию увеличения доли башкироязычного населения, языковая ситуация в указанных районах в целом осталась стабильной.

Районов, в которых татарское население составляет половину и более населения, в республике насчитывается 15 (табл.4). Вместе с тем в указанных выше четырех районах (Аскинском, Илишевском, Татышлинском и Янаульском) западного и северо-западного Башкортостана, хотя и с башкирским населением, но значительное большинство их своим родным языком признают татарский. В Янаульском районе из 17 611 башкир 13 480 (76,5%) родным считают татарский язык. Собственно татары составляют 29,0% населения. Таким образом, в Янаульском районе татароязычное население составляет 57,0%, а русскоязычное – 12,7%. В Илишевском 96,4% башкир родным языком признают татарский, одну треть населения района составляют татары. Следовательно, абсолютное большинство населения Илишевского района (91,2%) являются татароязычным. В Татышлинском же районе 88,0% башкир родным признают татарский язык. 21,1% населения района – татары. Таким образом, почти 70% населения района являются татароязычным. В Аскинском районе татароязычное население составляет 61%. В западных и северо-западных районах республики часть татарского населения была насильственно записана башкирами. Отсюда несовпадение языка с этнической идентичностью.

Таким образом, татарское и татароязычное население преобладает в 19 районах республики, тогда как башкироязычное лишь в 10. В ука-

занных татароязычных районах, естественно, доминирующую роль играет татарский язык, в шести из которых можно было бы ввести в качестве официального единственный татарский язык.

Таблица 4

Динамика численности татар и признания ими родным язык своей национальности в районах, в которых татары занимают более половины населения¹

Районы	Всего татар в 1959 г.	Из них с родным татарским	Всего татар в 1989 г.	Из них с родным татарским
Бакалинский	23 150	22 787	20 093	19 600
в%	49,2	98,4	62,2	97,5
Балтачевский	6 612	6 586	14 728	14 628
в%	16,8	99,6	59,2	99,2
Благоварский	9 025	8 878	14 520	14 230
в%	27,8	98,4	59,8	98,0
Буздякский	15 420	15 322	19 756	19 588
в%	41,5	99,4	64,7	99,1
Бураевский	12 949	12 920	15 102	14 976
в%	27,4	99,8	50,8	99,2
Дюртюлинский	18 628	18 559	33 262	32 969
в%	41,0	99,6	59,1	99,1
Ермекеевский	9 163	9 095	9 877	9 772
в%	30,7	99,3	54,4	98,9
Кигинский	11 929	11 850	10 841	10 751
в%	52,4	99,3	57,4	99,2
Кушнаренковский	20 091	20 033	22 232	22 052
в%	50,2	99,7	78,0	99,2
Миякинский	15 309	15 158	16 731	16 593
в%	40,1	99,0	55,3	98,2
Стерлибашевский	16 553	16 476	13 534	13 458
в%	55,5	99,5	62,4	99,4
Туймазинский	21 223	21 134	17 252	17 115
в%	38,8	99,6	56,3	99,2
Чекмагушевский	23 373	23 314	24 695	24 610
в%	54,2	99,7	75,6	99,7
Чишминский	25 817	25 649	27 618	27 066
в%	57,7	99,3	60,8	98,0
Шаранский	13 155	13 081	12 160	12 035
в%	36,6	99,4	51,0	99,0

¹ Таблица составлена по: Юлдашбаев Б.Х. Башкиры и Башкортостан. Этностатистика. Уфа, 1995, С.45-47; Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 года. Уфа, 1990.

Но вместе с тем в этих районах невозможно ввести башкирский язык, так как носители данного языка в них практически отсутствуют. В некоторых из них наряду с татарами достаточно компактно проживают представители других национальностей: в Ереклеевском – чуваша (16,0%), Татышлинском – удмурты (22,3%), Балтачевском – марийцы (13,9%). Попытки волонтаристского решения, направленного на изменение сложившейся этноязыковой ситуации, может обернуться непоправимой дестабилизацией этнополитической ситуации не только в республике, но и Урало-Поволжском регионе. Необходимо отметить и то обстоятельство, что для многих проживающих в этом регионе чувашей, мари, удмуртов, мордвы и др., особенно в западных и северо-западных районах республики, да и за их пределами, татарский язык уже давно стал языком межнационального общения.

Введение в качестве государственного единственного башкирского или же, как полагают авторы проекта "Закона о языках народов Республики Башкортостан", башкирского и русского языков привело бы к изменению и нарушению сложившейся языковой ситуации в республике. Как бы ни пытались доказать сторонники и защитники, ратующие за введение государственными двух вышеотмеченных языков, одна треть населения республики – татароязычная. В случае принятия закона о языках в его бестатарском варианте татароязычное население (и не только татароязычное), кстати, составляющее значительную часть жителей не только в северо-западной и западной частях республики, но и в городах, в том числе и в г.Уфе, вынуждено будет изучать башкирский язык, вести на нем официальное делопроизводство и т.д. Такое нововведение, как показал опыт 80-х годов, при внедрении в школах указанных районов башкирского языка вызвало резкое сопротивление со стороны татарской части населения. На нашей памяти свежи недавние события, когда в мае 1993 г. приказом № 425 Министерства народного образования РБ имелась попытка внедрения башкирского языка и литературы в школах республики для русскоязычных детей. Тогда по требованию Татарского общественного центра РБ и общественного объединения "Русь", а также комиссии по науке и народному образованию Уфимского горсовета данный приказ был отменен. Нельзя недооценивать и вариант, с которым выступает ТОЦ РБ. По мнению его лидеров, при принятии закона о языках в его бестатарском варианте они оставляют за собой право демократическим путем (референдумом) начать сбор подписей за создание Уфимской области или за при-

соединение районов с татарским населением к Татарстану (вариант Приднестровья и Гагаузии в Молдове).

Таблица 5

Динамика численности татар и признания ими родным язык своей национальности в районах, в которых татарское население занимает численное большинство¹

Районы	Всего татар в 1959 г.	Из них с родным татарским	Всего татар в 1989 г.	Из них с родным татарским
Альшеевский	21 129	20 839	18 927	18 461
в%	34,0	98,6	40,5	97,5
Аургазинский	23 666	23 579	18 773	18 592
в%	45,6	99,6	48,2	99,0
Караидельский	18 573	18 420	11 109	10 888
в%	36,1	99,2	36,7	98,0
Кармаскалинский	22 989	22 808	21 756	21 461
в%	41,5	99,2	47,6	98,6
Краснокамский	5 007	4 944	16 660	16 049
в%	13,1	98,7	39,0	96,3
Нуримановский	14 151	13 869	8 735	8 353
в%	33,2	98,0	38,0	95,6
Федоровский	7 661	7 608	6 895	6 747
в%	27,2	99,3	35,0	97,9

Районов, в которых татарское население составляет меньше половины, но по сравнению с другими национальностями преобладает и занимает первое место, насчитывается семь (см. табл.5). Из них лишь в Краснокамском районе численность татар увеличилась, а в остальных имело место сокращение, хотя их доля в составе населения районов прибавилась. В признании ими родным язык своей национальности также имело место устойчивое сокращение (от 0,6 до 2,4% за указанный период).

Таким образом, татароязычное население наряду с 19 районами, в которых носители татарского языка составляют преобладающую часть, представлено еще в семи районах, в которых его доля довольно значительна. Уже в 26 районах можно было бы говорить о присутствии татарского языка в качестве официального. Это уже почти половина всех районов республики.

¹ Таблица составлена по: Юлдашбаев Б.Х. Башкиры и Башкортостан. Этностатистика. Уфа, 1995. С.45-47; Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 года. Уфа, 1990.

Районов, в которых русское население составляет более половины населения, всего лишь четыре (табл.6). Помимо них, еще в шести районах республики русские по численному составу занимают первое место (табл.7). У русского населения доля признания родным язык своей национальности остается самой высокой. В то же время русско-национальное двуязычие в республике, как и в России в целом, не получило широкого распространения.

Таблица 6

Численность и доля русских и признание ими родным язык своей национальности в районах с преобладающим русским населением¹

Районы	Всего русских	В %	Из них считают родным русский язык	В %
Белокагайский	11 837	53,6	11 833	100
Благовещенский	30 324	65,0	30 274	99,9
Дуванский	19 239	64,4	19 231	100
Уфимский	28 917	54,9	28 909	100

Более половины населения городов в течение последних лет составили этнические русские. Но, с другой стороны, доля татар и особенно башкир за это же время в составе городского населения заметно возросла. Если доля башкир среди горожан в 1959 г. была лишь 7,9%, то в 1989 г. она увеличилась в два раза. В то же время численность башкир-горожан возросла в 3,6 раза. Произошло также увеличение татарского городского населения с 18,8 до 25,7%, т.е. в 2,6 раза. Если доля башкир и татар в общей численности городского населения за указанные периоды заметно возросла, то доля русских сократилась – с 64,0 до 51,1%, что в 3,5 раза больше, чем доля башкир, и почти в 2 раза – чем татар.

Таким образом, численность городских жителей всех без исключения национальностей за это время возросла. Но при этом наметилась другая тенденция, проявляющаяся в дальнейшем росте удельного веса башкир, татар и уменьшении доли русских горожан. Процесс урбанизации башкирского и татарского населения, естественно, способствовал политизации этничности, что повлекло за собой "башкиризацию" общественно-политических процессов и противодействие ей со стороны татарских и русских этнополитических движений.

¹ Таблица составлена по: *Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 года*. Уфа, 1990

Таблица 7

Численность и доля русских и признание ими родным язык своей национальности в районах, в которых русское населения занимает первое место¹

Районы	Всего русских	В %	Из них считают родным русский	В %
Белебеевский	6 440	38,7	6 431	99,9
Бирский	9 290	49,0	9 283	99,9
Давлекановский	14 302	37,0	14 278	99,9
Иглинский	21 265	48,8	21 261	100
Мелеузовский	11 646	43,9	11 638	100
Стерлитамакский	12 054	35,9	12 040	99,9

Если в 1959 г. 2/3 жителей столицы республики были русские, то в 1989 г. доля русских сократилась, при общем росте их численности, в 1,6 раза. Возросла численность татарского населения столицы в 2,5 раза. За указанный период заметно увеличилась численность башкир, проживающих в городе Уфе. Если башкиры в 1959 г. составили лишь 5,5% населения г.Уфы, то в 1989 г. – уже 11,3%. В целом за это время численность башкир столицы возросла более чем в 4 раза.

За указанный период в городах республики наблюдалась тенденция как увеличения, так и сокращения доли башкир, признавших родным башкирский язык (табл.8).

Если в городах Белорецк, Ишимбай, Октябрьский, Салават, Сибай, Стерлитамак и Учалы незначительно уменьшилась доля башкир, считающих родным язык своей национальности, то в городах Уфа, Белебей, Бирск, Кумертау, Туймазы и Баймак она имела тенденцию роста. Причем в таких городах, как Туймазы, расположенном в западной части республики, половина населения которого составляют татары, и Мелеузе, расположенном в южной части республики, половина населения которого русские, этот показатель увеличился довольно заметно. Для горожан нерусских национальностей была присуща тенденция замены языка своей национальности во втором поколении на русский. Несмотря на это у башкирского городского населения республики за последние тридцать лет все же устойчиво сохранилось признание родным язык своей национальности. Необходимо также констатировать, что башкироязычное население в столице республики составляет лишь 8,0%, т.е. из-за малочисленности носителей данного языка функциони-

¹ Таблица составлена по: Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 года. Уфа, 1990. С.41-47, 62-103.

рование башкирского языка в условиях Уфы остается весьма проблематичным.

Таблица 8

Динамика численности башкир и признания ими родным язык своей национальности в городах РБ¹

Города	Всего башкир в 1959 г.	Из них с родным башкирским языком	Всего башкир в 1989 г.	Из них с родным башкирским языком
Уфа	30 321	19 760	122 026	85 912
в %	7,5	65,2	11,3	70,4
Белебеев. горсовет	1 501	921	4 155	2 622
в %	5,3	61,4	5,5	63,1
Белорецк	3 891	3 620	14 464	13 163
в %	6,5	93,0	16,4	91,0
Бирск	1 098	299	2 780	1 514
в %	4,4	27,2	8,0	54,5
Ишимбай	5 971	5 707	16 107	14 818
в %	12,8	95,6	22,9	92,0
Кумертауск. горсовет	1 939	1 812	9 136	8 335
в %	6,3	93,4	13,4	94,5
Мелеуз	717	612	10 632	10 049
в %	4,0	85,3	20,0	94,5
Нефтекамск	н/с	н/с	22 601	8 147
в %	20,9	36,0		
Октябрьский	4 901	2 452	9 822	4 665
в %	7,6	50,0	9,4	47,5
Салават	4 407	3 878	22 858	20 026
в %	7,3	88,0	15,2	87,6
Сибай	7 512	7 283	20 245	19 207
в %	26,1	96,9	41,0	94,9
Стерлигамак	4 545	3 900	27 663	23 355
в %	4,1	85,8	11,2	84,4
Туймазин. горсовет	3 970	495	12 748	3 660
в %	19,0	12,5	14,4	28,7
Учалинск. горсовет	4 404	4 214	14 247	13 500
в %	25,7	95,7	40,3	94,8

При общем росте численности татар в городах в составе населения некоторых из них доля татар сократилась: в Белорецке, Белебее и Си-

¹ Таблица составлена по: Юлдашбаев Б.Х. Башкиры и Башкортостан. Этностатистика. Уфа, 1995, С.45-47; Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 года. Уфа 1990 С.55-61.

бае. Заметно увеличилась численность и доля татар в Уфе, Стерлитамаке, Салавате, Октябрьском и Туймазах (табл.9).

Таблица 9

Динамика численности татар и признания ими родным язык своей национальности в городах РБ¹

Города	Всего татар в 1959 г.	Из них с родным татарским языком	Всего татар в 1989 г.	Из них с родным татарским языком
Уфа		115 146	291 190	256 030
в %	21,1	27,0	87,9	
Белбсбсв. горсовет	7 143	6 944	18 026	15 808
в%	25,4	97,2	23,9	87,7
Белорсск	5 481	5 110	7 354	6 081
в%	9,2	93,2	8,3	82,7
Бирск	3 111	2 847	6 235	5 593
в%	12,5	91,5	17,9	89,7
Ишимбай	5 822	5 513	10 388	9 051
в%	12,5	94,7	14,8	87,1
Кумертауск. горсовет	3 843	3 651	8 670	7 654
в%	12,4	95,0	12,7	88,3
Мелеуз	2 120	1 963	8 556	7 837
в%	11,9	92,6	16,2	91,6
Нефтекамск	н/с	н/с	33 955	31 253
в%			31,4	92,0
Октябрьский	17 432	16 707	38 600	34 943
в%	26,9	95,8	36,9	90,5
Салават	8 044	7 501	30 212	26 451
в%	13,3	93,2	20,0	87,6
Сибай	3 561	3 353	5 021	3 960
в%	12,3	94,2	10,2	78,9
Стерлитамак	21 882	21 025	60 947	53 360
в%	19,6	96,1	24,6	87,6
Туймазин. горсовет	5 690	5 534	41 613	38 954
в%	27,2	97,3	47,1	93,6
Учалинск. горсовет	4 038	3 942	8 464	7 464
в%	23,5	97,6	24,0	88,2

Анализ языковой идентичности со своим этносом среди городских татар показывает, что они более восприимчивы к русскому влиянию, чем башкиры. Если разница среди городских и сельских башкир, признавших язык своей национальности родным, составила лишь 2,5%, то

¹ Таблица составлена по: Юлдашбаев Б.Х. Башкиры и Башкортостан. Этностатистика. Уфа, 1995. С.45-47; Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 года. Уфа, 1990. С.48-54.

среди татар она превышает 8%. По данным переписи 1989 г., среди сельских татар родным язык своей национальности признали 97,6%, а среди горожан 89,4%. В таких городах, как Белебей, Белорецк и Сибай, доля татар, признавших родным татарский язык, упала соответственно за указанный период на 9,5, 10,5 и 15,3% (табл.9).

Таблица 10

Численность и доля русских в городах РБ¹

Город	Всего русских	В %
Уфа	585 337	54,2
Белебей	27 955	52,9
Белорецк	52 284	72,0
Бирск	22 143	63,7
Ишимбай	39 617	56,5
Кумертау	41 113	64,7
Мелеуз	29 115	54,8
Салават	84 185	55,8
Стерлитамак	128 849	52,0
Благовещенск	19 988	72,2
Давлекапово	10 714	50,4

В своем большинстве города республики остаются русскими. В 11 из них русские составляют половину и более населения (табл.10). В двух городах – Туймазы и Дюртюли – более половины населения составляют татары, а в трех – Нефтекамске, Октябрьском и Янауле – татароязычное население занимает первое место (табл.11). Башкиры же составляют большинство только в г.Баймаке.

Таблица 11

Города с преобладающим татарским и татароязычным населением²

Города	Всего татар	В %	Башкиры, считающие родным татарский язык	Всего татароязычных, в %
Туймазы	29 315	50,2	8 056	64,0
Дюртюли	15 217	60,3	4 596	78,5
Нефтекамск	33 955	31,4	12 691	43,2
Октябрьский	45 595	43,6	3 918	47,4
Янаул	8 129	33,3	14 529	59,5

В Республике Башкортостан наряду с наиболее крупными этническими группами (татарами и русскими) компактно проживают чуваши,

¹ Таблица составлена по: *Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 года*. Уфа, 1990. С.62-103.

² Таблица составлена по: *Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 года*. Уфа, 1990. С.48-54.

мари, удмурты и мордва. По численному составу чувашское население занимает четвертое место в республике и, по переписи 1989 г., составляет 118 509 чел. В Ермекеевском, Миякинском, Стерлитамакском, Федоровском, Шаранском и Кармаскалинском районах их доля составляет более 10%. В Бижбулякском чуваша в составе населения района занимают первое место (37,5%), в Аургазинском – 32,2%, после татар, в Белебеевском – 23,8% после русских. Естественно, чувашское население в указанных районах, в том числе и в тех, в которых их доля свыше 10%, вполне может претендовать на то, чтобы их язык стал в масштабе района официальным.

Довольно компактно в республике проживает марийское население. Его численность, по переписи 1989 г., составила 105 768 чел.; в Мишкинском районе – более 69%, в Калтасинском – 47% (первое место), в Бирском – 31% (второе после русских). Марийцы также представлены в Шаранском (20,3%), Балтачевском (13,9%), Краснокамском (18,3%) районах. Из всего марийского населения республики более 91% считают родным марийский язык (для сравнения: у чувашей – 82,7%, у башкир – 74,7%). Высокий процент сохранения родного языка у удмуртов (90%). В республике их насчитывается более 23 тыс.чел. Особенно компактно они проживают в Татышлинском (22,3%) и Калтасинском (10,1%) районах.

Таким образом, 45% населения Башкортостана – русскоязычное, 31% – татароязычное, 16,5% – башкироязычное и 7,5% – носители других языков.

Доля признающих родным язык своей национальности среди городских жителей ниже, чем среди сельских – соответственно 89,4% и 97,6%, причем по сравнению с 1979 г. она упала на 2,0%. Высокая доля признающих родным язык своей национальности у сельских мари – 96,9%, удмуртов – 95,2, чувашей – 92,0%. Однако среди горожан указанных национальностей, доля лиц, считающих родным язык своей национальности, намного ниже. У чувашей разница между сельскими и городскими жителями составила 24,0%, у удмуртов – 21,0 и у марийцев – 18,3%. Среди лиц башкирской национальности доля тех, кто признает родным язык своей национальности, составляет 74,1%. Разница между городскими и сельскими башкирами по сравнению с другими национальностями очень незначительная – соответственно 73,3 и 75,8%. За рассматриваемые тридцать лет численность городского башкирского населения увеличилась почти в 5 раз. Несмотря на иноэтническое окружение (ибо в своем большинстве городские жители – это

представители русской и татарской национальности) данные статистической отчетности не подтверждают широкой ассимиляции городских башкир. Хотя следует заметить, что среди башкир г.Уфы доля лиц, признающих родным язык своей национальности, составила 70,4%, г. Стерлитамака – 84,4%. В целом же за указанный период в ряде городов республики выросла доля башкир, признающих родным язык своей национальности: в г.Уфе – на 5,2%, в Бирске – в 2 раза, в Мелеузе – на 9,2%. Исключение составили города Белорецк, Ишимбай, Сибай, Стерлитамак и Учалы, в которых этот показатель незначительно сократился, при общем увеличении в каждом из них численности и доли башкирского населения.

Таким образом, анализ этноязыковой ситуации в Башкортостане показывает, что утверждаемый рядом ученых, а также лидерами башкирского национального движения тезис об ассимиляции башкир татарами в республике и утере башкирами своего языка не подкрепляется массовыми статистическими материалами и не соответствует действительности.

Почти половина населения республики (46,5%) помимо своего родного свободно владеет одним из языков народов бывшего СССР. За 1979–1989 гг. увеличилось число лиц, свободно владеющих русским языком: среди башкир – 78,5%, татар – 83,4, чувашей – 86,7, марийцев – 76,5, украинцев – 93,0, мордвы – 96,3, удмуртов – 64,4, белорусов – 97,7, немцев – 96,6, евреев – 98,2%. В качестве родного назвали русский язык 1 774,1 тыс. чел. (из них 227,9 тыс. чел. нерусской национальности); 1 736,0 тыс. чел. считали русский вторым языком, которым они свободно владеют. Таким образом, русским языком владеют 3 511,0 тыс. чел., или 89,0% населения Башкортостана. Уместно упомянуть, что, согласно переписи населения 1989 г., из 863,800 башкир родным языком считают башкирский 645 351 чел., что и составляет 74,7% всех башкир, или 16,4% населения республики. 178,4 тыс. башкир (20,7%) считают своим родным татарский язык, 39,7 тыс. (4,6%) – русский [4, с.55].

Одним из основных показателей, характеризующих языковую ситуацию, является степень владения теми или иными языками. Рассмотренная выше на примере данных переписи населения динамика развития родного языка показала рост владения русским языком всех без исключения национальностей, проживающих в Башкортостане.

Проведенные нами (и не только нами) неоднократные этносоциологические исследования показали, что в своем большинстве жители

республики разделяют мнение, что в Башкортостане государственный статус необходимо предоставить языкам трех наиболее многочисленных народов. Вместе с тем абсолютное большинство опрошенных категорически не согласны с тем, чтобы в республике башкирский язык рассматривался в качестве единственного государственного языка. Так, например, на вопрос "Согласны ли Вы с утверждением, что башкирский язык должен рассматриваться в качестве единственного государственного языка в Башкортостане?" 64,8% городских башкир выразили свое несогласие с таким тезисом. Лишь 12,7% башкир отметили свое безусловное согласие и еще 11,1% ответили, что скорее согласны, чем не согласны. Абсолютное большинство городских татар (83,8%) и русских (94,7%) респондентов высказали свое категорическое возражение тому, чтобы башкирский язык рассматривался в качестве единственного государственного языка в Башкортостане. Этносоциологический опрос по проекту "Язык, национальность и бывший Советский Союз" (авторы Джерри Хафф – Дюкский университет, г.Дарам; Дэвид Лейтин – Чикагский университет; Сьюзан Лейманн – Колумбийский университет, г.Нью-Йорк, США) был проведен Центром по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН совместно с ОНУ с МАЭ УНЦ РАН в апреле 1993 г. под руководством М.Н.Губогло и Р.Г.Кузеева по квотной стратифицированной выборке, представительной для городских башкир, татар и русских. В 7 городах республики (Уфе, Салавате, Нефтекамске, Белорецке, Туймазах, Баймаке, Сибее) было опрошено 817 башкир, 779 татар и 814 русских.

Придание государственного статуса башкирскому, татарскому и русскому языкам соответствует историческим реалиям республики и, по нашему убеждению, будет способствовать стабильной этнополитической ситуации в ней.

Правильность такого решения вопроса о языках подтверждают и результаты проведенного нами экспертного опроса этнополитической элиты. При разработке выборки по опросу этнополитической элиты (экспертов) был использован метод случайного наблюдения, разработанный американским исследователем Донн Джеймисон (Эмори университет, Джорджия, Атланта, США). В основу выборки экспертного опроса была положена идентификация представителей элиты путем использования позиционного анализа. Были выбраны одинаковые по численности группы лиц башкирской, татарской и русской национальности в соответствующих социально-экономических и политических

структурах. Ключевыми в каждой из групп, непосредственно оказывающими влияние на развитие этнополитических процессов, являются руководители национальных движений и объединений, существующих и действующих на территории республики политических партий, руководители государственных органов власти, постоянных комиссий ВС РБ, народные депутаты, руководители крупных предприятий и объединений (некоторые из них также являются народными депутатами РБ, хотя при составлении выборки их депутатские полномочия не учитывались), представители культурно-просветительных союзов и ассоциаций, в данном случае члены Союза писателей РБ, руководители средств массовой информации (главные редакторы республиканских газет и журналов, журналисты и т.д.).

Вся выборка состояла из 106 человек, а каждая контрольная группа – в виде квот по 21 представителю из состава 3-х наиболее многочисленных национальностей (русских, татар, башкир) с равным количеством в каждой категории, т.е. 33% – русских, 33% – татар, 33% – башкир, безотносительно к их удельному весу в составе населения региона.

Кроме того, при опросе лидеров национальных движений были выделены представители национальных меньшинств (мари, чуваша, евреи, украинцы и др.). Опросом удалось охватить редакторов различных периодических изданий, известных журналистов, учредителей независимых печатных органов, а также руководителей предприятий и объединений. На вопрос "Какие, по Вашему мнению, языки должны приобрести статус государственного языка в Республике Башкортостан?" две трети экспертов высказались за то, чтобы в республике государственными были признаны три языка – башкирский, татарский и русский.

Из всех опрошенных экспертов за предоставление статуса государственного языка только башкирскому положительно высказались лишь 3,0% представителей башкир. Башкирско-русский вариант также не нашел поддержки среди экспертов русской и татарской национальности, среди них доля высказавшихся положительно оказалась совсем незначительной. Данный вариант, как и предполагалось, больше устроил представителей экспертов-башкир. Всего же отметивших за предоставление государственного статуса башкирскому и русскому языкам оказалось даже меньше одной трети экспертов (25,5%). За придание статуса государственного башкирскому, русскому и татарскому языкам высказались 64,1% опрошенных экспертов. Неудивительно,

что более одной трети экспертов башкир, что совпадает с мнением всего башкирского населения (табл.13), допускают возможность предоставления такого статуса трем языкам. Такое лояльное отношение башкир к татарам и татарскому языку, а также татар в отношении башкир и башкирского языка свидетельствует о вполне их дружественности и толерантности друг к другу, об их многовековом этнокультурном взаимодействии. Попытки некоторых национальных лидеров посеять недоверие между ними не находят поддержки среди этих двух родственных народов. Вполне понятно и примечательно, что абсолютное большинство экспертов-татар выступили за предоставление такого статуса трем языкам, их поддержало более 59% экспертов русской национальности.

Идея придания статуса государственного языка лишь одному башкирскому не поддерживается даже самими башкирами, не говоря о русских и татарах, которые полностью отвергают такую перспективу (табл.12).

Таблица 12

Мнения о статусе государственных языков в Республике Башкортостан, в %¹

Вариант ответа	Русские	Татары	Башкиры
Только башкирский	–	–	3,0
Башкирский и русский	11,1	5,1	55,1
Башкирский, русский, татарский	59,3	94,9	38,2
Только русский	22,2	–	3,0
Затрудняюсь ответить	7,4	–	–

Таким образом, за придание статуса государственных башкирскому, татарскому и русскому языкам высказались больше половины русских, абсолютное большинство татар и немногим более одной трети башкир, что, наверное, более реально отражает этноязыковую ситуацию, которая складывалась веками на данной территории. Видимо, в целях сохранения стабильной этнополитической обстановки в Республике Башкортостан нужно говорить о необходимости придания этим трем языкам государственного статуса.

Об этом свидетельствуют и результаты отмеченного этносоциологического исследования в апреле 1993 г. в семи городах республики. На вопрос "Одобряете ли Вы требование Татарского общественного центра придать статус государственного языка Башкортостана наряду с

¹ Таблица составлена по данным опроса этнополитической элиты.

башкирским татарскому и русскому языкам?" абсолютное большинство городских татар, более половины русских и немногим более двух пятых городских башкир выразили свое полное одобрение. Доля респондентов, которые отрицательно отнеслись к введению указанных трех языков государственными, очень незначительна. Среди городских башкир лишь каждый четвертый, а среди русских лишь каждый пятый респондент выступает против статуса трех языков, а среди респондентов татарской национальности лишь восемь человек из ста разделяют такое мнение (табл.13). Определенную часть опрошиваемых такая постановка вопроса поставила в весьма затруднительное положение. Таким образом, утверждения активистов и теоретиков башкирского национального движения о том, что башкирский народ выступает против введения татарского языка в качестве государственного, не имеют под собой реальной основы.

Таблица 13

Мнения о статусе государственных языков в РБ, в %¹

Национальность	Одобряют	Не одобряют	Безразлично	Затр.отв.
Башкиры	43,9	24,5	12,6	19,0
Татары	67,6	9,2	7,8	15,4
Русские	55,0	19,9	11,7	13,4

Данные этносоциологического опроса 1995 г. по проскту "Межнациональная толерантность и внутринациональная солидарность" (опрошено 2100 чел), репрезентативные для всего населения республики, подтверждая эти же результаты в разрезе всех национальностей, показали, что почти каждый второй из пяти опрошенных башкир потребовали теперь уже без каких бы то ни было условий, чтобы башкирский язык рассматривался в качестве единственного государственного языка в республике, а 13,1% согласились с ними с определенными оговорками. Более одной трети из них выступили против придания односторонних преимуществ лишь единственному башкирскому языку. С ним солидарны 82,4% татар, 90,7% русских и 92,4% опрошенных респондентов других национальностей. Такую тенденцию изменения башкирской частью населения по вопросу статуса государственного языка можно объяснить, прежде всего, частым обсуждением на страницах периодической печати данного вопроса и односторонней трактовкой башкирскими авторами необходимости придания башкирскому языку в

¹ Таблица составлена по данным этносоциологического опроса.

целях "государственной защиты" подобного статуса. Взгляды же представителей других национальностей имели тенденцию роста отрицания такого утверждения. Таким образом, несмотря на имеющуюся межнациональную языковую толерантность, в республике все же сохраняется некоторое противостояние в подходах по определению статуса государственных языков. И, видимо, в соответствии с имеющей место тенденцией административного введения и расширения применения башкирского языка такое противостояние лишь усилится.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алпатов В.М.* Об эффективности языкового законодательства // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках: Материалы Всероссийской научной конференции. М., 1994.
2. *Известия.* 1994. 15 июня.
3. *Ирнарзов Р.* Суверенитет Башкортостана и государственный язык // Известия Башкортостана. 1992. 10 дек.
4. *Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г.* Уфа, 1990.
5. *Никольский Л.Б.* Язык в политике и идеологии стран зарубежно-Востока. М., 1986.
6. *Празаускас А.А.* Движение за создание штата Мегхалая // Индия – союз штатов. Проблемы политического и социально-экономического развития. М., 1981.
7. *Сафин Ф.Г.* Языковой аспект суверенизации в Башкортостане // Отечественная история. 1994. №4-5.

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ АССИМИЛЯЦИЯ В ГОРОДАХ БАШКОРТОСТАНА

В последние годы, в связи с разрушением различного рода запретов и табу в отечественной этнологии, на основе многократного расширения зон исследования, закрытых ранее для критики, появились работы, посвященные изучению реальных этносоциальных явлений, которым ранее не придавали значения. Одним из подобных этносоциальных процессов является, на наш взгляд, достаточно выраженная языковая ассимиляция нерусского населения в национальных регионах России. Воздерживаясь от оценки данного явления как положительно-го или отрицательного на основе, с одной стороны, "спокойного научного" отнесения его к этноэволюционным процессам, с другой – на основе эмоций по поводу утери одного из главных признаков этноса, рассмотрим степень, формы и направления русскоязычной ассимиляции башкир и татар в городах Башкортостана.

Собственно этническая ассимиляция определяется в этнологической науке как "вид этнических процессов, при котором этносы или отделившиеся от них небольшие группы, оказавшиеся в среде другого народа, воспринимают его язык и культуру и постепенно, обычно в последующих поколениях, сливаются с ним, причисляют себя к этому народу" [4, с.9]. Вместе с тем языковая ассимиляция, т.е. полный переход на другой язык, относится некоторыми специалистами к этноязыковым процессам эволюционного характера [3, с.159–160]. Наконец, языковая ассимиляция является важным этапом этнической ассимиляции вообще, начинается вслед за культурно-бытовой ассимиляцией и вместе с потерей этнического самосознания завершает этот процесс [7, с.9–10].

Национальный язык, как известно, является не только орудием и средством накопления и передачи новым поколениям культуры, сформировавшейся в определенных этноареальных условиях, он выполняет также этнообъединительную функцию, являясь обязательной, имманентной частью этнической культуры.

Согласно концепции лингвистической относительности Сепира-Уорфа, мир воспринимается и познается сквозь призму лексико-грамматических особенностей национального языка [9, с.135–168], и поэтому даже частичная утеря каким-либо этнофором (в том числе

городским), в целом – этносом языка приводит к размыванию этнокультурной идентичности.

Исходя из всего вышесказанного мы определяем этноязыковую ассимиляцию как решающий этап этнической ассимиляции, процесс утери тем или иным этносом, в условиях иноязычной среды, родного языка в качестве средства общения, в том числе в сфере внутриаэтнической коммуникации, и наконец, замена родного языка каким-то другим языком, признание последнего родным.

Основные этапы этноязыковой ассимиляции представляются нам следующими: во-первых, это период этноязыковой жизни, когда употребление родной речи сужается до уровня семейно-родственного общения, сохраняясь в лучшем случае для соседского общения с соплеменниками. Этот этап, как показывают наши исследования, переживают обычно этнические мигранты в город в первом поколении. Во-вторых, характерной особенностью следующего периода этноязыковой ассимиляции является широкое применение представителями нерусских народов в общении с соплеменниками как значительного количества лексических элементов русского языка, так и смешанных форм языковой коммуникации. Например, родители обращаются к детям на родном языке, последние отвечают на русском, и наоборот. Подобная форма внутрисемейного языкового взаимодействия достаточно широко распространена среди городских башкир и татар.

В ходе третьего этапа этноязыковой ассимиляции происходит полная замена родного языка русским во всех сферах словоупотребления, в том числе в общении с соплеменниками и в семье. Однако признание русского языка в качестве родного на этом этапе еще не происходит, языковая самоидентификация согласуется с этнической. Наконец, на последнем этапе языковой ассимиляции осуществляется замена родного языка русским, признание этого факта самим носителем сохраняющегося пока этнического самосознания.

Настоящая статья написана на эмпирической базе нескольких групп источников. Во-первых, анализировались как опубликованные, так и заархивированные данные государственной статистики, а также текущая статистическая информация о этноязыковых процессах. Во-вторых, автор провел повторный синхронный анализ результатов, полученных в ходе нескольких крупномасштабных социологических исследований национальных отношений за последние годы (в 1986 г. под руководством проф. В.В.Пименова, в 1989–1993 гг. под руководством проф. Д.М.Гилязитдинова и т.д.). В-третьих, в основном автор

опирался на результаты проведенного в 1993 г. при его непосредственном участии этносоциологического опроса городского населения под руководством проф. Р.Г.Кузеева и М.Н.Губогло.

Диахронный анализ развития русскоязычности (признания русского языка в качестве родного) нерусских народов Башкортостана как в целом по республике, так и среди городского населения показывает, что динамика рассматриваемого этноязыкового явления почти адекватно отражает степень вовлечения тюркских этносов в урбанизационный процесс. Наибольший всплеск смены родного языка русским среди башкир и татар наблюдается в начале 50-х годов, когда начинается первая волна "великого переселения" нерусских народов (особенно татар) из деревни в город. То, что языковая ассимиляция башкир и татар происходит в основном в условиях города, подтверждается сопоставлением развития русскоязычности в целом по этносу и его городской составляющей: у башкир до самого конца 70-х годов, т.е. до начала интенсивного включения в урбанизационный процесс, смена родного языка на русский оставалась незначительной (2,7%), хотя в городах к этому времени уже достигала 8,2% от числа городских представителей этноса; у татар русскоязычная ассимиляция, по результатам переписей, к концу 70-х превысила 7%. При этом в городах еще к концу 80-х годов свыше 10% татар назвали своим единственным родным языком русский.

Более широкой языковой ассимиляции подверглись другие нерусские народы Башкортостана: в 1989 г. родным языком в городах республики назвали русский 61,7% украинцев, 73,0% белорусов, 88,0% евреев. Однако если русскоязычность русских и украинцев вполне объяснима (во-первых, они традиционно составляют в Башкирии в основном городское население и поэтому длительное время испытывают урбано-русскоязычное влияние; во-вторых, входят в общую с русской речью славянскую языковую группу), то большие, чем у башкир и татар, масштабы признания родным языком русского среди горожан-марийцев (19,4%), чувашей (28,5%) и удмуртов (21,5%) [6, с.23] вызваны, скорее всего, этнотерриториальной оторванностью от "своих" национальных республик и чрезвычайно дисперсным расселением в городах Башкортостана. Последнее обстоятельство не позволяет сформировать сколько-нибудь устойчивые ареалы национально-

языкового общения и приводит в конце концов к замене родного языка русским¹.

Исследование возрастных характеристик процесса замены родного языка на русский у башкир и татар в городах Башкортостана по своим результатам согласуется с динамикой вовлечения этих этносов в "городскую цивилизацию" и количественным значением, ролью различных по "городскому происхождению" поколений нынешних горожан. Поэтому среди молодежи до 20 лет доля башкир и татар, считающих своим родным языком русский, составляет соответственно 7,86 и 12,6%. Поколение от 20 до 40 лет также в значительной степени (особенно у татар) родилось в городе, где и проходило этническую и языковую социализацию. В соответствии с этим у довольно большого процента горожан (3,89% – у башкир и 6,94% – у татар) основных тюркских народов среднего поколения также произошла замена родного языка на русский. Существенная разница по сравнению с более молодыми поколениями наблюдается по масштабам изменения родного языка у 40-60-летних башкир и татар. Эта часть городского населения, являясь горожанами "в первом поколении", почти полностью переехала в свое время в город из родной деревни, поэтому среди лиц, признающих родным языком русский, составляет всего 1,39 и 3,45% соответственно. Наконец, у нерусских горожан самого старшего поколения (60 лет и старше) процесс замены родного языка русским статистически почти отсутствует, и распространен он скорее всего среди тех немногих башкир и татар, которые проживали в городах еще до начала индустриальных преобразований 30-х годов и Великой Отечественной войны (табл.1).

Распространение такого явления, как замена родного языка на русский среди городской национальной молодежи, рассчитанное статистически, подтверждается и результатами социологических исследований. Например, в ходе проведенного весной 1991 г. под руководством автора опроса учащейся и трудовой молодежи одного из районов г.Уфы (выборка 861 человек: 401 – рабочих и 460 – школьников и учащихся ПТУ в возрасте от 14 до 30 лет) около 20% респондентов

¹ Справедливости ради необходимо отметить, что, например, по результатам исследований В.В.Пименова, даже в республике, где они представляют собой титульный этнос, в городах доля удмуртов, признающих родным языком русский, превышает 20%, а разговаривающих на своем языке на производстве и в семье составляет 5,3% и 15% соответственно. См.: *Пименов В.В.* Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977. С.180, 191, 198.

башкирской и татарской национальности определили в качестве своего родного языка русский, а 33 и 36% соответственно ответили, что не знают или плохо знают родную речь.

Таблица 1

Степень признания русского языка родным у башкир и татар различных возрастов по переписи 1989 года, в %¹

Национальность		Признают родным языком русский			
		15-20 лет	20-39 лет	40-59 лет	60 лет и старше
Башкиры	всего	7,86	3,83	1,44	0,48
	город	7,26	3,89	1,39	0,42
Татары	всего	12,0	5,78	2,04	0,65
	город	12,6	6,94	3,45	1,22

В последние годы, в связи с резким возрастанием интереса к этноязыковым проблемам отечественного общества, в этнологической литературе и особенно публицистике возобновилась дискуссия о том, что необходимо понимать под столь устойчиво употребляемой в науке и повседневной жизни категорией "родной язык". При разработке программ переписей и их осуществлении (т.е. статистически), как известно, "родной язык" нередко трактовался как "материнский язык" [3, с.154-155]. Тем самым подчеркивалось значение матери (или заменяющей ее женщины), которая в процессе повседневного ухода за ребенком, как правило, учит его первым словам и фразам. Некоторые авторы выступили за признание родным языка, на котором человек думает. Исходя из этого очень показательны, например, в смысле языковой ассимиляции, как показал этносоциологический опрос городского населения 1993 г., 20,9% башкир и 17,2% татар отметили, что думают на русском языке. Это очень высокий показатель проникновения русской речи во внутренний мир человека (табл.2).

Наконец, наиболее конструктивно-приемлемым представляется нам подход, относящий к родному языку, на котором тот или иной человек научился говорить. Тем более, что он в целом согласуется со статистическим критерием, "материнским" языком, так как языковая социализация ребенка в семье осуществляется в основном матерью.

¹ Рассчитано нами по: *Распределение населения отдельных национальностей по возрасту, родному языку и второму языку народов СССР по Башкирской АССР. М., 1990 (Для служебного пользования).*

Степень владения языками у городских жителей основных народов Башкортостана, в % (по данным этносоциологического опроса 1993 г.)*

Степень владения	Башкиры			Татары			Русские		
	баш.	тат.	русс.	баш.	тат.	русс.	баш.	тат.	русс.
Думаю	22,6	4,4	20,9	1,9	14,9	17,2	0,1	0,1	37,6
Свободно говорю	49,2	27,2	66,1	16,2	61,6	71,4	0,5	1,6	62,3
Говорю с затруднениями	15,9	25,3	10,3	22,6	15,1	9,4	3,3	2,3	-
Говорю с большим трудом	6,9	12,6	2,2	15,8	5,8	1,7	5,7	5,0	-
Совсем не говорю	5,4	32,6	0,5	43,5	2,6	0,4	90,4	90,9	-

* Ответ на вопрос: "Насколько свободно Вы владеете русским (башкирским, татарским) языком?"

Очень интересные результаты получены в указанном смысле в ходе этносоциологического обследования городов Башкортостана в 1993 г. (табл.3).

Таблица 3

Мнение горожан Башкортостана о языке, на котором научились говорить, в % (по результатам этносоциологического опроса 1993 г.)*

Национальность	Язык							
	башк.	татар.	русск.	башк. и русск.	смеш. башк и русск.	татар. и русск.	Смеш. Татар. и русск.	башк. и тат
Башкиры	62,3	9,3	11,4	6,6	5,3	0,6	1,1	3,1
Татары	1,8	68,2	16,7	0,3	0,4	6,3	4,9	1,4
Русские	0,2	0,4	98,3	-	-	0,4	0,2	-

* Ответ на вопрос: "На каком языке (или языках) Вы сначала научились говорить?"

Как показывает анализ таблицы, если принять во внимание, что к числу башкир и татар, научившихся говорить на русском языке, в значительной степени относятся и те представители, первые слова которых были произнесены на двух и смешанных (башкирско-русском и татарско-русском) языках (да и без учета этого обстоятельства!), реальные масштабы распространения русского родного языка среди тюркских народов в городах Башкортостана на порядок шире, чем это фиксируется в официальной статистической отчетности.

Вряд ли можно отнести к ошибкам репрезентативности выборки и то, что, по данным этносоциологического опроса 1993 г., доля лиц нерусской национальности, признающих родным язык своего народа, а следовательно, других этносов, по степени этноязыковой идентифика-

ции превосходит не только результаты признания респондентами языка, на котором научился говорить, но и итоги переписи 1989 г. о соотношении родного и других языков. Например, если по переписи 73,3% городских башкир назвали родным языком башкирский, 17,1% – татарский и 9,6% – русский, то опрос 1993 г. зафиксировал этноязыковую идентификацию в соответствующих направлениях на уровне 85,2; 8,8 и 5,8%. Схожие результаты получены по татарскому городскому населению, но с гораздо меньшей разницей: татарский язык – 89,4 и 91,0%; русский – 10,3 и 7,3%. "Взбунтовавшаяся этничность", таким образом, развиваясь в последние годы на основе суверенизации республик России и других этнополитических процессов, требует и добивается, при огромной русскоязычной ассимиляции, декларирования титульным этносом в городах Башкортостана не только своей национальной принадлежности, но и провозглашения значительно большей, чем это существует на самом деле, этноязыковой идентификации со своим народом.

В условиях динамичного роста национального самосознания, происходящего на основе возрождения этнических ценностей, появления различных этнообщественных движений и постоянных изменений в национально-государственном устройстве страны, важной проблемой этносоциального и этнополитического развития в многонациональной среде городов становятся формы и степень развития толерантности нерусских народов к тем их представителям, которые потеряли родной язык, заменив его русским. Здесь происходит взаимодействие двух тенденций этнического развития. С одной стороны, казалось бы, при признании приоритета прав и интересов личности над другими (групповыми, классовыми, национальными, этническими и т.д.) желание человека в выборе родного языка является его индивидуальным делом, и с этой точки зрения "абсолютной, безудержной" демократии не должно быть осуждаемо со стороны общественности. С другой стороны, нельзя не признать справедливыми озабоченность и тревогу представителей нерусских народов, значительная часть которых в возрастающих масштабах теряет родную культуру, традиции и самое главное – один из основных их носителей – национальный язык. Угроза столь зримо проявляющейся в городах языковой, а затем – в целом этнической ассимиляции, нависшая, по мнению некоторых башкир и татар, над их народами, вполне закономерно вызывает осуждение тех соплеменников, которые уже называют родным языком русский, хотя терпимость к такого рода этноязыковым маргиналам остается доста-

точно высокой: категорически не осуждают русскоязычных соотечественников 57% опрошенных татар и 53,4% башкир; еще 11,9 и 14,3% респондентов соответственно затруднились ответить (табл.4).

Таблица 4

Мнение о людях нерусской национальности, считающих своим родным языком русский, в % (по результатам этносоциологического опроса 1993 г.)*

Национальность	Они могут сменить свой язык	Безразлично	Они не должны этого делать, чтобы не ущемлять интересы своей нации	Затруднились дать ответ
Башкиры	12,9	40,5	32,3	14,3
Татары	11,4	45,6	31,1	11,9
Русские	18,7	55,7	12,2	13,5

* Ответ на вопрос: "Что Вы думаете о людях нерусской национальности, которые считают русский своим родным языком?"

Только треть башкир и татар однозначно выступили, по результатам опроса, с осуждением соплеменников, сменивших свой родной язык на русский. Среди русского городского населения Башкирии лиц, осуждающих языковую манкуртизацию тюркских народов, оказалось почти в три раза меньше – 12,2%, более всех безразличных – 55,7%. Почти пятая часть опрошенных русских высказалась за возможность замены башкирами и татарами родного языка на русский, тем самым зафиксировав не только высокую долю сторонников самостоятельного решения вопроса о родном языке, но и, скорее, продемонстрировав потенциал ассимиляторского в языковом значении отношения к нерусским народам.

В этнологической литературе уже высказывалась критика социологических опросов по поводу неполного представления о языковой компетенции респондентов, когда последняя "...толкуется нередко как "знание языка", "умение общаться", оставляя в стороне навыки чтения, письма, знание литературного языка и т.д." [5, с.125]. Однако существенными для исследования современных этноязыковых процессов, в том числе языковой ассимиляции, не только с точки зрения историко-этнологического подхода, но и с позиций системного анализа, являются особенности речевого поведения на повседневно-бытовом уровне в сопоставлении с умением и желанием пользоваться письмом, чтением, с предпочтением просмотра программ телевидения на тех или иных языках.

Одним из показательных индикаторов степени развития языковой ассимиляции выступают результаты исследования языка личной переписки, в которой обычно родной язык сохраняет свои традиции. Между тем в ходе опроса 1993 г. 51,0% респондентов башкирской национальности и 54,3% татар ответили, что написали свое последнее личное письмо на русском языке, еще 5,1 и 3,6% – соответственно на смешанных (башкирско-русском и татарско-русском) языках. Только 25,2% башкир и 26,6% татар, по результатам исследования 1993 г., зафиксировали, что ведут переписку на родном языке, при том, что 11,3 и 13,2% – вообще не ведут переписки. Несмотря на то, что показатели русскоязычности личной переписки, согласно исследованию 1993 г., оказались у городских представителей нерусских народов Башкортостана достаточно высокими, они значительно уступают результатам, полученным в ходе опроса городского населения в 1986 г.: тогда при ответе на вопрос о том, на каком языке Вы пишете письма, 72,2% башкир и 80,7% татар в городах определили, что предпочитают писать письма на русском языке [10, с.79]. Столь разительные перемены в этническом аспекте эпистолярного поведения горожан вряд ли могли быть вызваны за такой короткий срок (семь лет) повышением языковой компетенции респондентов, а скорее, определяются различием в смысловой нагрузке заданных вопросов, один из которых является более "предпочтительно-общим", а другой – "реально-личностным".

Среди других сфер языкового поведения, которые в большей степени являются областями речевого потребления в городе, на современном этапе выступают чтение художественной литературы, газет и в возрастающих масштабах – просмотр программ телевизионного вещания, который несет как развлекательные, так и информационные функции. Картина основных особенностей этноязыкового потребления среди горожан Башкортостана, по результатам социологического исследования 1993 г., представлена нами в табл. 5.

Примечательно, что при потреблении печатной продукции в городах республики исключительно русским языком пользуется половина татар и очень высокий процент башкир (чтение газет – 33,9%, художественной литературы – 42,2%), между тем как предпочтение просмотру телевизионных передач только на русском языке отдают всего соответственно 18,7 и 13,2% представителей этих народов. Скорее всего, данное явление вызвано отсутствием грамотности на родном языке у большинства респондентов в городах башкир и татар, в связи с тем, что

они получили общеобразовательную школьную подготовку исключительно на русском языке.

Таблица 5

Основные языки чтения газет, художественной литературы и просмотра ТВ городскими жителями Башкортостана, в % (по данным этносоциологического опроса 1993 г.)*

Языки	Сфера языкового потребления								
	телевидение			пресса			художественная литература		
	башкиры	татары	русские	башкиры	татары	русские	башкиры	татары	русские
Только башкирский	1,5	0,4	-	3,9	0,1	-	4,0	0,1	-
Только татарский	0,1	0,6	-	0,5	1,9	-	0,2	2,8	-
Только русский	13,2	18,7	85,7	33,9	48,5	96,1	42,2	52,8	94,8
Башкирский и русский	51,4	18,1	9,1	39,7	4,7	0,5	30,2	2,3	0,6
Татарский и русский	1,0	15,4	1,6	4,3	24,1	0,5	2,0	17,2	-
Башкирский и татарский	0,4	0,9	-	1,0	0,6	-	0,2	0,6	0,1
Три языка (баш., тат., рус.)	31,8	44,9	3,2	14,3	15,9	0,1	14,4	15,3	-
Не читаю газет и книг, не смотрю ТВ	0,6	0,9	0,4	2,4	4,0	2,8	6,6	8,9	4,4

* Ответы на вопросы: "На каком языке Вы читаете газеты (художественную литературу), смотрите ТВ?"

Вместе с тем приобретенные в семье определенные языковые навыки своего народа стимулируют у них интерес к передачам на родном языке на телевидении: 44,9% татар и 31,8% башкир ответили, что смотрят передачи на трех языках (у русских - только 3,2%); 51,4% башкир - на башкирском и русском языках и 15,4% татар - на татарском и русском.

При изучении всех трех представленных нами в таблице сфер речевого потребления не требуется пристального внимания, чтобы заметить у татар значительно большую степень русскоязычной ассимиляции, чем у башкир. Результаты этносоциологического опроса 1993 г. подтверждаются и данными соответствующих ответов, полученными при исследовании городского населения Башкортостана в 1986 г. В последнем случае разница между башкирами и татарами еще большая, чем по итогам более современного обследования. Объяснение отмеченной тенденции этноязыкового процесса в городах республики может быть только одно: татары, почти на двадцать лет раньше вступившие в этап интенсивного урбанизационного процесса, а поэтому в больших масштабах подвергшиеся городскому "русскоязычному"

влиянию, сильнее, чем башкиры, испытали фактор языковой ассимиляции.

Важным показателем глубины и динамики ассимиляционных этноязыковых процессов являются межпоколенные различия речевого поведения представителей того или иного народа. Во многом в зависимости от того, каким был разговорный язык старших поколений, каким языком пользуются в общении с последними сейчас, а также общаются со своими сверстниками и подрастающим поколением, определяется направление и интенсивность проникновения в родную речь других языков. Массовый опрос городских жителей в 1993 г., например, показал, что разговорным языком матерей нынешнего поколения башкирского населения был у 76,5% башкирский; у 19,3% – татарский и у 2,7% – русский языки. Среди татар ответы на соответствующий вопрос распределились следующим образом: 7,6% – башкирский, 85,8% – татарский; 5,0% – русский языки. Таким образом, субъективная оценка респондентами речевого поведения своих родителей (как матери, так и отца) в прошлом почти полностью адекватно отражает картину этноязыкового состояния общества во второй половине 50-х – первой половине 60-х годов, рассчитанную статистически. С точки зрения количественных характеристик статистико-социологического анализа, полученный факт достаточно симптоматичен, несмотря на то, что опрос 1993 г. осуществлялся согласно выборке во всех ныне существующих возрастных группах пропорционально. При этом в ответе на вопрос о том, каким был первый разговорный язык Вашего супруга (супруги), получены результаты, мало чем отличающиеся от того уровня этноязыковой компетенции, при помощи которого респондент общался с ним (супругом, супругой) на момент осуществления опроса.

Синхронный анализ этнической составляющей языка общения с ближайшими родственниками у опрошенных в ходе этносоциологического исследования городских жителей достаточно красноречиво может быть представлен в табличной форме (табл.6).

Данная таблица показывает, что как среди респондентов башкирской, так и татарской национальности происходит постоянное, а на межпоколенном переломе – достаточно резкое уменьшение употребления национального родного языка в сфере семейно-родственных отношений, постепенное "выдавливание" его русской речью. Например, если городской татарин разговаривает на татарском языке со своей бабушкой в 65,0% случаев, то с матерью – уже в 51,9%, а с супругом

(или супругой) – только в 27,6%, т.е. коэффициент употребления родного языка при переходе от старших поколений к нынешнему даже в узконациональном семейном кругу сокращается почти в два раза. Схожие результаты получаются и при анализе городских башкир (см. табл.6).

Таблица 6

Основные языки общения с ближайшими родственниками городских башкир и татар Башкортостана, в % (по данным этносоциологического опроса 1993 г.)*

Языки	С бабушкой по матери		С матерью		С супругой (супругом)		Со старшим ребенком в дошкольн. возрасте		Со старшим ребенком в настоящ. время	
	башкиры	татары	башкиры	татары	башкиры	татары	башкиры	татары	башкиры	татары
Башкирский	57,4	2,4	50,1	1,4	24,2	0,8	19,5	0,9	13,2	0,3
Смешанный башк.-русск.	8,2	1,4	21,8	2,2	20,3	1,4	21,1	1,2	26,8	2,1
Татарский	9,7	65,0	5,6	51,9	4,0	27,6	2,7	17,1	2,4	10,9
Смешанный тат.-русск.	2,0	9,9	5,9	27,7	5,1	24,4	3,4	28,5	3,3	32,3
Смешанный башк.-тат.	5,5	2,4	6,4	3,2	6,4	2,7	2,4	1,3	1,3	0,9
Русский	3,9	6,5	9,4	12,3	15,4	21,1	20,1	24,1	20,6	25,5
Затрудняюсь ответить	13,2	12,1	0,6	1,3	9,3	11,3	12,1	15,7	12,7	15,4

* Ответы на вопросы: "На каком (каких) языке(ах) Вы обычно разговариваете (или разговаривали в прошлом, если они умерли) с Вашей бабушкой (по матери), с матерью, с супругой (супругом), со старшим ребенком в дошкольном возрасте, со старшим ребенком в настоящее время?"

При этом наиболее резкий (двукратный) скачок сокращения употребления родного языка в семье происходит именно между нынешним поколением горожан (видимо, родившиеся и социализировавшиеся в городе) и его предшественниками, являющимися, согласно статистическим расчетам урбанизации нерусских народов, в прошлом в основном сельскими жителями.

Значительно уменьшается применение родного языка также в общении нынешнего взрослого и подрастающего поколений (у башкир – с 24,2 до 13,2%, у татар – с 27,6 до 10,9%). Причем у татар гипербола сокращения употребления родной речи в семье несколько резче, чем у башкир, что определяется, по-видимому, опять же большей их вовлеченностью в урбанизационные процессы, а следовательно – более

сильным урбанорусскоязычным влиянием. Соответственно уменьшению значения родной речи в семье растет роль русского языка и смешанных лингвистических форм: с детьми респонденты общаются только на русском языке уже у башкир в 20,6% случаев, а у татар – 25,5% опрошенных.

Взаимный рост значения русского языка и уменьшение роли родного происходит даже в рамках общения с одним поколением детей на разных его хронобиографических этапах. Например, употребление русского языка в разговоре со старшим ребенком при переходе его из дошкольного возраста в более старший (см. табл.6). Вероятнее всего, этот процесс связан с тем, что если до начала школьного образования определенные навыки употребления родной речи в семье, приобретенные здесь же, еще сохраняются, то с поступлением ребенка в школу, резко увеличивающую сферы русскоязычного общения, а самое главное – языкового образования, происходит и обратная интерференция школьного русского языка на семью.

Анализ основных направлений распространения русского языка в разнообразных сферах жизнедеятельности и среди различных возрастов нерусского населения городов Башкортостана позволяет нам, таким образом, сформулировать вывод о формировании и устойчивом функционировании явления этноязыковой ассимиляции башкир и татар в русскоязычной среде. Принимая во внимание все многообразие, системность и разноуровневое воздействие факторов развития современных этноязыковых процессов¹, в том числе этноязыковой ассимиляции, попытаемся вычлнить основные "плацдармы", через которые происходит не только проникновение русского языка в этноречевой мир башкир и татар, но и в большей степени, особенно у поколения, родившегося и выросшего в городе, вытеснение родного языка из всех сфер жизнедеятельности, замена последнего русской речью.

Первое. Главным фактором замены родного языка русским у городских представителей тюркских народов Башкортостана выступает то обстоятельство, что молодое поколение нерусских горожан, сформировавшееся в условиях иноязычной городской среды и исключительно русскоязычного школьного образования, в значительной мере утрачивает даже те небольшие навыки общения на родном языке, ко-

¹ Одну из наиболее структурно адекватных схем системы факторов развития этноязыковых процессов предложил в свое время М.Н.Губогло. См.: *Губогло М.Н. Современные этноязыковые процессы в СССР*. М., 1984. С.76.

торые появляются на ранних стадиях у детей в родственно-бытовой сфере. Национальная семья в этноязыковом смысле не выдерживает конкуренции с мощным давлением на подрастающее поколение языка улицы (очень важного для детей) и языка, на котором последнее получает образование. Тем более, что на семейно-бытовом уровне навыки родного языка могут формироваться только на примитивном, разговорном уровне.

Второе. Следующим по значимости фактором русскоязычной ассимиляции башкир и татар в городах является распространение смешанных (башкирско-русских и татарско-русских) браков. Масштабы распространения этого явления в городах Башкирии достаточно велики. Например, по данным Всероссийской микропереписи населения 1994 г., в целом по республике каждая пятая семья сформирована из представителей различных национальностей, по городским семьям этот показатель еще выше – 23,5% (село – 15,2%). При этом 73,2% межнациональных браков заключается в Башкортостане в городах. По расчетам уфимского социолога Б.И.Говако, среди студенческих семей республики национально-смешанные браки составляли в середине 80-х годов в среднем 30,8% [2, с. 15].

В условиях, когда только семья долгие годы остается главным и почти единственным местом общения нерусских народов на родном языке, увеличение смешанных в этническом плане семей привело к значительному сокращению употребления родного языка и в бытовой сфере. Анализ, осуществленный, например, казанским этносоциологом Я.З.Гариповым на материалах городов Татарии, показал, что между количеством людей, считающих родным язык другой национальности, и долей национально-смешанных семей существует жесткая корреляционная связь [1, с. 12]. Замечено также, что при выборе языка общения в национально-русских смешанных семьях даже взрослые, сформировавшиеся в этноязыковом смысле представители нерусских национальностей, предпочитают обращаться к родственникам не на родном, а на русском языке. Так, по данным исследования Н.М.Тутаева, в русско-татарских семьях г.Казани при ответе на вопрос о степени вероятности в случае смешанного состава родственников (русских и татар) выборы языком татарского, 20% респондентов подчеркнули: такая ситуация невероятна, 70% – маловероятна и только – 10% – вполне возможна [8, с. 120].

Третье. Определенное значение для вытеснения из употребления родного языка в городах Башкирии имеет речевое поведение нерус-

ских горожан в производственной сфере, где безраздельно господствует русская речь. Даже у этнических мигрантов из села в город постоянное русскоязычное взаимодействие на работе, формирующееся в устойчививые этноязыковые навыки, проецируется затем постепенно на формы этноречевого общения в семье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гарипов Я.З.* Тенденции национально-языкового развития // Социологические исследования. 1989. №3.
2. *Говако Б.И.* Студенческая семья. М., 1988.
3. *Козлов В.И.* Воспроизводство этносов и этнические процессы: основные проблемы // Российский этнограф. 1993. №1.
4. *Краткий этнологический словарь.* М., 1994.
5. *Кузеев Р.Г.* Историко-этнологический взгляд на современную этнолингвистическую ситуацию в Республике Башкортостан // Язык и национализм в постсоветских республиках. М., 1994.
6. *Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 года.* Уфа, 1990.
7. *Социология: Словарь-справочник.* Т.3: Междисциплинарные исследования. М., 1991.
8. *Тутаев Н.М.* Этнокультурная преемственность в процессе внепроизводственной деятельности горожан (На материалах сравнительного изучения русских и татар в Казани): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.
9. *Уорф Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1.
10. *Юлдашбаев Ю.Х.* Проблемы двуязычия в городе // Вопросы этнографии городского населения. Уфа, 1992.

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ УКРАИНЦЕВ БАШКОРТОСТАНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И ОПЫТ ИХ РЕШЕНИЯ

Задача возрождения этнокультурных традиций и ценностей особенно актуальна для оторванных от материнского этноса этнических групп, в т.ч. и для украинцев Башкортостана.

Малая этническая группа украинцев Башкортостана формировалась на протяжении длительного периода, который следует разделить на три этапа. Заселение украинцами земель края началось в эпоху феодализма. Первый этап характеризуется тем, что переселение было организовано и контролировалось царским правительством. Второй этап был связан с проведением реформ буржуазного характера во второй половине XIX в. По своему характеру это переселение было вольным и более интенсивным, особенно в годы Столыпинской аграрной реформы.

В годы советской власти характер переселения определялся промышленным развитием восточных регионов страны. Если на первых двух этапах украинское население Башкирии формировалось как сельское, то за советский период наметился отток украинцев в города, и к настоящему времени украинцы являются одним из самых урбанизированных народов республики.

На разных этапах истории украинцев в Башкирии в их среде протекали разнонаправленные этнические процессы, которые обуславливались социально-экономическими, социально-политическими и культурно-идеологическими причинами. Так, в конце XIX – первой четверти XX в. существенное значение приобретают процессы консолидации. Они проявлялись в нивелировке культурно-языковых различий внутри украинской этнической общности, в тенденции к слиянию украинцев в относительно сплоченную этническую группу. Однако консолидационные процессы среди украинцев не имели перспектив, так как этому препятствовали дисперсное расселение на огромной территории республики, слабость связей между различными группами, ослабевшие связи с прародиной и крепнущие связи с местным населением. Как следствие этого нарастал процесс интеграции, сближения украинцев с русскими и другими народами Башкирии. Близость языков и культуры украинцев и русских стала мощным фактором, активизирующим их культурно-языковую интеграцию. С разрушением в ходе коллективи-

зации хозяйственно-культурной замкнутости, с распространением билингвизма облегчилось межнациональное общение, что привело к этнокультурной и этноязыковой адаптации украинцев в среде русских. Это, в свою очередь, привело к усилению ассимиляционных тенденций. Казалось бы, что ассимиляционные процессы должны были логически завершиться, однако глубокие демократические преобразования в нашей стране с середины 80-х годов привели к всплеску национального самосознания народов, в том числе и украинцев.

Критическое этнонациональное состояние украинцев в Башкирии было осознано интеллигенцией, прежде всего учеными республики украинского происхождения, причем задолго до перестроечных процессов. В 1974 г. началось планомерное изучение проблем украинского населения республики. Исследования показали необходимость этнокультурного возрождения украинцев республики, однако начать практическую деятельность в этом направлении стало возможным лишь с началом демократических реформ в стране, названных "перестройкой".

Хотя в украинцах подспудно жило стремление к национальному самовыражению, однако первое время инициатива объединения украинцев республики не находила поддержки в массах [8]. Здесь сказывалась и инерция страха и недоверия, и далеко зашедшие процессы ассимиляции, и неготовность общественного сознания к объединению. В 1989 г. была проведена подготовительная работа. 24 марта и 26 мая под эгидой Башкирского республиканского отделения Советского фонда культуры и республиканского общества "Знание" состоялись праздники украинской культуры, посвященные 175-летию со дня рождения Т.Г.Шевченко, которые впоследствии стали традиционными. Празднование юбилея Т.Г.Шевченко достигло своей цели и положило начало активизации интереса украинцев Башкортостана к национальной культуре и родному языку. Участники праздника высказывались за необходимость создания украинского культурно-просветительного общества [2]. Стремление 75-тысячной украинской диаспоры Башкортостана к национальной самоорганизации было реализовано 13 января 1990 г., когда состоялась учредительная конференция общества почитателей украинской культуры "Кобзарь" [7, с.26]. В конференции приняли участие около 80 представителей из городов Уфы, Стерлитамака и районов республики. Был утвержден устав, избрано правление, обозначена программа деятельности организации. Среди основных задач украинского общества были обозначены: 1) возрождение духовной культуры украинского населения Башкортостана; 2) возрождение и

изучение родного языка; 3) изучение и возрождение фольклора, обрядов и традиций; 4) содействие в создании самостоятельных и профессиональных творческих коллективов; 4) просветительская и редакционно-издательская деятельность и др. [7, с.26].

Не случаен был выбор названия общества – в честь Т.Г.Шевченко, который сделал очень много для становления украинской нации, ее языка, культуры, формирования национального самосознания.

Во исполнение своей программы общество "Кобзарь" провел цикл различных культурно-просветительских мероприятий, в которых принимали участие не только украинцы республики, гости из соседних регионов, но и делегации из Украины. Наиболее тесные контакты завязались с Государственным музеем Т.Г.Шевченко (г.Киев), научные сотрудники которого Ирина Мирошниченко, Наталья Петренко и Лилия Гончаренко неоднократно бывали в Башкирии, с певицей Надеждой Петренко, а также известным на Украине кобзарем Владимиром Горбатюком, народным артистом Украины, лауреатом Государственной премии им. Т.Г.Шевченко Павлом Громошенко и др. [7, с.27]. Так, 17 марта 1990 г. состоялись торжества, посвященные 150-летию выхода в свет "Кобзаря" Т.Г.Шевченко [2]. А в июне 1990 г. в селе Вторая Дмитриевка Чишминского района состоялся I Республиканский фестиваль украинской культуры, в котором приняли участие многие украинские фольклорные коллективы из сел и городов республики [11]. В рамках фестиваля члены общества "Кобзарь" и гости из Украины посетили с.Казанку Альшеевского района, а затем побывали в украинских селах Лургазинского и Стерлитамакского районов [7, с.28].

Среди многочисленных направлений деятельности "Кобзаря" важное место занимает возрождение народных праздников и традиций. Так, в январе 1991 г. многочисленная группа членов общества выехала на Рождественские праздники в с. Золотоношка Стерлитамакского района. А в дни пасхальных праздников в Государственном художественном музее им. М.В.Нестерова прошла выставка "Украинская писанка", созданная на основе коллекции Львовского музея этнографии [10].

Считая, что возрождение украинцев республики возможно лишь при сохранении в Башкортостане межнационального мира и добрых отношений украинцев с народами республики, "Кобзарь" начал проводить работу и в этом направлении. Так, с 16 ноября по 22 декабря 1991 г. в республике прошел месячник дружбы между народами Башкортостана и Украины, посвященный 50-летию последнего массового переселения украинцев в Башкортостан, которое было вызвано нача-

лом Великой Отечественной войны [7, с.30]. По программе месячника была организована научная конференция "Украина-Башкортостан: годы испытаний и сотрудничества", по результатам которой был подготовлен и опубликован одноименный сборник статей [17].

В январе 1992 г. состоялся I Конгресс украинцев, проживающих за пределами Украины в границах бывшего СССР [13]. В работе форума приняла участие и делегация Башкортостана в составе 10 человек. Атмосфера собрания такого уровня имела стимулирующую роль для деятельности общества "Кобзарь", поскольку члены делегации почувствовали реальный интерес своей прародины к их нуждам, которая к этому времени стала независимым государством.

Таким образом, создание и работа "Кобзаря" явилась своеобразной реакцией малой этнической группы на этнокультурные и социополитические процессы, которые привели не только к почти полной утрате этнической самобытности, но и потере этнической самоидентификации украинцев Башкортостана.

Созыв I-го съезда украинцев Башкортостана в марте 1992 г. подвел черту под первым периодом деятельности Общества, который можно охарактеризовать как " период раннего романтизма" [7, с.31]. На съезде был принят Устав организации, согласно которому "Кобзарь" получил статус Республиканского национально-культурного центра украинцев Башкортостана (далее РНКЦУБ). Так начался новый этап деятельности "Кобзаря" – этап "реального национально-культурного возрождения украинцев республики"[7, с.31]. Съезд украинцев Башкортостана был первым во всей восточной диаспоре, за которым последовали аналогичные форумы в других регионах России и СНГ. Съезд работал достаточно напряженно и продуктивно. В результате была принята Программа национально-культурного возрождения украинцев республики [14, с.163–168]. Программа состояла из 9 разделов: 1) Права человека в контексте национально-культурного возрождения; 2) Язык и народное образование; 3) Культура, народные традиции; 4) Средства массовой информации и коммуникации; 5) Религия; 6) Наука; 7) Работа с детьми и молодежью; 8) Работа с женщинами; 9) Законодательные инициативы. Таким образом, съезд выступил за те приоритеты, которые могли бы в будущем гарантировать реальные возможности в деле национально-культурного возрождения своего народа. В целом первый период деятельности "Кобзаря", I-ый съезд и итоги его работы показали, что украинское национальное движение является конструктивным

и способствует укреплению политической стабильности и международного мира в республике.

Реализуя программу I съезда, РНКЦУБ "Кобзарь" стал добиваться открытия в школах преподавания предметов украиноведческого цикла. Данная инициатива нашла поддержку в Министерстве образования РБ. Однако в республике не было соответствующих кадров. Вскоре кадровая проблема стала решаться. В украинское село Золотоношка Стерлитамакского района из Украины приехала преподавать выпускница Богуславского педагогического училища О.Гаврилова [5], а в с. Иваненково Благоварского района – выпускник Прикарпатского государственного университета им. В.Стефаника Я.Теренчин. Однако через некоторое время, не выдержав условий, он вернулся на родину [10], и его заменила выпускница Богуславского педагогического училища Т.Куделя [12]. С целью подготовки педагогических кадров "Кобзарь" командировал учителей украинского языка в вузы Украины. Переподготовку в г. Дрогобыче Львовской области прошли учительница Чишминской средней школы №5 Е.Лихман [5] и учителя Степановской средней школы Аургазинского района М.Юнак и А.Юнак [18]. По их возвращении в Санжаровской неполной школе и Степановской средней школе началось преподавание предметов украиноведческого цикла [9]. В г.Уфе удалось открыть воскресную украинскую школу, в которой месте с детьми занимается и взрослая группа. Для координации работы по становлению украинских школ Башкортостана было создано Башкирское республиканское отделение Всемирного Украинского союза профессиональных учителей [16]. С целью повышения уровня профессиональной подготовки учителей-украинистов по инициативе "Кобзаря" и при активном содействии Министерств образования Башкортостана и России в августе 1994 г. были проведены курсы повышения квалификации учителей на базе Санжаровской средней школы Чишминского района [6], а в марте 1996 г. подобные курсы прошли в г. Москве.

В ходе становления школ с изучением украинского языка в республике пришлось столкнуться со множеством проблем. Во-первых, это отсутствие материально-технической базы. Особенно актуальна эта проблема для сельских школ. Недостает учебников, методических и наглядных пособий. Нет средств на соответствующее оформление кабинетов украинского языка. Зачастую этому препятствует явное нежелание руководителей различного уровня возрождать украинство, а также индифферентное отношение к этому некоторых родителей укра-

инской национальности. Все же, невзирая на все трудности, четыре школы в украинских селах включили в свои учебные планы предметы украиноведческого цикла.

Увенчалась успехом работа "Кобзаря" и по созданию украиноязычной газеты. 1 апреля 1993 г. вышел в свет специальный выпуск газеты "Волга – Урал" на украинском языке для украинцев региона "Криниця".

Впервые за более чем двухвековую историю существования в Башкортостане украинцы увидели печатное слово на родном языке. Основную работу по выпуску взяла на себя редактор газеты Л.Ильясова. Вскоре газета стала выходить как самостоятельное издание. Печатный орган украинцев Башкортостана издавался на высоком профессиональном уровне и быстро стал известен не только в России и Украине, но и во всех республиках СНГ, а также в США, Канаде, Австралии, Германии, Франции и других странах, о чем свидетельствуют письма-отклики.

Удалось организовать радиовещание на украинском языке. Ежедневно в программе Радио-2 в рубрике "Микрофон дружбы" около получаса на протяжении двух лет звучала передача на украинском языке "Обрій" (Горизонт). Однако проблем в ходе становления СМИ оказалось гораздо больше, чем при создании украинских школ. Если финансирование школ взяло на себя государство, то газета выпускалась в основном на средства "Кобзаря" и благотворительные пожертвования. В 1995 г. Кабинетом Министров РБ на издание газеты было выделено 10 млн руб., 1 тыс. долларов была выделена Министерством по делам национальностей и миграций Украины. Однако этого оказалось недостаточно. К сожалению, из-за отсутствия средств газета с января 1995 г. перестала выходить.

Если говорить о развитии культуры украинцев Башкортостана, то во-многом оно оставалось односторонним. Сохранились в основном фольклорные формы, а профессиональное искусство не сформировалось. Вследствие этого необходимо было создать условия не только для сохранения и развития фольклорных традиций, но и для формирования профессиональных форм культуры. На призыв "Кобзаря" откликнулись творческие силы Украины и Башкортостана. Уже в первых культурных мероприятиях "Кобзаря" приняли участие упоминавшиеся научные сотрудники государственного музея Т.Г.Шевченко (г.Киев) Наталья Петренко, Ирина Мирошниченко, Ленина Гончаренко, солистка Украинского радио и телевидения Надежда Петренко, член прав-

ления Общества украинского языка им. Т.Г.Шевченко "Просвита" Ю.Бадзьо, известная украинская поэтесса София Майданская, а также башкирские поэты М.Карим (М.Каримов) и Г.Рамазанов, поэт-переводчик М.Воловик [1]. Практически во всех мероприятиях "Кобзаря" выступал солист Башкирского государственного театра оперы и балета Н.Павлюченко и солист Башгосфилармонии, заслуженный артист РБ С.Хайруллин. В культурных мероприятиях активное участие принимают также артисты О.Злобина, Г.Валяев, Т.Михайлюк и Д.Ремаревский [7, с.25–34] и др.

Наряду с профессиональными артистами на празднествах участвуют и самодеятельные украинские коллективы городов и сел РБ. Наиболее высокопрофессионально подготовленными являются коллективы из г. Мелеуза под руководством Л.Ярославцевой и С.Маринича, а также коллектив из г. Стерлитамака "Барвинок", которым руководит Г.Суббота. Этим коллективам присвоено звание "народный". Широкую известность получил хор "Кобзарь" из г.Уфы. В 1996 г. ему также присвоено звание "народный". Концерты этого коллектива с успехом прошли не только в Башкортостане, но и в Оренбурге, Москве, Киеве, Батурине, Харькове, Чугуеве.

В республике начата и планомерно ведется работа по развитию украиноведения Башкортостана. Создан Научный центр украинистики, который подготовил и опубликовал монографию В.Я.Бабенко "Украинцы Башкирской ССР" [3], сборник научных статей по итогам конференции "Украина – Башкортостан: годы испытаний и сотрудничества" [17]. В 1995 г. вышла в свет книга В.Я.Бабенко и Ф.Г.Ахатовой "Песенный фольклор украинских переселенцев в Башкортостане" [4], готовятся к публикации другие издания.

В вопросах возрождения религии центру "Кобзарь" продвигаться ощутило вперед не удалось. Этому мешало, с одной стороны, сложное экономическое положение и отсутствие средств на строительство церквей, с другой стороны, довольно резкая реакция Уфимской епархии Русской православной церкви на распространение влияния среди своих потенциальных прихожан Украинской автокефальной православной церкви. Однако основной причиной изменения позиций центра "Кобзарь" явились противоречия, расколы, противостояния в православной церкви на Украине. В этих условиях РНКЦУБ "Кобзарь" решил искать пути сближения не с руководством Уфимской епархии, а с отдельными священнослужителями. При содействии "Кобзаря" открылись приходы РПЦ в украинском селе Иваненково Благоварского рай-

она и селе Степановка Аургазинского района. В настоящее время зарегистрирован приход в с. Золотоношка Стерлитамакского района, продолжает действовать церковь в с.Константино-Александровка того же района.

Пока не удалось охватить работой молодежь и детей. Она ведется в основном в рамках учебных заведений, в которых преподаются предметы украиноведческого цикла. Хотя дети из школ с изучением украинского языка и были на Украине, но из-за недостатка средств не удается сделать эти поездки регулярными, а также организовать лагеря отдыха в украинских селах Башкортостана.

В ходе реализации программы в рамках РНКЦУБ "Кобзарь" была создана женская секция Союз украинок Башкортостана "Берегиня", которую возглавила О.Доброва.

II съезд украинцев Башкортостана в соответствии с уставом собрался 21-22 января 1995 г. В работе съезда приняло участие 186 делегатов. Докладчики и выступающие говорили о немалых успехах центра "Кобзарь". Действительно, эти достижения очевидны. Прежде всего, это включение украинского языка и литературы в учебные планы в четырех школах Башкортостана, начало издания газеты "Криниця" на украинском языке, трансляция регулярных передач на родном языке по Башкирскому радио. Среди положительных фактов было отмечено также и то, что в республике работает 20 украинских самодеятельных коллективов, трем из которых присвоено звание "народный" [14]. Важное значение имеют празднования Шевченковских дней и проведение приуроченных к ним детских конкурсов и фестивалей.

Вместе с положительными результатами в работе РНКЦУБ "Кобзарь" были отмечены и недостатки, а также нерешенные проблемы [15].

II съезд украинцев Башкортостана внес некоторые изменения в Программу возрождения украинцев, которая была принята I съездом. Изменения сводились к тому, что акцентировалось внимание на тех пунктах, которые по различным причинам не были выполнены.

Усилившиеся негативные тенденции в социально-экономическом развитии общества породили ряд трудностей в национально-культурном возрождении. Это прежде всего ослабление финансовых возможностей по обеспечению реализации программ, что в конечном итоге привело к свертыванию работы по ряду направлений (закрытие газеты "Криниця", прекращение радиопередач и невозможность начала телевидения на украинском языке и т.д.). Однако и в этих условиях работа продолжалась. Так, только в 1996/97 учебном году в г.Уфе в трех шко-

лах был введен украинский язык как предмет. Имели место и другие успехи.

19 апреля 1997 г. в городе Уфе состоялся III съезд украинцев Башкортостана, в работе которого приняло участие около 400 делегатов и гостей. Главной задачей съезда явилось не только подведение итогов работы за предшествующий период, но и поиск более эффективных форм и методов работы, соответствующих новым общественно-политическим и социально-экономическим реалиям, сложившимся в стране. По инициативе центра "Кобзарь" в Уфимском педагогическом колледже №1 в 1997/98 учебном году было открыто отделение по подготовке учителей украинского языка, куда на работу была принята выпускница Тернопольского педагогического университета Ю.Сиренко. В 1998/99 учебном году Башкирским информационным центром был организован набор студентов по специальности история и филология в Московский государственный педагогический университет. Учебными планами педуниверситета предусматривается подготовка учителей не только по отечественной российской истории и русскому языку, но и по истории Украины, украинскому языку и литературе. Таким образом, в течение нескольких лет в Башкортостане была создана полная вертикаль получения образования на украинском языке: школа-педколледж-педуниверситет.

На III съезде украинцев республики особое внимание было обращено на работу с молодежью и студентами. Поэтому сразу же после съезда началась работа по созданию молодежной организации, которая логически была завершена проведением 11 апреля 1998 г. I съезда украинской молодежи и созданием Союза украинской молодежи Республики Башкортостан "Беркут".

В настоящее время идет активная работа над подпрограммой "Украинцы Башкортостана", которая будет способствовать более конструктивному взаимодействию РНКЦУБ "Кобзарь" с органами власти Республики Башкортостан по реализации насущных национально-культурных запросов украинцев республики и обеспечит государственную поддержку процессу их национально-культурного возрождения.

Таким образом, деятельность РНКЦУБ "Кобзарь" следует разделить на три этапа. На первом этапе работа Общества была больше направлена на удовлетворение внутренних потребностей его членов, и ее можно охарактеризовать, как подчеркивалось выше, как " период

раннего романтизма". В отношениях центра и официальных властей имела место определенная настороженность.

Второй этап в деятельности "Кобзаря" начался с проведения I-го съезда украинцев республики и характеризуется как процесс реального национально-культурного возрождения украинцев Башкирии. Отношение властей на этом этапе можно охарактеризовать уже как конструктивное, однако планомерной систематической поддержки украинскому национальному движению власти оказать не могли. Вместе с тем исследования этнических процессов показывают, что в среде украинцев на общественных началах процесс их ассимиляции, видимо, предотвратить невозможно. Следовательно, дальнейший процесс национально-культурного возрождения украинцев Башкортостана возможен лишь при активной поддержке государства.

С принятием государственных программ по развитию народов Башкортостана начинается новый этап во взаимоотношениях РНКЦУБ "Кобзарь" с государственными органами республики и новый этап в деятельности самого Центра. Если государственные программы будут действительно работать, то, возможно, ответной реакцией на это станет подлинное возрождение украинцев республики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабенко В.Я.* За взаимное духовное обогащение // По ленинскому пути. 1990. 30 июля.
2. *Бабенко В.Я.* Шануймося! // Слово. 1990. №7.
3. *Бабенко В.Я.* Украинцы Башкирской ССР. Поведение малой этнической группы в полиэтничной среде. Уфа, 1992. 260 с.
4. *Бабенко В.Я., Ахатова Ф.Г.* Песенный фольклор украинских переселенцев в Башкирии. Киев; Уфа, 1995.
5. *Близнюк К.* Діти вивчають Тараса // Криниця. 1993. № 5-6.
6. *Вахитова В.* Украпньска "кобзарська" родина в Башкортостані // Криниця. 1994. №16-17.
7. *Дорошенко В.Б.* Республіканський національно-культурний центр українців Башкортостану "Кобзар" (Історія, сучасність,перспектива) // Україна-Башкортостан: годы испытаний и сотрудничества. Уфа, 1993.
8. *Льясова Л.* Ласкаво просимо в "Кобзар" // Криниця. 1993. №1.
9. *Льясова Л.* Нашого цвіту по всьому світу // Криниця. 1995. №1.
10. *Исмагшова Г.* "Ласкаво просимо" – говорят в "Кобзарі" // Вечерняя Уфа. 1991. 13 марта.
11. *Ласкаво просимо* // По ленинскому пути. 1990. 30 июля.

12. Лисенко О. Відгукнулися серцем // Криниця. 1995. №2–4.
13. *Ми діти твої*, Україно: Матеріали I Конгресу українців незалежних держав колишнього СРСР. Київ, 1992.
14. Програма національного відродження українців, прийнята 1-им съездом українців Башкортостану // Україна-Башкортостан: годы испытаний и сотрудничества. Уфа, 1993.
15. Резолюція II з'їзду українців Башкортостану // Криниця. 1995. №2–4.
16. Теренчин Я. Перші кроки зроблено // Криниця. 1994. №16, 17.
17. Україна – Башкортостан: годы испытаний и сотрудничества. Уфа, 1993. 170 с.
18. Юнак М., Юнак А. Зустріч з землею предків // Криниця. 1995. №1.

III. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО НАРОДОВ БАШКОРТОСТАНА. МУЗЕЕВЕДЕНИЕ

Е.Е. Никонорова

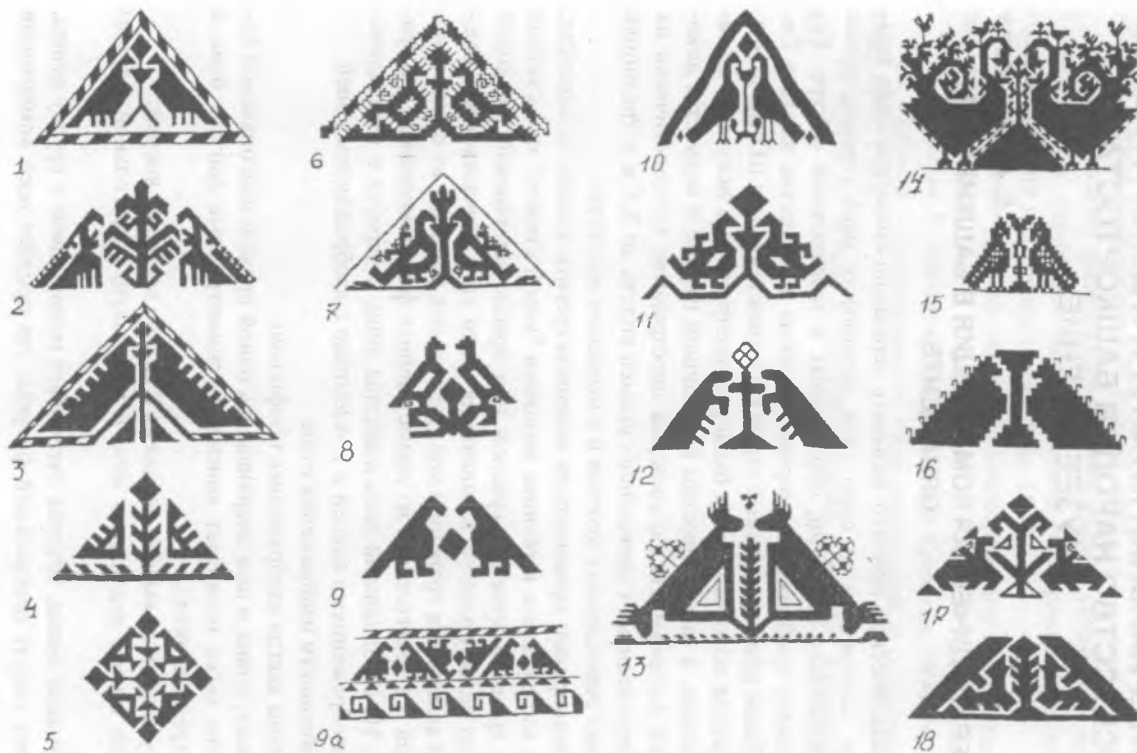
ГЕРАЛЬДИЧЕСКАЯ КОМПОЗИЦИЯ В БАШКИРСКОМ ОРНАМЕНТЕ

Геральдической принято называть зеркально-симметричную композицию, состоящую из пары (или нескольких пар) симметричных фигур животных или птиц, обращенных к центральной фигуре. Геральдические изображения широко известны в искусстве народов Евразии. Такой композиционный строй был известен еще в III тыс. до н.э. Изображения подобного рода были распространены в искусстве Древнего Востока, а также известны в Античной Европе и искусстве доколумбовой Америки. На евразийском пространстве хронологически их можно проследить от древнейших времен вплоть до XX в. в традициях различных ремесленных центров и в народном искусстве.

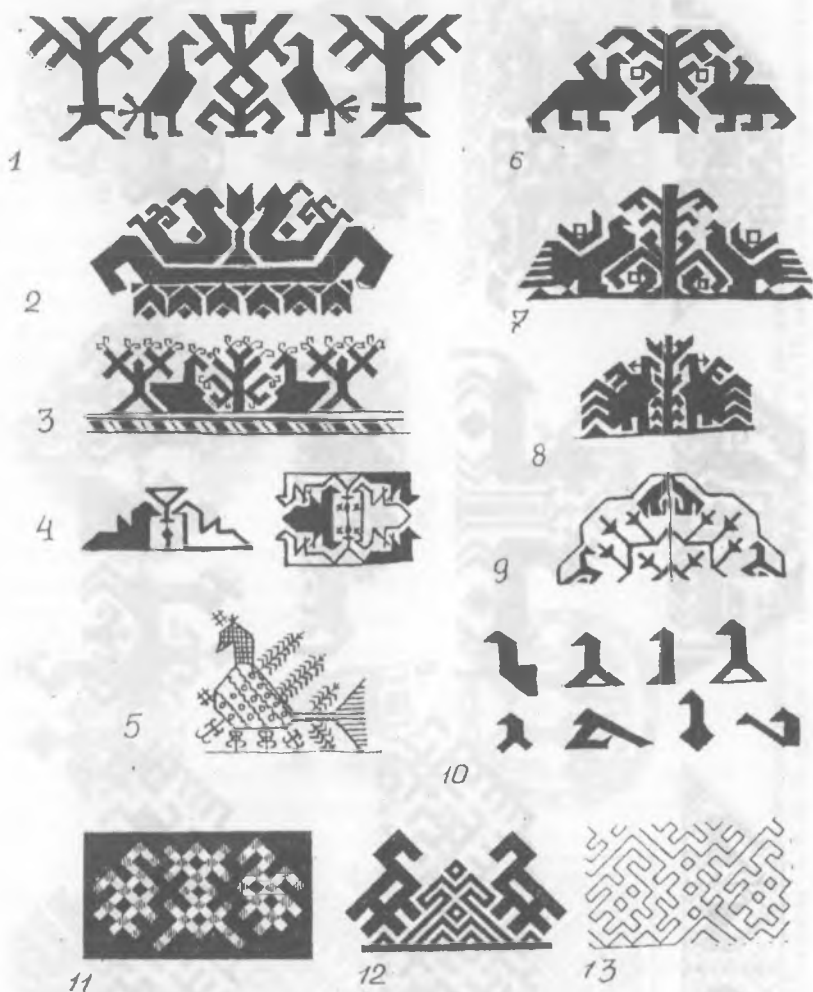
В башкирском орнаменте ее можно встретить только на хараусах, где она выполнялась в технике вышивки "косой стежок" или счетной гладью преимущественно красной или красно-коричневой шелковой нитью по белому холсту. Композиция этого типа вписывается в башкирской вышивке в трапецию или треугольник (вариант из симметричных птиц – в треугольник, из симметричных фигур животных – в трапецию). На сегодняшний день известны лишь 2 харауса с геральдическими изображениями оленей и 1 экземпляр с изображением коней.

Особенности изображения птиц:

- птицы всегда изображались профилем;
- хвост, спина и шея очерчивались одной прямой диагональной линией (что легко позволяет вписывать симметричные фигуры птиц в силуэт треугольника);
- грудка у птиц высоко посажена и сильно выдается вперед;
- они имеют недлинную шею и маленькую (треугольной формы) голову;
- ломаная линия, которая очерчивает голову, шею и грудку птицы, повторяет силуэт центральной фигуры, что придает всей композиции компактность.

1. Геральдические изображения птиц в орнаменте народов:
 башкиры - 1-5; обские угры - 6-8; марийцы - 16-18;
 мордва - 11; чувашы - 13; венсы - 12; армяне - 9; таджики - 14; венгры - 15; Италия XIII-XIV вв. - 10

II. Различные по стилю варианты изображения птиц:
 русские – 1, 5, 13; мордва – 2, 3; коми – 4; чувашаи – 6-8; карелы – 11; марийцы – 12; туркмены – 9; азербайджанцы, туркмены – 10

1

7

16

2

8

17

9

18

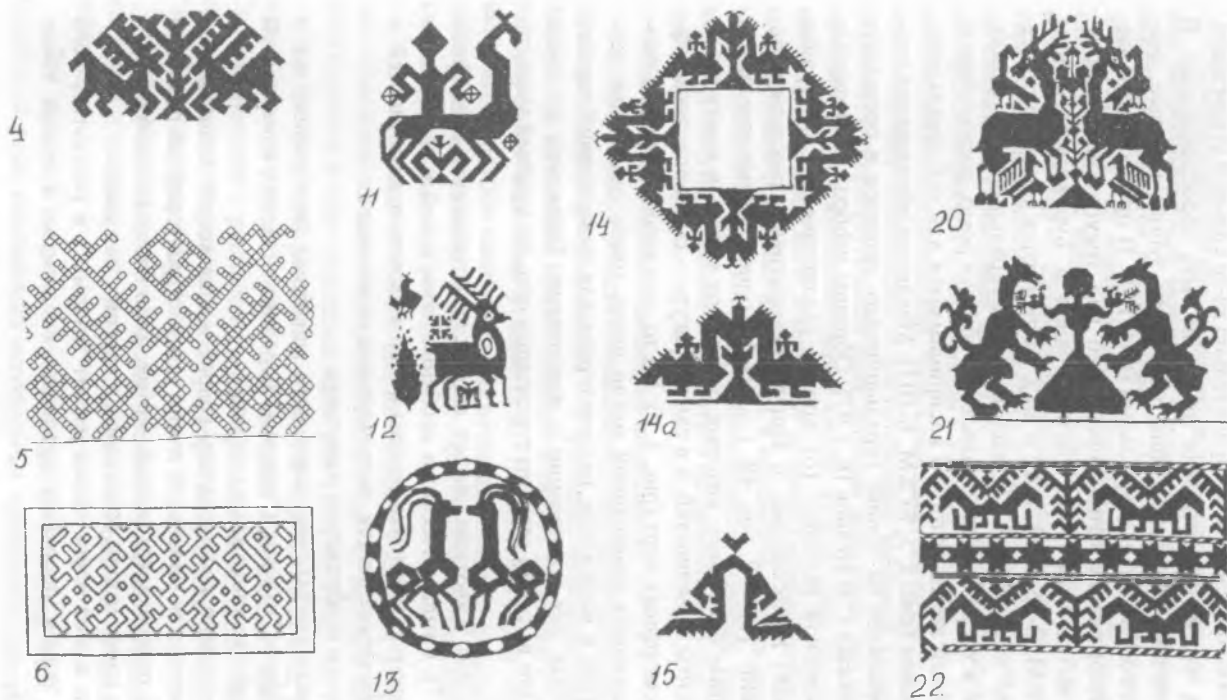
3

10

19

III. Геральдические изображения животных в орнаменте различных народов:
 башкиры - 1,2,7; карелы - 3,18, 19, 22; русские - 5, 6, 10, 11, 21; марийцы - 4, 8, 9, 15; чувашы - 14, 16, 17; румыны - 12,20;
 Графические таблицы составлены автором по различным источникам

Породу птиц определить затруднительно из-за сильной стилизации, но очевидно, что их прототипами не могли быть водоплавающие. В некоторых случаях на линии спины помещены зубцы, которые, очевидно, могли соотноситься с крыльями (рис. I, 3). В процессе стилизации такое изображение птицы приобрело вид треугольного гребня. Описанный мотив был очень распространен в Бурзянском районе (рис. I, 4, БГХМ, Б-36, Б-53, Б-62 и др.). Встречаются также производные варианты композиции с птицами, когда геральдический сюжет, заключенный в треугольник, удваивается, образуя ромб, расчлененный крестом, каждый конец которого воспринимается как ось геральдической композиции (рис. I, 5, БГХМ, Б-103). Механизм образования производных вариантов на основе геральдических сюжетов в орнаменте прекрасно показал С.В.Иванов [6, с.97]. Образцы изображений парных птиц в башкирской вышивке (от вполне реалистических до крайне стилизованных) представлены в книге "Декоративно-прикладное искусство башкир" [1, с.92, рис. 48, 1 – 21]. На одном экземпляре птицы имеют странные очертания, которые позволяют видеть в выступах на груди рудименты конечностей, а в самой фигуре – смешение зооморфных и орнитоморфных черт (рис. I, 2). На то, что такое смешение иконографии различных композиций могло иметь место, указывает центральная фигура в виде куста, нехарактерная для изображений парных птиц и обычная для композиции с животными. Возможно ли такое смешение? При высокой степени стилизации оно, по крайней мере, не удивительно.

Изображения животных имеют свою стилистическую специфику (рис. III, 1,2,7). Стилистическими особенностями коней в вышивке на хараусах являются: трактовка головы и шеи животного, конечностей, а также специфические детали, дополняющие композицию.

Особенности изображения животных:

- в процессе стилизации конечности животных (как оленей, так и коней) приобрели "изломы" ("изломы" передних и задних конечностей обращены в противоположные стороны);

- примечательно изображалась голова и шея коней: мощная изогнутая шея венчается маленькой очень условно трактованной головкой (шея наверху пересекается тонкой чертой, один конец которой воспринимается как конец морды животного, а другой – как ухо);

- спина и живот оленя также имеют "изломы", в результате чего передняя и задняя половины туловища соединены в одной точке (рис. III, 1, 2).

Центральная фигура композиции трактуется либо как дерево, либо как антропоморфный мотив. И в том, и в другом случае она почти всегда завершается ромбом (рис. I, 1, 3, 4, 5). Дерево изображалось либо елочкой – в композиции с птицами (рис. I, 4), либо кустом с пышной кроной в виде развилки сложного строения – в композиции с оленями (рис. III, 1, 2). Фигуры антропоморфного вида известны по геральдическим изображениям птиц и имеют характерный треугольник на стержне, соотносимый, вероятно, с плечами. Интересно трактована центральная фигура в композиции с конями (рис. III, 7). Она завершается не ромбом, а развилкой. Чуть ниже такая же развилка повторяется, что вызывает ассоциации с растительным мотивом (стилизованным деревом), но прямоугольная арка, которая дополняет это изображение, придает фигуре антропоморфные черты: концы арки воспринимаются как расставленные ноги, а весь этот орнаментальный мотив становится соотносимым с широко известным в орнаменте других народов мотивом "рожаниц". Ромб, который в большинстве случаев помещался на вершину фигуры, находится в центре, но присутствие его показатель-но.

Особенности композиционного построения:

- композиция с птицами вписывается всегда в треугольник, а композиция с парными животными – в трапецию. Изображение оленей на хараусе из коллекции НМРБ вписано в силуэт трапеции с усеченными по диагонали нижними углами (рис. III, 2). Обычно в пространстве вышивки хараусов композиция из птиц повторяется трижды, но встречаются и экземпляры, на которых поле вышивки заполнено единой композицией (рис. I, 2);

- в композиции с конями над их спинами в верхних углах композиции помещена сильно стилизованная фигура, от которой вниз спускается отросток в виде трехпалой лапы или трезубца (рис. III, 7);

- у изображений коней под животом помещена стрела, направленная к земле, а у оленей – элемент, который напоминает стрелу с двумя "наконечниками", расположенную горизонтально. Этот элемент вписывается в силуэт ромба благодаря короткому отрезку, соединяющему "наконечники" (рис. III, 2);

- основной узор дополняется специфическими "штриховыми полосками" и маленькими треугольниками по боковым граням трапеции вышивки.

Для решения вопроса о происхождении в башкирском орнаменте подобного рода композиций необходимо привлекать материал по ис-

куству других народов, у которых прослеживаются близкие или более отдаленные аналогии.

Среди множества вариантов геральдических изображений у народов Евразии можно встретить образцы, которые стилистически, иконографически близки к башкирским – у обских угров, мордвы¹, верхневолжских карел, марийцев, чувашей, русских. Более отдаленные параллели существуют в вышивке горных таджиков, венгров, в ткачестве туркмен, узбеков племени туркман, армян, азербайджанцев, болгар. Поразительную близость обнаруживают также геральдические птицы в ткачестве средневековой Италии (рис. 1, 10). Если же рассматривать характерную манеру изображения птиц вне геральдической композиции, то ареал распространения их будет еще шире.

При сопоставительном анализе орнамента необходимо учитывать стилистические особенности изображений, технику и материал исполнения, колорит, украшаемый предмет и особенности его использования. Отдельно будут рассмотрены существующие параллели в трактовке птиц, животных, описанной антропоморфной фигуры и изображений деревьев, известных по башкирскому орнаменту. Сопоставлять этнографические материалы с археологическими не всегда оправданно, но все же возможно при решении вопросов генезиса орнаментальных композиций.

Предмет. Ближайшими аналогиями башкирским хараусам являются головные повязки марийцев (*нашмаки*) и чувашей (*масмаки*). Они представляли собой домотканый лоскут, украшенный вышивкой трапециевидной формы, которая была близка башкирской по технике, материалу, колориту и орнаменту. У марийцев геральдическая композиция могла украшать и начелья сорок и различные части одежды (ворот, рукава, разрез рубахи, борта кафтанов и др.). В вышивке обских угров она использовалась для украшения рубах (даже мужских). У мордвы она могла встречаться также в вышивке рубах; у верхневолжских карелов – на начельях сорок, а также на полотенцах. Геральдические композиции в русском орнаменте встречаются на начельях сорок, на платках, полотенцах, ластовицах, подзорах, ширинках. Горные тад-

¹ В.В.Стасов приводит в книге [23] три варианта геральдических изображений птиц, которые в своей трактовке очень близки к образцам обско-угорского орнамента, но он описывает их как мордовские. С.В.Иванов на основе явного внешнего сходства считал несомненной принадлежность опубликованных В.В.Стасовым образцов орнаменту обских угров. Доверяя авторитету В.В.Стасова, трудно представить, что он мог неоднократно ошибаться. Считаю, что допустимо эти изображения рассматривать предположительно и как обско-угорские (на основе внешнего сходства), и как мордовские.

жики вышивали ее на лицевых занавесках невест (*рубанд*), использовали в орнаменте тесьмы для головных уборов. У армян композицию такого рода можно встретить на коврах и даже на вязаных мужских носках. В азербайджанской вышивке она была популярнейшим мотивом и могла, в частности, располагаться на лицевой занавеске (*рубэнд*). У народов Средней Азии, знакомых с этой композицией, она чаще всего встречается на коврах. У народов Европы она могла исполняться в различной технике на самых разнообразных предметах, но наиболее близкие башкирским образцы украшали полотенца.

Техника. Геральдические изображения исполнялись в технике "косой стежок" у чувашей, марийцев, верхневолжских карел, русских. Русские и карелы исполняли их также крестом, строчевыми вышивками. Особенно популярно у русских было исполнять рассматриваемый орнаментальный сюжет двусторонним швом, а у карел он встречается не только в вышивке, но и в браном, и в закладном ткачестве. Обские угры вышивали парных птиц гладью, но встречались и вышитые крестиком, а также двусторонним и стебельчатым швом. Таджики вышивали парных птиц разновидностью глади. Народы Средней Азии этот орнаментальный мотив исполняли чаще всего в ворсовом ковроткачестве, у народов Кавказа он встречается как в ворсовом ковроткачестве, так и в вышивке, а в Европе – в браном ткачестве и в вышивке. Как и у башкир, геральдические композиции могли вышиваться красными (красно-коричневыми) нитками по белому фону холста с добавлением желтого, зеленого, голубого у марийцев, чувашей, обских угров, русских, верхневолжских карел, горных таджиков. Вышивка цветными нитками в сочетании с росписью по краю рисунка черной нитью известна у финно-угоских народов, русских, болгар, горных таджиков.

Трактовка птиц. Ближе всего к башкирской по стилистическим особенностям трактовка птиц в орнаменте обских угров, что не раз отмечали исследователи (С.И.Руденко, С.В.Иванов, Р.Г.Кузеев, Н.В.Бикбулатов). Сходство проявляет себя:

- в профильности изображений;
- в схожести силуэтов (птицы в вышивке обских угров также имеют маленькую голову треугольной формы, высоко посаженную, и сильно выступающую вперед грудку; спина и хвост нередко очерчивались одной прямой линией (рис. 1, 6, 7, 8);
- в наличии специфических "усиков", которые сообщает птицам техника "росписи";
- в дополнении основного орнаментального мотива "штриховыми полосками" (рис. 1, 6).

Определенное сходство с башкирскими обнаруживают изображения птиц в марийской вышивке. В орнаменте верхневолжских карел птицы изображались широкими ломаными линиями (рис. II, 11). Такая трактовка известна марийцам, русским (рис. II, 12, 13). В русском орнаменте птицы заметно отличаются от башкирских образцов, но единая иконографическая основа проступает в особенностях изображения головы, шеи и грудки птицы (рис. II, 1, 5).

В ковроткачестве туркмен, узбеков племени туркман, армян, азербайджанцев в общих чертах сохраняется та же иконография (маленькая треугольная голова, выступающая углом грудка), но фигуры птиц нередко изображались лишь до середины туловища (рис. II, 10). Иногда стилизация достигала столь высокой степени, что вместо всей фигуры птицы изображалась только голова и шея. В орнаменте этих народов встречаются любопытные изображения сдвоенных фигур птиц с головами, обращенными в одну сторону (рис. II, 10).

В вышивке горных таджиков общие иконографические черты выражены незначительно и проявляют себя все также в выступающей грудке и прямой шее птицы. Силуэт головы таджикских птиц заметно отличается от ранее рассмотренных образцов из-за присутствия пестушиных гребня и "бороды". Изображения птиц в таджикской вышивке, так же как и в вышивке хараусов, дополнены маленькими треугольниками, но расположены они не по краю композиции, а непосредственно по силуэту птиц (рис. I, 14).

В орнаменте средневековой Италии (XIII–XIV вв., Перуджия) можно встретить геральдические изображения птиц, стилистически очень близкие к рассматриваемым образцам из Восточной Европы (рис. I, 10). Геральдическая композиция перуджиянского полотна вписана в треугольник, спина и хвост птиц обрисованы одной линией, прямая шея и маленькая треугольная голова – перечисленные черты уже не раз упоминались в вышеизложенных описаниях. Сходство обнаруживается и в трактовке центральной фигуры.

Как нетрудно заметить, наиболее устойчивым в иконографии изображений птиц было оформление головы, шеи и грудки, что позволяет узнавать их даже в крайне стилизованном и неполном виде (рис. II, 10). И все же, при всех перечисленных схожих чертах, в большинстве случаев их изображения в орнаменте верхневолжских карел, русских, марийцев, чувашей, горных таджиков, народов Средней Азии и Кавказа заметно отличаются от башкирских образцов.

Трактовка животных. Наиболее стилистически близкие параллели к башкирским изображениям коней и оленей встречаются в вышив-

ке верхневолжских карел, марийцев, русских. Карельские и русские кони, как и башкирские, имеют изломы конечностей в противоположные стороны, массивную, изогнутую шею, сверху пересеченную чертой, обозначающей голову (рис. III, 18, 19). У карельских коней имеется также некий "отросток" на животе, но не в виде стрелы, а в виде ромба или круга на короткой ножке. Под животом у карельских и русских оленей нередко помещается ромб, иногда его заменяет крест или фигура типа "бараньих рогов" – парные геометрические завитки (рис. III, 10, 11). Изображение оленей на хараусе из Историко-краеведческого музея г.Уфы абсолютно совпадает с орнаментом верхневолжских карел (рис. III, 3). Это проявляется: в нетрадиционном для хараусов цветовом решении (желтые фигуры оленей и деревьев на светло-коричневом фоне); в технике вышивки; в форме и размерах вышитого поля (композиция вписана в силуэт трапеции с усеченными нижними углами). При том, что очевидны некоторые не характерные для большей части хараусов черты, есть основания считать, что этот образец изначально вышивался как хараус. Во-первых, форма вышитого поля в виде трапеции с усеченными углами встречается и на других образцах (БГХМ, Б-29); во-вторых, вышивка снизу ограничена прямой горизонтальной линией, а в начельях карельских сорок боковые части вышитого поля опускаются ниже центральной части, что делает нижнюю границу вышивки неровной (рис. III, 3). Изображения оленя в очень схожей трактовке можно встретить и в русском орнаменте (рис. III, 5, 6).

Несколько отличные изображения животных существуют в марийской вышивке (рис. III, 4, 8, 9). Но и в марийской традиции животные имеют специфические "изломы" конечностей, кони – характерный ромб под животом, а олени – "изломы" спины и живота, разделяющие туловище на две половины. В башкирском и марийском орнаменте кони имеют схожий силуэт спины: та часть, которая ближе к хвосту, под углом поднята вверх. Хвост изображен в виде вертикального прямого отрезка, спускающегося до края вышивки (рис. III, 9).

Изображения коней в чувашском орнаменте стилистически далеки от рассмотренных образцов (рис. III, 14, 16, 17). Но и среди них можно проследить некоторые уже известные по башкирским и марийским образцам особенности. Например, на рис. III, 14 кони имеют ту же специфическую трактовку спины.

В орнаменте народов Европы, в частности венгров и румын, известны изображения оленей, стилистически очень близкие к описываемой традиции (рис. III, 12). Кони в орнаменте этих народов отлича-

ются от изображенных на хараусе, но почти абсолютно соответствуют русским образцам: " Обращают внимание мотивы всадников на венгерской вышивке конца XVIII века. Поразительно сходные по своей трактовке, технике выполнения с вышивками Костромской и Ярославской губерний" [13, с.203].

Центральная фигура. В башкирском орнаменте фигура антропоморфного облика в геральдической композиции с птицами имеет аналогии в орнаменте обских угров, чувашей, русских, вепсов, туркмен. Все они имеют вид стержня, опирающегося на развилку или треугольник, ближе к вершине стержень пересекает черта или маленький треугольник (рис. I, II, 9). В туркменском орнаменте центральная фигура завершается не ромбом, а фигурой, напоминающей трилистник. Такое завершение находит себе соответствие в иконографии центральных фигур геральдических композиций у обских угров (рис. I, 7). Фигура, имеющая смешанный антропоморфно-растительный облик, знакомая по башкирской композиции с конями, ближайшими параллели находит в вышивке марийцев (примечательно, что и у них она использовалась только для разделения противостоящих коней – рис. III, 8, 9). В некоторых случаях в марийской вышивке силуэты симметричных животных и центральной фигуры сливаются, образуя новую фигуру сложного строения (рис. III, 15).

Мотив дерева в центре композиции у башкир имеет, как уже писалось выше, два варианта: 1) елочка с ромбом на вершине и 2) дерево-куст с пышной кроной. Изображениям елочки существуют близкие аналогии в чувашской, марийской вышивке (рис. I, 13, 18). Мотив дерева-куста в виде развилки на стержне широко известен в марийской, карельской, чувашской, мордовской, хантыйской, русской вышивке (рис. II, 1, 3, 6-8; III, 4, 22).

Особенности композиционного построения. Одной из особенностей геральдического изображения коней в башкирском орнаменте, как уже было замечено, является присутствие над спинами животных крайне стилизованных фигур. В стилистически близких композициях верхневолжских карел над спинами противостоящих коней также располагалась странная фигура (рис. III, 19). Г.С.Маслова трактует эти элементы орнамента как разновидность мотива коня с кустом на спине, но по каким-то причинам этот куст оказался отделенным [12, с.50]. Такое объяснение вызывает сомнения: если эта странная фигура – куст, то почему он имеет такую неправильную, несимметричную форму, в то время как большие центральные деревья строго симметричны? Предполагать возможность другого объяснения этой фигуры заставляют

другие изображения карельской вышивки, в которых степень стилизации меньше, и в них без труда можно разглядеть парящих над фигурами коней птиц (рис. III, 18). Предположение о том, что в башкирской и карельской вышивке над спинами животных присутствуют стилизованные птицы, поддерживают подобные композиции в орнаменте других народов, в которых птицы читаются отчетливо, например, в чувашской вышивке (рис. III, 16, 17). В русской вышивке парящие над конями птицы – устойчивый, популярнейший мотив. Соединение в одной композиции птиц и животных, видимо, не случайно, имеет свои смысловые, мифологические основы и глубокие корни в древнем искусстве. В орнаменте народов Европы геральдические изображения животных также дополняются маленькими птицами (рис. III, 20), а в таджикской вышивке множество маленьких птиц окружает фигуры больших противостоящих петухов или павлинов (рис. I, 14). Очевидно, что дополнение геральдических фигур изображениями маленьких птиц является устойчивым иконографическим признаком.

У башкир, как уже писалось, композиция из противостоящих птиц вписывалась в треугольник. В треугольник были вписаны парные изображения птиц и у обских угров, мордвы, чувашей, армян, на средневековом итальянском полотенце из Перуджии (рис. I) В силуэт трапеции могли быть вписаны геральдические изображения у чувашей, марийцев. В вышивке верхневолжских карел композиции описанного типа могли заполнять пространство сплошной сеткой. В русском, европейском орнаменте они нередко вписывались в силуэт прямоугольника. Своеобразно построение розетки из геральдических композиций на коврах туркмен и армян (рис. II, 9).

Композиция из птиц в башкирском орнаменте обрамлена "штриховой полоской". Такую же особенность имеют хантыйские, армянские образцы симметричных фигур птиц (рис. I, 6, 9a). "Штриховая полоска" в орнаменте верхневолжских карел дополняет изображения противостоящих животных (рис. III, 22), а в марийской и чувашской вышивке она могла располагаться на самих фигурах животных (рис. III, 16). Маленькие вышитые треугольники, дополняющие основной орнамент, можно встретить в марийской, чувашской вышивке, у обских угров и горных таджиков. В армянском образце вдоль границы мотива парных птиц также расположены маленькие треугольники (рис. I, 9a). Нашивки красной материи в качестве декорирующего средства использовались финно-угорскими народами (марийцы, мордва, удмурты, коми, карелы, обские угры), тюркскими (чувашаи, башкиры, туркмены, киргизы), а также русскими, горными таджиками, хевсурами.

Красными нашитыми полосками была отделана рубаша из белого полотна из Пазырыкских курганов. Вероятно, эта традиция имеет глубокие корни в культуре древнего населения Евразии.

Многочисленные параллели орнаменту хараусов в традициях других народов нельзя считать случайными совпадениями, так как в большинстве случаев ареалы распространения геометрического и геральдического орнамента, характерного для хараусов, совпадают. Это подтверждает закономерность выявленных параллелей. Более того, так же, как и у башкир, геральдические изображения исполнялись в той же технике, которая была характерна в конкретной этнической среде их бытования и для геометрических мотивов; украшение орнаментами двух названных групп одних и тех же предметов, замещение, дополнение ими друг друга, объединение их в одну композицию, дополнение основных мотивов из этих двух групп одними и теми же элементами, очевидно, указывают на принадлежность геометрического и геральдического орнамента хараусов к одной орнаментальной традиции, которая распространена намного шире, чем территория проживания башкир, и усвоена народами, говорящими на различных языках.

Выводы, полученные на основе анализа материалов по орнаменту, подтверждают данные об особенностях использования предметов, украшаемых мотивами этого орнаментального комплекса.

Вышеизложенный материал наглядно свидетельствует, что самые близкие аналогии геральдическим изображениям башкирского орнамента обнаруживаются в искусстве финно-угорских народов, что проявляется в характерной традиции вышивания "косым стежком" по белому холсту шелковыми нитками, а также в традиционном колорите, в тождественности трактовки птиц и животных, в дополнении вышивки "штриховыми полосками", маленькими треугольниками, а также дополнением вышивки красными нашитыми полосками. На основании анализа района бытования хараусов и аналогий в орнаменте других народов Н.В.Бикбулатов и Р.Г.Кузеев пришли к выводу, что эти узоры являются "вкладом, внесенным в художественную культуру башкир древними финно-угорскими племенами" [1, с.224]. Башкирская композиция из симметричных птиц стилистически очень близка к хантыйской. Мотив противостоящих птиц в вышивке обских угров разработан более, чем у кого-либо, он представлен массово, во множестве вариантов. В меньшей степени соответствуют башкирским образцам птицы в мордовской, марийской, чувашской вышивке. Трактовка птиц в орнаменте карел, коми, русских уже заметно отличается от башкирской. Трактовка оленей и коней на хараусах очень точно соответствует изо-

бражениям этих животных на начельях сорок верхневолжских карел. О схожести изображений оленя в башкирской и карельской вышивке упоминает Г.С.Маслова: "Ближайшими аналогиями этого же образа оленя... являются олени в узорах башкирских " хараусов" ... Трактовка оленя и дерева роднит башкирские узоры с карельскими; техника вышивки косым стежком, материал и расцветка также очень близки" [12, с.48-50]. Стилистически близкие образцы можно встретить в русской и, особенно, марийской вышивке. В несколько измененном виде предстает композиция с конями в чувашской вышивке, а для хантыйской она не характерна. Из вышесказанного очевидно, что ареалы распространения стилистически близких между собой геральдических изображений птиц, с одной стороны, и животных – с другой не совпадают. Вероятно, это дает нам основания дифференцировать финно-угорскую основу орнамента хараусов на собственно финскую и собственно угорскую составляющие.

Происхождение геральдической композиции. Являются ли рассмотренные нами геральдические композиции собственной традицией финно-угорских народов? Почти полное отсутствие ее в орнаменте финнов и прибалто-финских народов, а также удмуртов и коми – с одной стороны, и у ближайших соседей обских угров в Западной Сибири – с другой, ставит под сомнение такое предположение. На тот факт, что ареал ее распространения локализуется в Поволжье, не раз обращали внимание исследователи А.О.Гейкель, С.В.Иванов, В.В.Ставов отмечал отсутствие у западных финнов изображений животных [23, с.XIII]).

Эти обстоятельства, а также тот факт, что в искусстве Востока эта композиция была широко распространена и имела глубокие исторические корни, подсказывали им искать истоки этой традиции на юге и на востоке. Практически все исследователи считали, что она – восточного происхождения, но они могли расходиться во мнении относительно времени ее проникновения к народам Волго-Уральского региона. С.И.Руденко, касаясь вопросов происхождения в башкирской культуре оригинальных узоров на хараусах, предполагал, что этот "... древний переднеазиатский мотив священного дерева и стоящих по обе стороны животных через кочевническую среду мог рано проникнуть в бассейн Оби" [21, с.305], но, к сожалению, С.И.Руденко не уточнил, кого он имел в виду под кочевниками и как рано могло произойти такое заимствование. А также он допускал, что среди народов Поволжья изображения парных фигур птиц могли быть заимствованы от обских угров: "Шов, которым выполнены узоры на башкирских *харауыс* чуваш

называют "хантыс". Не указывает ли это на то, что данная техника шитья вместе с соответствующими ей мотивами распространилась среди народностей Приуралья и Прикамья от хантов" [21, с.304]. Действительно, как уже было замечено, импульс "угорской" традиции в вышивке парных фигур птиц четко локализуется по самобытности и полноте воплощения во множестве специфических черт – в вышивке хантов и зауральских башкир. Но считать угорскую среду "родиной" рассматриваемого сюжета не позволяют факты, на которые обратил внимание С.В.Иванов: "В западной Сибири у ближайших и более отдаленных соседей обских угров геральдические изображения птиц полностью отсутствуют. Но к западу от Урала мы находим их в орнаменте многих народов европейской части СССР" [6, с.90]. Он же упоминает мнение И.Тикканена о том, что "животные мотивы" чужды вышивке обских угров [6, с.92]. Могло ли случиться, что, будучи заимствованной от обских угров, ближайшая параллель эта традиция нашла не в культуре близких по языку финно-угорских народов, а в культуре тюркоязычных башкир и чувашей?

С.В.Иванов, вслед за другими исследователями (И.Н.Смирновым, П.В.Денисовым), считал, что подобные изображения распространились среди народов Поволжья и Приуралья в средневековье под влиянием привозимых (главным образом византийских) тканей. Посредниками в распространении, по его мнению, были булгары, а после – низовые чуваша [6, с.92]. Это предположение уязвимо и вызывает ряд возражений.

1. Принимая его, следовало бы ожидать, что именно в вышивке чувашей и их ближайших соседей такая композиция должна встречаться наиболее массово и в близких между собой формах, а в более удаленных районах эта традиция должна ослабевать, что выражалось бы в постепенном размывании стилистической специфики по мере географической, этноязыковой, культурной отдаленности. В действительности мы имеем прямо противоположный результат.

2. Весьма сомнительна сама возможность заимствования традиционным орнаментом узора покупных тканей, так как:

а) в традиционном орнаменте башкир и других народов изображение птиц вписано в треугольник, что вполне соответствует обычному расположению композиции бордюрной полосой, когда зигзаг разбивает ее пространство на равные треугольники с повторяющимся орнаментом. А в византийских шелках (впрочем, как и в согдийских, иранских, египетских) геральдические композиции заключались в медальон, что соответствовало задаче равномерного заполнения орнаментом

пространства полотна. В вышивке обских угров также встречается сплошное заполнение этим мотивом достаточно большого участка на одежде, но это достигается путем построения ромбической сетки, где композиция, вписанная по традиции в треугольник, удваивается вдоль горизонтальной оси, образуя ромб;

б) геральдические изображения на византийских тканях разительно отличаются от рассматриваемого этнографического материала трактовкой изображений. Это проявлялось в отсутствии солярных знаков и других архаических черт, устойчивых в этнографических материалах разных народов. Вместо архаических деталей животные в привозных тканях имеют дополнения декоративные, узорчатые, их изображения детализируются, что также не соответствует их обобщенной, крайне стилизованной трактовке в народной вышивке. В орнаменте тканей животные изображались в динамике: вздыбленные фигуры, развернутые головы. В традиционном орнаменте, который мы рассматриваем, фигуры животных и птиц статичны. Трудно предположить, что разнообразные, вписанные в медальон изображения с шелковых или набивных тканей породили настолько же близкие между собой, насколько отличные от привозных образцов, вписанные в треугольник, со множеством специфических деталей – композиции в традиционном искусстве;

в) в традиционной вышивке геральдические композиции встречались в большинстве случаев на предметах, игравших на свадьбе символическую роль или просто входивших в свадебный костюм. Известен также жреческий кафтан, украшенный подобным орнаментом. Названные предметы наиболее устойчиво сохраняют древние традиции и наименее чувствительны к любым новейшим влияниям;

г) дорогие шелковые ткани не могли иметь массового распространения, достаточного, чтобы создать традицию столь устойчивую в орнаменте разных народов. В случае использования шелковых фрагментов в одежде материал разрезался на лоскуты без внимания к его рисунку, исключения делались лишь для птиц [7, с.8]. Последнее обстоятельство являлось, скорее всего, не источником описываемой традиции, а лишь следствием ее бытования.

Рассматривая происхождение в башкирском орнаменте композиции из противостоящих птиц или животных, считаю целесообразным задержаться на рассмотрении вопроса о появлении ее как в искусстве финно-угорских народов Волго-Уралья и Западной Сибири, так и в русском орнаменте, так как из вышеизложенного сравнительного ма-

териала очевидно, что они имеют множество общих черт и восходят к единой в своей основе традиции.

В.В.Стасов, рассматривая параллели между орнаментом северорусской вышивки и иранскими ("персидскими") образцами исключал возможность распространения этих восточных мотивов в русском орнаменте через посредничество Византии: "...можно было бы производить вообще всю нашу орнаментистику от византийских образцов, заключающих в себе значительную массу персидских элементов. Но с этим нельзя согласиться по той причине, что в византийскую орнаментистику вошли не все, а лишь некоторые персидские мотивы (повторяемые зато необыкновенно часто и много); между тем как в наших орнаментах мы встречаем гораздо большее число персидских мотивов, – многое, вовсе не вошедшее в употребление у византийских художников: значит, заимствование произошло другим путем, помимо Византии – по нашему убеждению, раньше нашего знакомства с Византией" [23, с.XV–XVI]. Он подчеркивал особую близость орнамента вышивок русского Севера и горных таджиков, предполагая, что в орнаменте финно-угорских народов и русских сюжет парных фигур птиц или животных – заимствованный [24, с.044, 045]. Период, когда могло произойти такое заимствование, он определяет от Рождества Христова до распространения Ислама [23, с.XVI]. С.В.Иванов также допускает, что эта орнаментальная традиция могла быть усвоена народами Волго-Уралья еще в добулгарское время " ...когда роль посредников между народами Востока, Приуралья и Поволжья принадлежала сарматским и аланским племенам" [6, с.93].

Первым, кто обратил внимание на близость трактовки геральдической композиции с птицами в вышивке горных таджиков и русского Севера был граф А.А.Бобринский. Он называл ее одним из "самых древних и распространенных орнаментов Азии" и отмечал ее популярность в искусстве Ассирии, Персии, Индии [2, с.16]. Анализируя сюжеты северорусской вышивки, В.А.Городцов пришел к выводу, что отдаленные параллели им можно встретить в археологии скифской культуры, более близкие – в сарматской и, наконец, ближайшие – в искусстве даков [5, с.20–27]. При том что эти положения недостаточно доказательны, они представляются весьма любопытными, если учесть, что почти полное соответствие сюжету и стилю северорусской вышивки можно найти в искусстве румын, которые своим этногенезом восходят к гето-дакийскому населению.

Учитывая отсутствие у тюркских народов Средней Азии подобных композиций из пары симметричных птиц в комплексе перечисленных

признаков (материал, техника, колорит и др.), а также тот факт, что горные таджики не имели возможности контактировать с народами Урало-Поволжья в течение многих столетий, приходится исключить возможность их постепенного распространения от таджиков до народов Волго-Уральского региона в средневековье. Вероятно, единственным объяснением выявленной общности может быть предположение о том, что в орнаменте названных народов единая традиция закрепились до IV века н.э., т. е. в период, когда на границе леса и степи Восточной Европы контактировали финно-угорские и ираноязычные племена. К моменту гуннского вторжения эта художественная традиция должна была не только успеть сложиться, но и основательно закрепиться. Исходя из вышесказанного можно предположить, что время ее возникновения в вышивке – не позднее рубежа эпох. С высказанными мнениями об иранских корнях геральдических изображений согласуется присутствие в гоблях* туркменских ворсовых ковров крайне стилизованных геральдических композиций из птиц. В.Г.Мошкова считала бытование среди тюркских народов Средней Азии ворсового ковроткачества вкладом аборигенного ираноязычного населения: "...туркмены и некоторые группы узбеков, казахов, киргизов и каракалпаков, видимо, усвоили навыки ворсового ковроткачества в процессе общения и слияния с аборигенными скотоводческими народами Средней Азии – парфянскими племенами, сарматами, аланами и др., среди которых главным образом и было развито ковроделие" [16, с.12].

Предположение о восточном происхождении композиции из парных птиц подтверждает археологический материал. Геральдические изображения животных и птиц широко известны в искусстве ираноязычных кочевников (I тыс. до н.э. – первые века н.э.). Композиция подобного рода могла быть использована для украшения головного убора, например, в диадеме из Хохлача с предстоящими перед деревом оленями. Геральдические животные с согдийского шелка (IV-IX вв.) имеют ряд общих черт в трактовке с вышеописанными образцами вышивки (рис. III, 13).

В древнем искусстве финно-угорских племен геральдические изображения не были популярным мотивом. Парные изображения животных были у них распространены в виде коньковых подвесок (головы животных были обращены в противоположные стороны). Такие подвески особое распространение получили лишь в средневековье. Трехчастные композиции с центральной фигурой и обращенными к ней

* Гобль – крупная розетка в орнаменте туркменских ковров.

симметричными животными встречались реже (чаще всего на гребнях и кресалах). Оригинальный вариант композиции геральдического строя известен в искусстве пермского звериного стиля. Но он не мог быть основой для рассматриваемых сюжетов вышивки, так как:

- в искусстве финно-пермских народов геральдические композиции наименее распространены;

- пермская металлопластика и вышитые изображения имеют резкие различия в иконографии.

Итак, сюжет парных фигур птиц в вышивке народов Волго-Уралья восходит к традициям иранских племен, которые активно контактировали со славянскими, финно-угорскими племенами. Их влияние прослеживается во многих областях культуры: в языке, мифологии, орнаменте, costume и др. Следствием контактов с иранским миром было широкое распространение произведений скифо-сибирского звериного стиля, "...изделия степняков поступали на север в Прикамье, и на побережье Белого моря" [22, с.246], известны они и в Томском и Среднем Приобье [20, с.240]. Искусство ранних кочевников оказывало известное влияние и на искусство местного населения I тыс. до н.э. (этот процесс уже ощутим в ананьинской культуре). Наглядным примером продолжения иранских художественных традиций в культуре местных племен может служить "звериный стиль" кара-абызской культуры (IV в. до н.э.—III в. н.э.).

Трудно утверждать, какие именно иранские племена участвовали в передаче финно-угорскому населению Южного Урала и Северного Казахстана своих культурных традиций, потому что их искусство имело устойчивую сюжетную основу, которую они вынесли из недр традиций искусства древнего Востока. Трудно также предполагать, какой характер имели контакты ираноязычного населения с финно-угорскими племенами, т.е. каков был механизм передачи традиций. Навыки счетных вышивок и соответствующие им сложные орнаментальные мотивы могли быть заимствованы либо при торговых обменах под влиянием приобретаемых, украшенных вышивкой предметов, либо при участии ираноязычного населения в формировании финно-угорских народов. Первый вариант маловероятен, так как общность обнаруживается не только в орнаменте, но и в costume, который он украшает. Второй вариант преждевременно считать окончательным ответом на поставленный вопрос, так как он ставит проблему этногенетического плана.

В искусство Европы рассматриваемый сюжет мог попасть достаточно рано, так как известно, что вавилонские, египетские и фригийские вышивки вывозились купцами в Грецию и Рим [4, с.6]. Подлинным проводником традиций искусства Востока на Запад стала Византия. В различных видах византийского прикладного искусства сюжет парных животных, предстоящих перед деревом, был излюбленным. Особой популярности восточных мотивов в искусстве Византии способствовала идеология иконоборчества, не допускавшая изображений сюжетов христианской мифологии. Большую роль в распространении восточных традиций сыграли крестоносцы, завозившие в Европу произведения декоративно-прикладного искусства: восточные ткани, эмали и др. Л.А.Лелеков по поводу реминисценций звериного стиля в искусстве Европы писал: "Со становлением мощных ремесленных центров средневековья, таких как Регенсбург и Лимож на Западе, Багдад, Рей, Фустат на Востоке, этот процесс обрел гигантские общемировые масштабы...", и далее: "Так древние сюжеты и образы звериного стиля в X–XIII вв. наводнили весь средневековый мир и образовали особый межнациональный изобразительный язык" [10, с. 265, 266].

В XIV в. Италия, наследовавшая в орнаменте византийские традиции, становится крупнейшим экспортером текстильной продукции: "Мастерские Лукки, Венеции, Флоренции вывозят свои изделия в западноевропейские страны и на Восток" [4, с.12]. Влияние традиций восточного искусства, видимо, не ограничивалось древнейшими этапами истории, но продолжалось в течение всего средневековья. Так, на полотнах итальянского Возрождения можно встретить изображения вполне "восточных" по орнаменту ковров, "... в Афинах и Данциге создавались специальные мастерские по имитации арабо-персидских ковров и тканей..." [10, с.265]. Следовательно, восточный мотив со всеми специфическими стилистическими особенностями имел все возможности распространиться в Европе.

Из вышесказанного следует, что геральдическая композиция в орнаменте башкир является частью древнего орнаментального комплекса, известного тюркским народам Поволжья и Урала, Средней Азии, финно-угорским народам Поволжья и Западной Сибири, народам Европы и Кавказа, горным таджикам. Широкие связи ираноязычных кочевников с центрами цивилизаций Европы и Азии, роль маршрутов шелкового пути, связавших Европу, Малую, Среднюю, Центральную Азию, Китай, Индию, Кавказ, Поволжье и Приуралье, а также роль Византии и крестоносцев в распространении восточных мотивов в искусстве Европы, а затем и средневековых ремесленных центров,

делают понятным, каким образом эта композиция получает широчайшее распространение в близких формах на Евразийском пространстве, в культуре не родственных по языку народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г.* Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964.
2. *Бобринский А.А.* Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара). М., 1900.
3. *Венгерское народное искусство: Альбом.* Будапешт, 1954.
4. *Верховская А.С.* Западноевропейская вышивка в Эрмитаже. Л., 1961.
5. *Городцов В.А.* Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. М., 1926. Вып.1. (ТГИМ).
6. *Иванов С.В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.;Л., 1963.
7. *Иерусалимская А.А.* Кавказ на шелковом пути (каталог временной выставки) СПб., 1992. (Гос.Эрмитаж).
8. *Косменко А.П.* Народное изобразительное искусство вепсов. Л., 1984.
9. *Крюкова Т.А.* Марийская вышивка. Л., 1951.
10. *Лелеков Л.А.* Наследие звериного стиля в искусстве средневековья и Древней Руси // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
11. *Мартьянов В.Н.* Мордовская народная вышивка. Саранск, 1991.
12. *Маслова Г.С.* Народный орнамент верхневолжских карел. М., 1951.
13. *Маслова Г.С.* Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978.
14. *Маслова Г.С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX- начала XX в. М., 1984.
15. *Меджитова Э.* Марийское народное искусство. Йошкар-Ола, 1985.
16. *Мошкова В.Г.* Ковры Средней Азии. Ташкент, 1970.
17. *Народное искусство Коми: Альбом.* М., 1992.
18. *Народное искусство Российской Федерации: Альбом.* Л., 1981. (Из собрания Государственного музея этнографии народов СССР).
19. *Никитин Г.А., Крюкова Т.А.* Чувашское народное изобразительное искусство. Чебоксары, 1960.

20. *Плетнева Л.М.* Предметы звериного стиля в Среднем Приобье // Скифо-сибирский стиль в искусстве народов Евразии: Сб. ст. М., 1976.
21. *Руденко С.И.* Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.;Л., 1955.
22. *Смирнов А.П.* Реминисценции скифского звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
23. *Стасов В.В.* Русский народный орнамент: Альбом. Вып.1: Шитье, ткани, кружева. СПб., 1872.
24. *Стасов В.В.* Отзыв о премированных сочинениях: Орнаменты горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара) Графа Бобринского. М., 1900.
25. *Трофимов А.А.* Орнамент чувашской народной вышивки. Чебоксары, 1977.
26. *Arta Populara in Republika Populara Romina.* 1957.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БГХМ – Башкирский Государственный художественный музей им. М.В. Нестерова (г.Уфа)
- ГМИНВ – Государственный музей искусства народов Востока
- МАЭ – Музей археологии и этнографии (г.Уфа)
- НМРБ – Национальный музей Республики Башкортостан (г.Уфа)
- РЭМ – Российский этнографический музей (г. С.-Петербург)
- ТГИМ – Труды Государственного исторического музея

ЖЕНСКИЕ КАЛФАКИ У БАШКИР И ТАТАР БАШКОРТОСТАНА (по материалам музейных коллекций)

Головной убор являлся неотъемлемой частью женского и девичьего костюма. Обычай покрывать голову, прятать волосы у взрослых женщин уходит своими корнями в древние религиозные верования. Появление на людях с непокрытой головой было крайне редким явлением. Набор головных уборов был разнообразен. Он регламентировался народными обычаями в соответствии с возрастом и социальным статусом женщины.

Самыми распространенными (не считая платка) головными уборами башкирок и татарок в северных районах Башкортостана были калпаки* (*калпак*, *калфак*). Одни представляли собой мешочки, другие – плоские шапочки. В 50-60-е годы XX в. их можно было увидеть на женщинах молодого и среднего возраста во время сабантуев и других празднеств. Память об этом головном уборе жива в народе до сих пор. Вместе с другими предметами старины калпаки бережно хранятся в некоторых сельских и городских семьях и входят в число редких образцов народного творчества. Наиболее полно эти головные уборы представлены в собраниях музеев.

В настоящей статье рассматриваются коллекции Музея археологии и этнографии УНЦ РАН (МАЭ), Башкирского государственного историко-краеведческого музея (БГИКМ) (ныне головного учреждения Национального музея Республики Башкортостан), Башкирского государственного художественного музея им. М.В.Нестерова (БГХМ) в г.Уфе и Российского Этнографического музея (РЭМ) в г.Санкт-Петербурге.

В Музее археологии и этнографии хранятся около 15 калпбков. Большинство из них было собрано в экспедициях в 80-е годы нынешнего столетия (№ 25-33, 38-26, 38-31, 38-32, 40-1 и др.), отдельные экземпляры были приобретены или получены в дар от жителей г.Уфы (№ 861-1,2,3; 863-1).

Среди калпаков МАЭ выделяются два маленьких плоских калпачка (*бәләкәй калпак*), привезенные из башкирской деревни Шокурово Нижнесергинского района Свердловской области (№ 38-31,38-32). Один из них (№ 38-31) приобретен в 1984 г. у пожилой женщины

* Здесь и далее орфография дана по произношению местных жителей.

А.Ахатовой, которая до недавнего времени надевала его на праздники и в гости. Дно и ободок-околыш калпбка сделаны из картона и обтянуты черным сатином. Плоское круглое доньшко имеет диаметр 11 см. Низкий околыш (высота 3,5 см) слегка сужается к затылку. Крепился калпак на голове двумя петлями – одну пропускали под подбородком, вторую – под косой. Надевали его слегка набок, а поверх повязывали платок. Переднюю часть калпбка старались украсить как можно ярче. Здесь она обтянута бархатом и вышита серебряной нитью. Узор напоминает раскрытые крылья бабочки. От края ободка свисают 6 скрученных из металлической нити подвесок.

Другой женский калпак также имеет круглое и плоское дно (диаметр 10 см) и ободок-околыш (3 см) из черного сатина, укрепленного картоном. Для украшения использован мелкий бисер белого и зеленого цвета. В рисунке вышивки сочетаются растительные и геометрические (овал, треугольник и др.) мотивы.

Редкий экземпляр татарского калпака – *калфак-энже* хранится в фондах МАЭ (№ 861-1). Изготовлен он из темно-синего бархата, широкий (5 см) ободок-околыш, укрепленный картоном, сужается к затылку. Плоская мягкая тулья слегка овальной формы присборена спереди и сзади. К затылку она сужается и слегка нависает. *Калфак* украшен растительным узором, выполненным жемчугом (отсюда и название головного убора – *энже*). Жемчужные цветы сначала крепили на картоне, а затем пришивали к калпаку. Сочетание бусин мелкого и среднего размеров придает узору особую объемность. *Калфак* носила зажиточная уфимская татарка. В музей головной убор передан внучкой владелицы – З.А.Мамаевой. По ее сведениям, он хранился в их семье с конца прошлого столетия.

Темно-бордовый бархатный калфак (№ 861-3) был изготовлен в г.Уфе в 30-40-е годы XX в. Твердый околыш (2,5 см) и мягкая тулья (18 см) вышиты растительным узором, выполненным желтой металлической нитью. В литературе такая техника называется "золотошвейной". Узор на околыше состоит из расположенных в ряд цветов. Тулья украшена большим букетом, чуть смещенным вправо. Несимметричность узора связана с манерой ношения убора: тулья заламывалась в сторону, так что весь букет оказывался на виду. На голове *калфак* держался при помощи трех пришитых к околышу крючков, цеплявшихся за волосы.

Небольшой *калпак* (№ 861-2) из темно-синего бархата носили с обрядовой одеждой, надеваемой на похороны. Он украшен вышивкой металлической нитью и мелкими блестками желтого цвета. По околы-

шу (3,5 см) расположен растительный орнамент в виде ветви. В полукруглом изгибе тульи (высота 19,5 см) помещен маленький букетик. Вышивка выполнена по бумажному трафарету.

Мягкий *каптак* из темно-коричневого бархата (№ 40-1) был приобретен в башкирской д.Абзаново Зианчуринского района. Его носили в начале XX в. Украшением высокого (4,5 см) твердого околыша и мягкой тульи (15 см высотой и 13 см шириной) служит белый молочный бисер. Плотно вышитые листья по околышу придают головному убору особую праздничность. Перевернутая бисерная ветвь на тулье органично вписывается в общую орнаментальную композицию.

Н.И.Воробьев, описывая подобные *калфáки* у татар, сообщал, что, надевая их, женщины высоко поднимали прическу [1, с.279]. Мягкая часть мешочка-тульи откидывалась либо назад, либо набок, в зависимости от моды. Иногда свисающая тулья прикреплялась к околышу. Подобным образом шит небольшой *калфáчок*, привезенный экспедицией МАЭ в 1995 г. из д.Старо-Кангышево Дюртюлинского района. Он был приобретен в татарской семье. Для украшения околыша (шириной 5 см) использовали блестящий сине-фиолетовый бисер. В центре вышит большой выпуклый цветок, по обе стороны от которого расположены бутоны. Сочетание темно-бордового бархата и синего бисера выглядит очень эффектно.

Украшением золотистого бархатного *капáка* (№ 38-26) из башкирской д.Юкшур Бардымского района Пермской области служит вышивка металлической нитью. На высоком (4 см) околыше диагональными полосами расположен узор из листьев, перемежающийся с тремя рядами монет, пришитых по три. Над околышем небольшой полукруг растительного орнамента, внутри которого прикреплены две монетки. Сзади к околышу пришита нить в виде петли, пропускаемая, видимо, под косу.

Украшение небольших *капáчков* монетками у башкир встречается часто. У черного бархатного *капáка* (№ ОФ 3178) из БГИКМ монеты нашиты по низкому околышу (2,5 см) и на правой половине тульи (18 см шириной и высотой). Судя по монетам, головной убор приобретен в XIX в.

Иногда монетки пришивают к краю околыша, и они свисают над лбом. Подобным способом украшен плоский *калфáк*, который хранится в Художественном музее им.М.В.Нестерова (№ 319). Он был привезен в 1968 г. из мишарской д.Насибаш Салаватского района. Его купили в доме, где жила башкирская невестка *килен*. Кроме монет головной

убор украшен по низкому ободку-околышу (2 см) фигурными нашивками из низкопробного серебра. Сшит из черного сатина.

В БГХМ хранятся еще два *калфака* (№ 204,304) и одна заготовка (№ 305). Один из них (№ 204) приобретен в 1927 г. у жительницы г.Уфы, татарки по происхождению. Он представляет собой мешок (29x43 см) без твердого околыша. Сшит из чередующихся поперечных полос бархата: трех узких темно-красного цвета и трех широких – фиолетового. Каждая полоса отделена синелькой бело-желтого цвета, собранной в густую волнистую линию. пышен декор убора. Разноцветные "астры" и "георгины" на полосах бархата выполнены в технике "ушко". Эта техника, по Адлеру, бытовала у татар в 60-е годы прошлого столетия, а позже была забыта. При помощи атласных ленточек, свернутых и прикрепленных в виде цветка, вышивальщица создала целый "волшебный сад". Цветы с остроконечными игольчатыми лепестками перемежаются с жемчужными. Их дополняют звезды и листья, выполненные синелькой и тонкой металлической тесьмой. В одном *калфаке* мастерицей собрана вся палитра красок: от бледно-голубого до темно-фиолетового. Вместе с тем в отделке декора головного убора преобладают желтый, бледный и насыщенный розовый, бледно-зеленый и белый цвета. Нежные нашивные цветы и жемчуг контрастируют с насыщенными тонами бархатной основы.

Подобные *калпáки* из бархата могли носить только зажиточные татарки. Массового производства таких головных уборов, по-видимому, не было. Стоили они дорого и выполнялись на заказ искусными мастерицами. Центром по изготовлению бархатных *калфаков* была Казань. Отсюда их доставляли во многие города и деревни, где проживали татары.

Чрезвычайно интересна коллекция Башкирского историко-краеведческого музея (БГИКМ). В его хранилищах насчитывается около 30 *калпáков*. Основа этой коллекции была заложена Уфимским губернским музеем, приобретения которого уже тогда считались большой редкостью. Благодаря первым экспедициям БГИКМ имеет в своем собрании кроме бархатных ценные экземпляры старинных вязаных и сшитых шелковых *калпáков*.

Вязаные *калпáки* изготовлялись из белых хлопчато-бумажных нитей, отсюда и название *ак калпак*. Музейные *калфаки* (№ NO 3106, OF 3005) представляют из себя длинные мешочки (80 и 49 см), заканчивающиеся в одном случае тремя, в другом – одной кисточкой. При надевании на голову *калфак* складывали несколько раз, утолщая край убора. Иногда его в таком состоянии сшивали. Околыш (17 см) и тулья

(32 см) калпака № 3005 украшены вязаным геометрическим узором. Калпак № 3106 связан гладко.

Калпаки из тонких шелковых нитей (№ ОФ 4906, ОФ 3456) также длинные (62 и 38 см). При надевании они складывались. Первый из них – полосатый, украшен растительным узором из синельки. Второй – в основном однотонный (темно-сиреневый), лишь по околышу проходят полосы белого, черного, серого и сиреневого оттенков. Он украшен по центру крупными цветами. Для выпуклости под вышивку подложены кусочки ваты. Калпак вышит вкруговую.

В литературе имеются сведения, что подобные калпаки изготавливались в Москве [2, с.58]. Их хорошо помнят пожилые информаторы, так как видели или сами носили их в детстве.

Бархатных мягких *калпаков* в коллекции музея, как уже упоминалось, большинство. Здесь они собраны, разных размеров: от небольшой накладки до большого *калпака* с заломленной тульей. В украшении каждого из них видна индивидуальность. Используются "золотая" и "серебряная" нити, канитель, мишура, блестки, реже – бусины, бисер, искусственный жемчуг, монеты и др.

Согласно этнографическим источникам [2, с.59-60], вышивание металлической нитью производилось следующим образом: бархат сажался на простой материал, последний натягивался на ручные пальцы. Поверх закрепленного бархата пришивали бумажные рисунки с растительными мотивами и приступали к вышиванию.

Подобным способом был украшен бархатный *калпак* № ОФ 3019. Три вышитые на тулье ветви с плодом на концах смещены вправо. Головной убор привезен экспедицией 1920 г. из Чишминского района. Фиолетовый *калпак* состоит из низкого жесткого околыша (3,5 см) и мягкой тульи (26 см). Несмотря на большой размер, он на всю голову не надевался.

Темно-вишневый бархатный калпак № 6057/3 украшен канителью – тонкой металлической нитью в виде пружинки. Такой способ украшения требует много внимания и времени. Металлическая пружинка разрезается на мелкие части, которые в необходимом количестве вдеваются через тонкую иголку в нитку и крепятся на бархате. В описываемом *калпаке* такой техникой выполнены центральный цветок и листья. Для большей выпуклости этих элементов узора под них подложена вата.

Такие *калпаки* были широко распространены. Их любили носить как в городе, так и в деревне. Сегодня вряд ли найдется музей, экспозиция которого не была бы украшена подобными головными уборами.

Темно-красный бархатный *каптак* № 6888-1, украшенный "серебряной нитью", не единственный в собрании калфáков Российского этнографического музея г. Санкт-Петербурга (РЭМ). На нем выполнен узор, в народе называемый "петушинный хвост" (*этэс койрык*¹). Бытовал он у башкир Мензелинского уезда. Был приобретен в д.Мастеево¹. *Каптак* (выс. 23 см, шир. 21 см) являлся праздничным и надевался на свернутые на темени углом волосы с наклоном в правую сторону. Его не покрывали платком. Собиратель коллекции этнограф Т.А.Крюкова в описях отметила, что подобные головные уборы башкирки носили в конце прошлого столетия и позже.

В собраниях РЭМ насчитывается более 90 башкирских и татарских *калпáков*. Однако из них только шесть привезены с территории Башкирии.

Вязаный белый *каптак* *ак каптак* (№ 1002-13) был приобретен С.И.Руденко в 1905 г. в башкирской деревне Удык (Елпагир) Гайнинской башкирской дачи². Уже в то время такие *калпáки* встречались редко. Головной убор был связан чулком (114 см) с кисточкой на конце. Части его, которые при надевании складывались вовнутрь, были без рисунка, видимые же – украшались вязаным узором. *Каптак* надевался на всю голову и прикрывал волосы, при этом носили налобную повязку *ука-сэсэк* (№ 1002-42) – прямоугольную шелковую ткань (10x33 см) ярко розового цвета с серебряной бахромой.

Мишарский *ак каптак* (№ 2508-1) был привезен в 1909 г. из д.Подлубово Бирского уезда Уфимской губернии. Связан в той же технике, что и вышеописанный. Его размеры – 23 x 104 см. Носился с налобной повязкой *ука-чэчэк* (№ 2508-2). Это позументная полоса мишурного золота, к низу которой пришит шнур, плотно обвитый серебряной нитью, с завязками на концах. К подкладу налобной повязки пришит треугольный холщевый кусок ткани, подкладываемый под околыш *калфака*.

Вязаные *калфáки* подобного типа носили и татары. Один из них (№24932) имеется в фондах РЭМ. Он был привезен из Уфимской губернии в 1913 г.

В мишарской коллекции музея есть женский *калфак* (№ 2508-31), связанный в форме двойного полосатого мешочка (шир.23, дл.35 см) из шелковых ниток лилового, черного, зеленого и белого цветов. Оканчивается кисточкой. Головной убор был привезен в 1909 г. из

¹ Ныне территория Татарстана

² Ныне территория Пермской области.

д.Бураево Бирского уезда Уфимской губернии¹. Носился с налобной повязкой *калпак-карпу* из черного бархата прямоугольной формы (35x25 см), расшитого разноцветной синелью, блестками, канителью, металлической нитью. Узор вышивки, против обычного, не растительный, а геометрический.

Таким образом, музейные собрания предоставляют исследователю богатые возможности для изучения форм, покроя, способов украшения и ношения головных уборов. На основе изученного материала можно сделать следующие выводы.

Головной убор – калпак (*калпак*, *калфак*) входил как в татарский, так и в башкирский праздничный костюмный комплекс. До середины XX в. татарам в районах их расселения на территории Башкортостана он был известен повсеместно, башкирам – в большей степени на севере республики.

Как у башкир, так и у татар выделяется три вида калфáков: мягкий бархатный, плоский с круглым твердым ободком-околышем и вязаный длинный. Башкиры отдают предпочтение маленькому плоскому, татары – мягкому бархатному. Хотя бархатные калфáки полуовальной формы и небольших размеров нередко носили и башкирские женщины. Это подтверждает наличие их в башкирских коллекциях музеев. И в татарских, и в башкирских деревнях в начале XX в. носили длинные вязаные калфáки.

В способах украшения калфáков тоже были свои этнические особенности. Башкиры любили использовать бисер, монеты, разного рода металлические нашивки. В то же время они, как и татары, носили покупные калфáки, украшенные металлической нитью, канителью, блестками. Татары делали вышивки искусственным и натуральным жемчугом, бусинами, синелью, атласными лентами, реже – бисером.

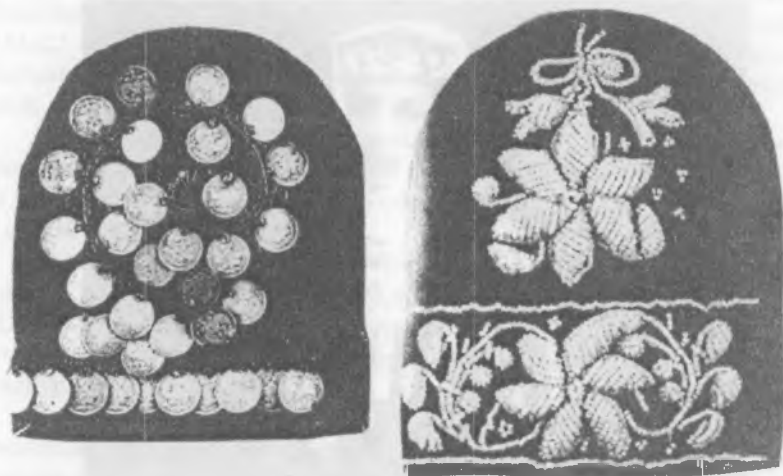
Выше были описаны отдельные экземпляры мишарских калфáков. Изучение последних дает возможность заметить сходство с башкирскими. Однако это предположение требует дальнейшей проверки с привлечением нового материала.

Последующее накопление и изучение источников, знакомство с фондами других музеев позволит дополнить описание женских калфáков у тюркских народов Поволжья.

¹ Ныне райцентр Бураевского района.

Р и с . 1. Девушка в татарском калфаке-энже (*энже калфак*)

Р и с . 2. Башкирские калпаки, украшенные монетками и бисером.
Из фондов БГНКМ

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воробьев Н. И.* Казанские татары. Казань, 1953.
2. *Обзор кустарных занятий в Казанской губернии.* Казань, 1896.

МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Как известно, главными функциями музея являются научно-исследовательская, научно-просветительская, экспозиционная, а также фондовая и учетно-хранительская работа. Эти направления оставались и остаются приоритетными и для Музея археологии и этнографии.

Характеристику деятельности музея по этим и другим направлениям, пожалуй, следует начать с экспозиционной и научно-просветительской работы, поскольку именно в начале 1990-х годов научный коллектив МАЭ работал над обновлением музейных экспозиций. Работы по переэкспозиции выставок были начаты в 1989 г. и завершены в июне 1992 г. Пересмотреть прежнюю музейную экспозицию, которая впервые открылась в конце 1980 г., нас побудили прежде всего поступившие в музейные фонды новейшие археологические и этнографические материалы, а также новые замыслы и идеи, которые родились у музейных работников в ходе эксплуатации прежней музейной экспозиции.

В целом археологические экспозиции претерпели не очень серьезные изменения. Существенным дополнением здесь стала выставка находок из ставших теперь знаменитыми Филипповских курганов сарматской эпохи (IV в. до н.э.). Незначительно были уточнены и дополнены новыми материалами экспозиции по средневековой археологии Южного Урала. Что же касается этнографических разделов, то здесь ситуация складывалась несколько иначе. Основная сложность заключалась в том, что данный раздел пришлось создавать практически заново: например, выставки, посвященные этногенезу, расогенезу и родоплеменному составу башкир, хозяйственным занятиям (разделы "Коневодство", "Бортничество", "Охота и рыболовство", "Земледелие"), типам жилищ, народным музыкальным инструментам башкир. К разряду нововведений следует также отнести также разделы, посвященные религиям и религиозным верованиям народов республики (выставки "Язычество", "Ислам", "Христианство"), а также традиционным культурам народов края (выставки "Традиционная одежда народов Башкортостана", "Этнический состав и расселение народов Южного Урала в начале XX века" и т.д.). В итоге авторам-экспозиционерам удалось спроектировать ценные в научном и художественном отноше-

ниях выставки, многообразно отражающие материальную и духовную культуру башкир и других народов республики. В разработке научной концепции и тематико-экспозиционных планов обновленных этнографических разделов принимали участие в основном научные сотрудники Отдела народов Урала (автор общей концепции – к.и.н. Р.И.Якупов, научный руководитель выставки – академик АН РБ П.Г. Кузеев). Научному коллективу Отдела удалось представить посетителям полноценные музейные экспозиции и выставки, научное содержание и художественное оформление которых получили высокую оценку ученых, специалистов музейного дела, представителей общественности.

В последнее время коллектив МАЭ активно использует возможности временных выставок. Так, за 1992-1996 гг. в музее были спроектированы и смонтированы 6 временных выставок: "Сокровища сарматских курганов", "Находки года" (по итогам ежегодных экспедиций МАЭ), "Женский костюм финно-угорских народов Башкортостана", "Народное искусство чувашей Башкортостана", "Русский мещанский быт начала XX века", "Вышивка в интерьере жилища". В апреле 1996 г. была впервые показана полная коллекция ювелирных украшений и предметов быта из сарматских курганов, включая отдельные уникальные раритеты, которые до этого не выставлялись.

В области массовой научно-просветительской работы¹ МАЭ проводит обзорные и тематические экскурсии по экспозициям и выставкам, лекции, тематические вечера. Очень интересной и перспективной в плане дальнейшего продолжения оказался цикл тематических театрализованных вечеров, посвященных культуре населяющих наш край народов. Первое такое мероприятие было проведено по культуре башкирского народа и у посетителей получило горячее одобрение и поддержку (автор сценария вечера: ст.-исследователь ОНУ Г.Р.Кутушева).

С 1992 г. МАЭ принимает посетителей 5 дней в неделю (вместо 2-х в предыдущие годы). Поэтому количество посетителей, приходящих в музей, возросло в несколько раз. Если в 80-е годы МАЭ в среднем принимал в год 4-5 тыс. экскурсантов, то в настоящее время эта цифра составляет около 15 тыс. Комментируя эти цифры, мы вправе говорить о том, что наш музей стал одним из самых посещаемых культурно-просветительских учреждений города и республики.

¹ Некоторый опыт, накопленный МАЭ в научно-просветительской работе, и задачи в этой области рассматриваются в статье И.В.Фроловой.

В целях популяризации своей деятельности, научных знаний и музейных коллекций музей выпустил несколько рекламных афиш, плакатов и буклетов. Так, в 1993-1994 гг. были выпущены в свет рекламный плакат и буклет-путеводитель. Популяризации музея в немалой мере способствуют и научные публикации. К таковым следует отнести начало издания серийных каталогов о коллекциях МАЭ. Пробным камнем в этом виде деятельности музея явилось издание в 1994 г. первого выпуска каталога археологических коллекций, хранящихся в музее по эпохам камня, бронзы и раннего железа (составитель каталога н.с. ОНУ Н.Г.Рутто). Второй выпуск каталога (по памятникам эпохи средневековья) вышел в 1997 г. В перспективе такие же каталоги будут выпущены по этнографическим собраниям музея.

Фондовая и научно-хранительская работа. Стержнем всякого музея, предметом гордости, а также постоянных забот являются его фонды, поскольку от их состояния зависят практически все направления музейной деятельности: и научно-исследовательская, и научно-просветительская, и выставочно-экспозиционная. Действительно, если музей располагает богатыми и разнообразными фондовыми предметами, он имеет реальные возможности организовать новые выставки, публиковать научные труды, альбомы, каталоги, буклеты, проводить разнообразную и интересную работу с посетителями.

Поэтому далеко не случайно работе по пополнению фондов новыми коллекциями, их своевременной паспортизации и инвентаризации в Музее археологии и этнографии придается огромное значение. Систематизацию фондовых коллекций, подготовку развернутых научных описаний и паспортов мы считаем чрезвычайно важной и ответственной. Ведь российские академические музеи испокон веков традиционно отличались и отличаются тем, что они аккумулируют не только обширные музейные собрания, но и подробнейшие коллекционные описания, а также фонды рукописей: полевые дневники, отчеты по экспедициям, чертежи, рисунки, фотоархив и т.д. По нашему твердому убеждению, важно не только сохранить для потомков сами музейные памятники, но и донести до них по возможности полную информацию о том, как эти предметы попали в музей, как они изготовлялись, как использовались в быту и т.д. В МАЭ паспортизировано и описано более 2/3 этнографических и 1/6 часть археологических коллекций. Процесс систематизации в фондах идет разными темпами. При этом мы придерживаемся общих принципов хранения и учета, принятых в музеях РФ. В практике музейной работы основополагающими остаются

положения Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, которые были одобрены Министерством культуры РФ в 1986 г.

В последние годы Музей большое значение придает проблеме каталогизации фондов. Мы считаем, что значение музея от этого только возрастает, поскольку благодаря каталогизации, во-первых, фонды Музея распределяются по определенной научно выверенной системе и, во-вторых, что очень важно, становятся доступными и доходят до широких кругов населения в виде печатной продукции. Такие каталоги, как было уже отмечено, Музеем изданы по археологическим собраниям.

Музей предпринимает энергичные усилия по компьютеризации фондов, а в перспективе – всех видов музейной деятельности. По данной проблеме 2 сотрудника МАЭ в октябре 1995 г. прошли 10-дневную специализированную стажировку в Российском этнографическом музее (г.С-Петербург), наладили деловые связи и контакты с разработчиками музейных компьютерных программ. В апреле 1996 г. ученый совет ОНУ заслушал и утвердил календарный план поэтапной компьютеризации МАЭ, и прежде всего музейных фондов, рассчитанный на 5 лет. Тем не менее приходится констатировать, что в этом вопросе одного желания Музея крайне недостаточно, нужна поддержка, прежде всего финансовая. Второй год на рассмотрение республиканского внебюджетного фонда технологического развития и поддержки новых проектов Музей вносит программу по систематизации, каталогизации и компьютеризации музейных фондов. Однако эта программа ждет своей реализации по сегодняшний день. Музей очень надеется, что АН РБ, УНЦ РАН прислушаются к нашим проблемам и изыщут возможность хотя бы для частичного финансирования этого проекта. Хотим мы этого или не хотим, нам все равно когда-нибудь придется браться за эту проблему.

Важной частью фондовой и научно-исследовательской работы МАЭ является комплектование фондов. СобираТЕЛЬСкая работа в 1991–1995 гг. осуществлялась в основном за счет плановых археолого-этнографических экспедиций, индивидуальных экспедиционных выездов, научных командировок, а также за счет целенаправленного сбора материалов среди населения. За отчетный период Музеем археологии и этнографии организованы и проведены 5 этнографических и 5 археологических экспедиций. В результате полевых исследований получены интересные материалы по памятникам эпохи бронзы в Бижбулякском, Аургазинском, Стерлитамакском и Давлекановском районах РБ, соб-

раны представительные этнографические коллекции по различным народам и этнографическим группам в западных, северо-западных, северо-восточных и юго-восточных районах Башкортостана и сопредельных территориях, включая Челябинскую, Свердловскую и Пермскую области. Итогом экспедиционных исследований МАЭ стало качественное и количественное изменение фондов, расширение тематики сбора экспонатов и т.д. Так, за 1991–1995 гг. этнографические фонды возросли на 691 единицу хранения, а археологические – на 300.

В целях ускорения пополнения этнографических фондов МАЭ новыми поступлениями Отделом разработан и принят к реализации долгосрочный план экспедиций и экспедиционных выездов на 1995–2000 гг., который предусматривает охватить экспедиционными исследованиями по возможности всю территорию РБ, а также ряд районов соседних областей и республик.

Научно-исследовательская работа в МАЭ осуществляется в виде разработки индивидуальных научно-исследовательских тем (в том числе на базе фондов МАЭ), подготовки научных отчетов по экспедициям, научных описаний, каталогов коллекций, научных и научно-методических статей в области музейного дела. На нынешнем этапе в музее разрабатываются такие научно-исследовательские темы, как "Эволюция чувашского народного костюма в многоэтнической среде Урало-Поволжья" (к.и.н. И.Г.Петров); "Традиционный женский костюм башкир и татар в Западном Башкортостане: к проблеме этнокультурных взаимодействий" (аспирант Г.Р.Кутушева); "Традиционные игры и развлечения у башкир" (н.с. Ф.Ш.Абсаликова); "Историко-культурные процессы населения Бельско-Уральского междуречья в эпоху поздней бронзы" (н.с. Н.Г.Рутто).

МАЭ совместно с Министерством народного образования РБ и Центром культуры учащейся молодежи РБ принимает активное участие в работе по пропаганде научных знаний и их внедрению в систему школьного образования и воспитания. Сотрудники ОНУ с МАЭ неоднократно выступали в качестве научных консультантов, составителей конкурсных программ, кураторов и принимали непосредственное участие в организации 4 республиканских фестивалей юных этнографов и фольклористов "Народные жемчужины". В этой связи отродно заметить, что в рамках научной конференции " Народы Башкортостана: этническое и культурное взаимодействие", которая была проведена Отделом народов Урала в мае 1996 г., с хорошей стороны себя показала "детская" секция по теме " Этнография и краеведение в школах РБ".

Основными докладчиками на этой секции были учащиеся школ из самых разных районов республики.

В целом можно с уверенностью говорить о том, что существование и взаимодействие в рамках одной организации музея и фундаментальных исследований полностью себя оправдало. Поэтому и в дальнейшем недопустимо ослабление каждого из этих двух составляющих компонентов. Напротив, целесообразно всячески развивать это сочетание, расширяя введение в научный и культурный оборот уникальные собрания МАЭ.

В то же время в деятельности ОНУ с МАЭ еще много недостатков, трудностей и неиспользованных возможностей. Думается, что реализация последних придаст новый импульс его деятельности.

Самая важная проблема МАЭ – недостаток производственных площадей и помещений. Фонды чрезвычайно перегружены, особенно археологические, в нарушение всяких норм допускается хранение разнотипных музейных памятников из дерева, текстиля, ткани, металлов в одних и тех же помещениях. Во всех фондовых помещениях нет дневного света, нет системы воздухообмена и автономного регулирования температурно-влажностного режима. В этих условиях длительность хранения катастрофически сокращается. Наносится колоссальный ущерб памятникам истории и культуры. Еще больший ущерб наносится науке, так как вещи преждевременно выходят из научного оборота. Тем самым музей лишается возможности на высоком уровне выполнять свою главную функцию – сберечь и сохранить для будущих поколений бесценные памятники истории и культуры. По существу, сегодня хранилища МАЭ представляют кладовые, а не научные лаборатории по изучению и сохранению музейных раритетов, как должно было бы быть. По элементарным нормам музейный комплекс в нормальной конфигурации должен включать зону хранилища, зону централизованного учета фондов и хранения документации, зону консервации, зону работы фондовых работников и обслуживания посетителей.

На плановую основу следует поставить работу по комплектованию фондов – археологических, антропологических, этнографических. С точки зрения исторического масштаба времени накопленные в МАЭ фонды, какими бы значительными и ценными они ни казались, лишь начало огромной, но очень важной работы по созданию корпуса источников по истории и истории культуры одного из интереснейших ареалов в Евразии, каким является Башкортостан. Башкирия – это сердце Евразии, вернее евразийского пространства России. Здесь с

древнейших времен контактировали и взаимодействовали самые разные мировые потоки культуры и цивилизации: индоиранская, уральская (финно-угорская), алтайская (тюркская и тюрко-монгольская), индоевропейская (восточнославянская). И, наконец, здесь в условиях сложного взаимодействия и синтеза различных этносов и культур протекала тысячелетняя история башкирского народа и сложилась его культура.

Башкортостан с XVI–XVII вв. является одним из самых многонациональных регионов. Здесь накоплен бесценный и во многом уникальный исторический опыт сотрудничества разных по происхождению и культуре народов. Всем сказанным объясняется возрастающий интерес к истории отечественной и мировой науки, к истории и культуре Южного Урала, к территории и народам Башкортостана. Для историко-этнографического обеспечения таких исследований, естественно, необходимы более интенсивные полевые работы, накопление более обширных коллекций. Особенно важно организовать форсированное накопление этнографических коллекций, так как многие предметы традиционной культуры безвозвратно исчезают. Для этого необходимо организовать постоянно действующие экспедиции, работающие все сезоны года; на регулярную основу поставить работу фондово-закупочной комиссии Музея и т.д. Для репрезентативного показа культур народов Башкортостана (а также имея в виду перспективы создания музея-скансена) этнографические фонды должны возрасти примерно в 4-5 раз, т.е. включать более 10 тыс. ед.хр. (в настоящее время в МАЭ – 2,5 тыс. ед.хр.). В фондах должны быть представлены культура и быт всех без исключения народов РБ, при сохранении акцента на накоплении коллекций по культуре и быту башкир. Кроме плановых экспедиций МАЭ необходимо шире использовать возможности сети местных корреспондентов и стационарных пунктов. Для реализации этой задачи МАЭ нуждается в своем транспорте, в первую очередь микробуса или автобуса повышенной проходимости.

В существенном обновлении нуждается экспедиционное снаряжение и оборудование фондов. Имеющееся в ОНУ с МАЭ экспедиционное оборудование сильно изношено, обеспечивает потребности лишь одного экспедиционного отряда из 4-6 человек.

Важной для ОНУ с МАЭ задачей является разработка научной концепции и столь сложного и во многом уникального учреждения, которое одновременно является научным и музейным учреждением.

Приоритетным направлением деятельности МАЭ следует считать внедрение в музейную практику современных технологий и технических средств, в первую очередь ЭВМ. ОНУ с МАЭ имеет 5 компьютеров, которые в основном используются научно-исследовательскими секторами. Компьютеры необходимо иметь в фондах (археологических, этнографических, антропологических, в фото-, кино- и фоноархиве, в научном архиве).

Сегодня можно с удовлетворением сказать, что главная цель достигнута – создан музей. Создан не просто музей как хранилище исторических, культурных ценностей, а сформировался академический музей с хорошо организованными фондами, с интересной и репрезентативной экспозицией, с высоким уровнем научно-просветительской работы.

Рядом, в одних и тех же стенах, успешно развивается академическая наука. Исследования и музейно-фондовая деятельность постоянно взаимодействуют. Этнологическими исследованиями постепенно охватываются все народы Башкортостана, активизируются этносоциологические и этнополитологические исследования. Вне всякого сомнения, сочетание академической науки и академического музея создает тип совершенно уникального учреждения, которых в России не так уж и много, но которые относятся к наиболее плодотворно действующим научным центрам.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ В МУЗЕЕ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Научно-собираТЕЛЬская работа относится к числу основополагающих направлений деятельности музея. И это вполне объяснимо, поскольку целенаправленная работа по сбору музейных памятников и составлению соответствующих научно подобранных коллекций не только формирует сами музейные фонды, но и помогает отобрать ту часть опредмеченной культуры, которую потом нужно сохранить и показать с помощью музейных средств [1, с.3]. С другой стороны, на научно-собираТЕЛЬской деятельности замыкаются все остальные виды музейной работы – и научно-исследовательская, и экспозиционная, и учетно-хранительская.

За 20-летнюю историю своего существования Музей археологии и этнографии Уфимского научного центра РАН стал одним из крупнейших хранилищ историко-культурных памятников южноуральского региона, начиная с древнейших доисторических времен до современности. В целом коллекции МАЭ образуют внушительный корпус источников, помогающих раскрыть тысячелетнюю историю народов и историю культуры на территории Южного Урала, располагающегося на границе Европы и Азии – зоны, где в разное время контактировали и взаимодействовали носители различных культурных потоков и цивилизаций, проходило становление и формирование современных этносов.

На сегодняшний день в фондах МАЭ сосредоточены археологические (885 коллекций, 180 тыс. ед. хр.), этнографические (75 коллекций, 2500 ед.хр.) и антропологические (1200 ед.хр.) коллекции. В музее есть также своя "особая кладовая" – фонд драгметаллов, который насчитывает 2470 ед.хр. Архив полевых документов и фотоматериалов имеется пока только в археологических фондах, а в этнографическом находится в стадии становления. Даже суммарный показ количественного состава фондовых коллекций позволяет говорить о том, что Музей археологии и этнографии сегодня является хранилищем ценнейших материалов, обладающих неоценимым культурологическим и научно-информационным потенциалом. И это, пожалуй, и есть один из главных итогов деятельности музея.

Исходя из специфики имеющихся фондов основными направлениями научно-собирательской деятельности МАЭ являются комплектование соответственно археологических, этнографических и антропологических коллекций. Накопление этнографических фондов с момента основания музея осуществляется в основном музейными работниками и сотрудниками Отдела народов Урала. В период создания музея и организации собственных фондов неоценимую помощь по их комплектованию оказали научные сотрудники отделов археологии и этнографии ИИЯЛ УНЦ РАН. Предметные фонды и фототека пополняются экспонатами, связанным в основном с исследовательскими темами сотрудников ОНУ с МАЭ. Что же касается двух остальных фондов, то их пополнение осуществляется в основном за счет материалов экспедиционных исследований Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, городского центра детского творчества, БашГУ, БГПИ и др.

В данной статье рассматриваются итоги, перспективы и проблемы сбора в основном этнографических коллекций музея. В настоящее время в МАЭ в этнографических фондах насчитывается 75 коллекций, что в совокупности составляет 2500 ед. хр. Все эти коллекции собраны научными сотрудниками Института истории, языка и литературы, Музея, а также получены в дар или переданы из разных организаций и учреждений, в т.ч. музеев. Большая часть экспонатов, представленных в фондах и экспозициях, датируется второй половиной XIX – началом XX в., хотя отдельные уникальные предметы имеют более раннюю датировку.

Комплектование этнографических фондов МАЭ началось в середине 70-х годов, когда была начата масштабная работа по созданию собственно музея и музейных экспозиций. До начала этой работы Институт истории, языка и литературы, в состав которого до конца 1993 г. входил МАЭ, располагал лишь небольшой (около 50 ед.хр.) коллекцией этнографических экспонатов. Было очевидно, что для проектирования сколько-нибудь полных этнографических экспозиций нового музея этих экспонатов недостаточно. Поэтому в 1976–1980 гг. Институтом было организовано несколько экспедиционных отрядов в различные районы Башкортостана и за ее пределы исключительно с собираТЕЛЬскими функциями. Благодаря этим экспедициям в конечном счете удалось не только пополнить этнографические коллекции, но и развернуть на их основе полноценные этнографические экспозиции [2, с.75–82]. Только в одном 1977 г. сотрудниками отдела этнографии ИИЯЛ было проведено 3 самостоятельные экспедиции. В итоге к концу 1980 г.

этнографические фонды насчитывали в своем составе уже 565 ед.хр. Неоценимую помощь в сборе этнографических коллекций, подчас достаточно редких и уникальных, оказали ученые-этнографы ИИЯЛ Н.В.Бикбулатов, С.Н.Шитова, Л.И.Нагаева, М.Г.Муллагулов, М.В.Мурзабулатов, Ф.Ф.Фатыхова, а также научные сотрудники МАЭ Л.И.Гайнуллина, С.Х.Долотказина, В.Я.Бабенко, И.В.Филатова и др. Следует отметить, что участие в собирательской работе профессиональных этнографов и знатоков музейного дела очень благотворно сказалось на качестве, полноте и репрезентативности коллекций. Учитывая эти и другие параметры, есть основания считать самые первые музейные поступления даже эталонными, особенно для нынешних собирателей музейных предметов.

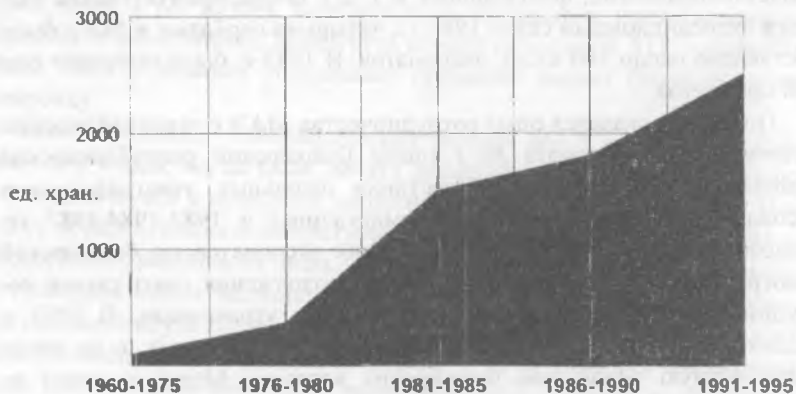
После открытия музея (декабрь 1980 г.) сбор этнографических коллекций стал проводиться в основном силами музейных работников, причем на постоянной целенаправленной основе. Большинство экспедиций и экспедиционных выездов стало осуществляться в основном сотрудниками Музея археологии и этнографии. Тем не менее этнографические фонды регулярно продолжали пополняться за счет экспедиционных исследований ИИЯЛ (этнографических, археографических, диалектологических, фольклорных и т. д.). Очень продуктивным оказался экспедиционный сезон 1982 г.: четырьмя отрядами в МАЭ было доставлено около 300 ед.хр. экспонатов. В 1983 г. было получено еще 238 предметов.

Полезным оказался опыт сотрудничества МАЭ с этнографическим музеем школы-интерната № 1 (ныне Башкирской республиканской гимназии им. Р.Гарипова). Участники школьных этнографических экспедиций (руководитель З.В.Хисматуллина) в 1982, 1984, 1987 гг. безвозмездно передали музею 79 редких экспонатов по башкирской этнографии. К сожалению, достойный продолжения опыт такого сотрудничества в последующие годы оказался утраченным. В 1987 г. коллекцию тканых и вышитых изделий из 19 предметов, в их числе великолепную коллекцию башкирских хараусов Музей получил от Башкирского государственного художественного музея им. М.В.Нестерова.

Предметный фонд МАЭ продолжал интенсивно пополняться и за счет плановых экспедиций и экспедиционных выездов музейных сотрудников. Так, за 1983–1985 гг. этнографические фонды увеличились почти на 700 ед.хр. Во второй половине 80-х годов этнографические коллекции МАЭ пополнялись не так интенсивно – в среднем по

63 экспоната в год. Снижение темпов собирательской деятельности в конце 1980-х – начале 1990-х годов объясняется тем, что в это время в МАЭ были начаты работы по кардинальному обновлению экспозиций, в т.ч. этнографических. Многие из них пришлось существенным образом дополнить или же создать заново. С другой стороны, собирательская работа стала проводиться более целенаправленно, когда во главу угла ставилась задача по выявлению и сбору редких и исчезающих из быта этнографических предметов. В этих целях был разработан перспективный план собирательской работы, направленный на ликвидацию имеющихся в фондах пробелов и на охват ранее не исследованных районов, народов, этнических и национальных групп. Реализацией этого плана коллектив МАЭ продолжает заниматься и в настоящее время.

Некоторое оживление в собирательской работе МАЭ стало наблюдаться, начиная с 1990-х годов. Так, за 1990–1995 гг. предметный фонд по этнографии увеличился на 694 ед.хр. (рис. 1). Отчасти это связано с активизацией в Отделе полевых, в том числе собирательских работ и приходом в Музей новой генерации молодых этнологов и музейных работников.

Р и с . 1. Динамика роста этнографических коллекций Музея археологии и этнографии УИЦ РАН за 20 лет

Какими принципами руководствуются сотрудники МАЭ при комплектовании этнографических фондов? Нам представляется, что эти критерии общеизвестны, поскольку они давно уже нашли широкое применение в отечественной музейной практике [5, с.5-6].

Р и с . 2. Распределение этнографических коллекций МАЭ по народам и национальным группам РБ

Во-первых, принцип этнической специфики. На практике это означает, что в фонды на постоянное хранение отбираются только такие предметы, а точнее комплексы предметов, которые отражают наиболее типичные стороны культуры и быта народов нашего региона. Башкортостан в этом отношении предоставляет исследователям, в т.ч. музейного профиля, неограниченные возможности. Здесь в течение многих столетий в тесном соприкосновении друг с другом живут тюркские (башкиры, татары, чуваша), финно-угорские (мари, мордва, удмурты), восточнославянские (русские, украинцы, белорусы) и другие народы. Именно здесь особенно многогранны межэтнические контакты и процессы взаимодействия и взаимопроникновения культур. Неслучайно еще в XIX в. Башкирское Приуралье исследователи и современники называли уникальной "этнографической лабораторией". Исходя из содержания названного принципа МАЭ целенаправленно ком-

плектует такие экспонаты, которые во всем своем многообразии передают этническую мозаичность культур народов Башкортостана, их богатство и своеобразие. В настоящий момент МАЭ располагает этнографическими коллекциями по девяти народам и этническим (национальным) группам. Самая значительная и наиболее богато представленная – это башкирская коллекция (57,6%; 1444 ед.хр.). За ней в порядке убывания следуют татарская (18,1%; 454 ед.хр.), марийская (9,4%; 235 ед.хр.), чувашская (5,5%; 137 ед.хр.), русская (4,0%; 99 ед.хр.), удмуртская (3,3% 82 ед.хр.), белорусская, украинская и немецкая (1,4%; 36 ед.хр.)^{*}. В совокупном виде распределение этнографических собраний музея по наиболее крупным лингвистическим группам показано на рис. 2.

Во-вторых, принцип репрезентативности (представительности или показательности). Музейные предметы собираются в таком количестве, чтобы их можно было использовать и на постоянной экспозиции, и на временной выставке с гарантированной заменой себе подобными в случаях необходимости. Отсюда определилось одно из правил собирательской работы МАЭ: собирать не только все типичные образцы народной культуры во всем их многообразии и богатстве, но и по возможности большее их количество, чтобы проследить географическое и историческое распространение того или иного этнографического явления. Благодаря этому принципу музей иногда имеет возможность показать не только устоявшиеся традиционные элементы культуры, но и локальные их варианты. Только наличие в фондах по возможности большого числа однотипных музейных памятников, собранных в разных регионах, позволяет сделать достоверные научно правильные выводы об эволюции и их распространенности в территориальном аспекте. В этой связи есть смысл воспроизвести обширную цитату из обращения И.Манниена, крупного финского ученого и этнографа, бывшего в 20–30-х годах XX в. директором Эстонского национального музея. В одном из газетных статей в ответ на укор за бессмысленное собрание в музее однородных предметов он, в частности, ответил так: "Ковши и кружки, хранящиеся в музее, стали почти нарицательными. Их чересчур много, скажет невежда. Их счастливое множество, скажет знаток. Если кто-то видит в этом обилии кружек жажду собирательства, доведенную до абсурда, тот глубоко ошибается. Для науки многотысячное собрание кружек не имеет цены. Ведь именно их количество позволяет провести основательное изучение. Ведь почти каждая круж-

^{*} Состав и распределение коллекций в МАЭ даны по состоянию на конец 1995 г.

ка неповторима. Если не обликом, то уж орнаментом они наверняка отличаются... Только при помощи большого запаса мы можем делать уверенные подлинно научные выводы, исследовать этнографическое разнообразие и развитие явления" [7, с.4].

В-третьих, этнографические коллекции собираются комплексно по определенным темам и подтемам. Под комплексом вещей мы понимаем собрание или совокупность предметов, которые наиболее полно и адекватно отражают какую-либо область народной культуры и быта. При этом важно следить за тем, чтобы эти предметы имели жесткую связь с тем или иным хронологическим периодом. При подборе экспонатов сотрудники Музея пользуются разработанными Российским этнографическим музеем (бывшим ГМЭ) тематическими классификаторами этнографических коллекций [9].

Значительным подспорьем в собирательской деятельности являются разработанные для внутримузейного пользования обобщенные или тематические каталоги-пособия предметов народного быта, подлежащих комплектованию. К настоящему моменту такие пособия разработаны по башкирам (составители: Н.В.Бикбулатов, С.Н.Шитова, М.Г.Муллагулов, Л.И.Нагаева, Ф.Ф.Исламова, Н.Гайнуллина), русским (В.Я.Бабенко) и чувашам (И.Г.Петрова). Вне всякого сомнения, они являются очень удобными методическими пособиями для собирателей, поскольку позволяют провести сбор коллекций комплексно и на научной основе.

В-четвертых, в собирательской деятельности особое внимание уделяется ряду общих требований, которые предъявляются к музейным предметам. Это прежде всего информативность (т.е. наличие познавательной, нравственной, эстетической и т.п. информации, которая делает предмет историческим источником музейного значения), аттрактивность (совокупность внешних и внутренних признаков предмета, способных привлекать к себе внимание при экспозиционной работе), экспрессивность (тесно связанное с предыдущим свойство предмета оказывать эмоциональное воздействие на посетителя).

Немаловажное значение имеют, естественно, подлинность и типичность предмета. Лишь в редких случаях, когда тот или иной предмет уже не существует в реальном бытовании, музеем приобретаются реконструированные образцы. Но при этом собиратели четко следят за тем, чтобы этот предмет был, насколько это возможно, традиционно выдержанным и был изготовлен строго в соответствии с этническими и местными (локальными) особенностями.

Тем не менее накопленные в МАЭ фондовые материалы, какими бы ценными они не казались, составляют лишь малую часть того, что еще предстоит собрать и сконцентрировать в музейных хранилищах по истории и культуре многонационального Башкортостана. Для репрезентативного показа культур народов Башкортостана, а также для создания в ближайшем будущем музея-скансена этнографические фонды должны возрасти минимум в 4-5 раз, т.е. включать в свой состав более 10 тыс.ед.хр. В фондах должны быть представлены культура и быт всех без исключения народов РБ, но при сохранении акцента на накоплении коллекций по башкирской этнографии. Какими путями это можно было бы осуществить? Думается, что эти пути кому-то покажутся достаточно хрестоматийными, но, на наш взгляд, именно они помогут ускорить работу по комплектованию этнографических фондов.

Прежде всего, при ОНУ с МАЭ необходимо организовать постоянно действующую экспедицию, работающую все сезоны года. Причем она должна иметь свой статус, выборный орган и, самое главное, свою отдельную строку финансирования. Статус экспедиции должен быть оформлен в виде устава или положения об экспедиции. Причем в этом документе должны быть обозначены не только цели и задачи экспедиции, но и изложен перспективный план экспедиционных исследований с разбивкой по годам и указанием конкретных маршрутов. Есть определенный смысл приложить к этому положению тематический план сбора музейных экспонатов на ближайшие 5 лет. Это нужно для того, чтобы устранить имеющиеся "лакуны" и пробелы в фондах и при комплектовании фондов избежать излишней односторонности, увлечения сбором предметов, обладающих чисто внешними, очень броскими (аттрактивными) свойствами.

В серьезном пересмотре нуждается отчетность экспедиций. Отчеты должны быть в полном смысле научными, а не просто скучным перечислением исследованных районов, населенных пунктов и повествованием о проделанной работе. Для этого в положении необходимо разработать развернутую форму отчетности, ее структуру и необходимые требования. Очень важно, чтобы по окончании экспедиции начальник экспедиции или собиратель той или иной коллекции вместе с научным отчетом обязательно сдавали в музей следующие документы: дневник экспедиции, книга сборов (полевая опись), фотодневник, дневник фиксации аудио- и видеоматериалов.

Важное значение имеет **дневник экспедиции**, куда заносятся сведения о составе и маршруте движения экспедиции, объектах исследования, данные о предметах, которые удалось или не удалось приобре-

сти у населения, об условиях собирания, информаторах, которые в сборе материалов оказали экспедиции помощь и содействие. В дневник желательно вписать паспортные и анкетные данные о краеведах, руководителях местных музеев, краеведческих кружков и групп и просто любителях истории и культуры местного края – всех тех, которые в будущем могли бы стать потенциальными помощниками музея. Необходимо также отразить информацию о наиболее значимых сохранившихся историко-культурных памятниках района (населенного пункта), например, культовых сооружениях, старинных зданиях и сооружениях: ветряных и водяных мельницах, амбарах, клетях, ригах и т.п., т.е. о тех объектах, которые должны быть включены в банк данных музея и в перспективе могли бы быть использованы для размещения на территории будущего музея-скансена (музея под открытым небом).

По информации, полученной от сотрудников экспедиции, в дневник экспедиционного отряда желательно также записать сведения о жителях, у которых музей мог бы приобрести наиболее уникальные и высокоценные музейные экспонаты или коллекцию из таких предметов. Словом, дневник экспедиционного отряда должен обладать достаточно насыщенной, разнообразной и, главное, полезной для научно-исследовательской и научно-собирательской работы информацией.

Книга сборов (полевая опись) музейных экспонатов вместе с аннотированными предметами. Разумеется, что полевая опись должна фиксировать о предмете самые разные сведения, которые потом понадобятся при заполнении научных паспортов и создании базы данных о фондовых предметах: наименование предмета (общепринятое и местное, в том числе на национальном языке), техника изготовления, цвет, форма, размеры, место и время изготовления, история предмета и его назначение, сохранность, ф.и.о. владельца или лица, передавшего предмет, ф.и.о. автора вещи, стоимость предмета, номер счета, по которому был получен этот предмет, время составления описания, ф.и.о. сотрудника, составившего данное описание. Только при таком подходе музейный экспонат может считаться подлинным историко-культурным памятником и раскрыть свой научно-информационный потенциал. В связи с этим известный российский этнограф Б.А.Куфтин [3, с.150–151] писал: "Необходимо, чтобы ко всем этим (этнографическим научно-исследовательским) документам относились действительно как к историческим документам, чтобы собирались эти памятники с полным детальным описанием, с указанием их бытования на местах, отношения к ним населения, техники их изготовления, терминологии, всего

того, что требуется от действительно правильно сохраняемых исторических документов".

Только таким образом можно рассчитывать на высокую научную отдачу от организуемых МАЭ экспедиций и формирование подлинно научного архива музея.

Следуя примеру археологов, есть смысл шире практиковать предварительные выезды на разведки. Их желательно осуществлять целенаправленно за 2–3 месяца до выезда основной экспедиции на поле либо в ходе зимних экспедиционных выездов или командировок научных сотрудников. На основном этапе экспедиционного обследования полученные в ходе разведок сведения, безусловно, окажутся весьма полезными для скорейшего выявления на местах как потенциальных информаторов, так и нужных для музея предметов.

В качественном обновлении нуждаются и сами экспедиционные отряды, особенно их состав. Наряду с 3–4 научными сотрудниками, как показывает мировой опыт и опыт ведущих отечественных музеев, в экспедиции обязательно должны быть профессиональные художник и фотограф, кинооператор, инженер, владеющий техникой съемки местности (поселений, усадеб, жилищ и хозяйственных построек). Необходимо шире и активнее использовать помощь добровольных помощников музея или местных корреспондентов и развернуть на территории республики разветвленную и хорошо действующую сеть корреспондентских пунктов. Такая форма взаимодействия музея с местным населением в мировой практике используется давно и очень успешно, в особенности в странах Северной Европы. Институт корреспондентов в свое время весьма эффективно работал при этнографическом отделе Русского музея. К примеру, Е.А.Ляцкий – известный собиратель музейных коллекций по Русскому Северу и северо-западу России с помощью корреспондентов за неполные десять лет (с 1902 по 1909) собрал свыше 6000 экспонатов, которые в совокупности составили более 1000 коллекций. Примечательно, что Е.А.Ляцкий постоянно переписывался со своими корреспондентами, консультировал их, давал ценные указания и рекомендации по приобретению экспонатов, требуя при этом вместе с предметами высылать их подробнейшие описания [4, с.20–21].

Достойный внимания опыт работы с корреспондентами накоплен в Эстонском национальном музее [8]. Сеть добровольных помощников при названном музее существует с сентября 1931 г. Основными формами деятельности корреспондентов являются работа с опросными листами музея, подготовка основательных письменных работ исследо-

вательского характера на избранные темы (главным образом этнографические. – *И.П.*), участие в собирательской работе и т.д. К примеру, на 1 января 1992 г. архив корреспондентских ответов, сосредоточенных в Музее, насчитывал 343 211 страниц текста [6, с.98–101]. Видимо, нет необходимости доказывать, какую ценность они представляют для музея в целом и каким неисчерпаемым источником являются для исследовательской работы.

Это значит, что за формирование собственной корреспондентской сети при МАЭ нужно взяться незамедлительно, поскольку за этим огромное будущее.

Необходимо улучшить научно-методическую подготовку участников экспедиции и собирателей к работе в поле. Эта подготовка должна включать не столько общие и теоретические занятия, сколько практические, непосредственно связанные со спецификой полевой этнографической работы. Например, это могут быть занятия по методике составления вопросников и работе с информаторами, методике сбора, научного описания и паспортизации музейных предметов, правилам фотосъемки, съемки планов местности, поселений, сельских усадеб, жилищ, хозяйственных построек, края одежды и т.д. Кстати, в практике деятельности Музея археологии и этнографии организация таких практических курсов, объединенных под названием "Школа молодого этнографа", имела место в 1990–1991 гг. Тогда перед аспирантами, стажерами-исследователями и молодыми научными сотрудниками с содержательными лекциями выступили Р.Г.Кузеев, Н.В.Бикбулатов, С.Н.Шитова, Л.И.Нагаева, М.Д.Киекбаев и др. Следовательно, подобные курсы необходимо не только возобновить, но и всемерно расширять с привлечением как местных, так и приглашенных специалистов: этнологов, историков, социологов, музейных работников и т.д. В этой связи по опыту омских коллег следует приступить к изданию серии методических пособий и разработок по полевой этнографии, ориентированных на первоначальную и квалифицированную подготовку будущего этнолога.

В собирательской работе есть определенный смысл внедрения своего рода "узкой" специализации. Под последней подразумевается то, что за каждым сотрудником Отдела с музеем следует закрепить конкретный регион (район или группу районов), народ (этническую или национальную группу), конкретную тему или совокупность тем. На практике это означает, что за комплектование фондов по каждому народу персонально отвечают конкретные люди, специалисты в своей области, хорошо владеющие языком и знаниями их культурно-бытовой

специфики. С приходом в Музей молодых специалистов, которые занимаются проблемами исторической этнологии народов РБ, такая специализация могла бы принести хорошие результаты и поднять собирательскую работу на новый качественный уровень.

Необходимо всемерно активизировать и развивать работу Музея по закупу исчезающих из быта предметов старины у различных слоев населения: горожан, частных коллекционеров, художников, народных умельцев и просто энтузиастов, любителей народной культуры и искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дмитриев В.А., Калашиникова Н.М.* О принципах комплектования этнографических экспонатов на современном этапе // Проблемы комплектования, научного описания и атрибуции этнографических памятников. Л., 1987.
2. *Кузеев Р.Г., Пшеничниук А.Х., Бикбулатов Н.В.* Музей археологии и этнографии Башкирского филиала АН СССР // Советская этнография. 1980. № 3.
3. *Куфтин Б.А.* Важность и срочность собирания этнографических материалов для задач краеведения // Вопросы краеведения. Н-Новгород, 1923. (Цитируется по статье: Ивановская Н.И. Этнографические собрания в областных музеях Северо-Запада РСФСР (Генезис и история формирования) // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX – XX вв.). С-Петербург, 1992.)
4. *Молотова Л.Н.* Е.А.Ляцкий и его деятельность в этнографическом отделе Русского музея // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX – XX вв.). С-Петербург, 1992.
5. *Научное комплектование этнографических коллекций на современном этапе: Методические рекомендации.* Сост.: Н.И.Ивановская. Л., 1987.
6. *Петерсон А.Ю.* Принципы комплектования этнографических музейных коллекций и их обработки // Музееведение. Уфа, 1995. Вып.1.
7. *Петерсон А.Ю.* Принципы комплектования этнографических музейных коллекций и их обработки (на примере Эстонского национального музея: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. С-Петербург, 1993.
8. *Совместная работа государственного этнографического музея Эстонской ССР с корреспондентами и школами.* Таллин, 1986.
9. *Тематический классификатор этнографических коллекций /* Сост.: Д.А.Горб и др. Л., 1989.

**НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В
АКАДЕМИЧЕСКИХ МУЗЕЯХ
(из опыта работы Музея археологии и этнографии)**

Музей археологии и этнографии, функционирующий при Отделе народов Урала Уфимского научного центра Российской академии наук, относится к числу немногих академических музеев не только в нашей республике, но и в России. Созданный как специфическое научное учреждение, он, тем не менее, с момента своего основания стал одним из ярких культурных центров города и республики. Со второй половины 1992 г., когда Музей завершил переэкспозицию и начал работать на массового посетителя (его двери открыты 5 раз в неделю), он ежегодно принимает от 10 до 16 тысяч человек. В основном это учащиеся школ и гимназий, студенты колледжей и вузов, а также горожане и приезжие. Регулярно музей посещают зарубежные делегации и гости, в том числе на самом высоком (государственном) уровне. В частности, в период с января по декабрь 1996 г. в Музее побывало около 15 тысяч человек, было проведено 1230 экскурсий, в том числе 25 – для иностранных делегаций.

Основной формой научно-просветительской деятельности Музея все эти годы было и остается проведение обзорных и тематических (специализированных) экскурсий. Тем не менее приходится констатировать, что цикл тематических экскурсий остается достаточно ограниченным: на сегодняшний день в распоряжении Музея имеется лишь несколько тематических разработок по археологии (Ю.А.Морозова, Б.Б.Агеева, И.М.Акбулатова, Н.Г.Рутто) и набросков отдельных тематических экскурсий по этнографии. Необходимо заметить, что и сам текст обзорной экскурсии требует существенной доработки и скрупулезного обсуждения сотрудниками Музея. До сих пор не завершены и не утверждены тексты экскурсий, адаптированные для разных категорий посетителей. Безусловно, необходимо в письменной форме зафиксировать осуществляемый на практике дифференцированный подход к посетителям с учетом их социальных и возрастных групп.

Для популяризации Музея и превращения его в подлинный культурный центр необходимо существенно обновить функции музейной коммуникации, что предполагает внедрение в практику новых, еще не апробированных видов и форм работы с населением, в т.ч. на платной

основе. Для этого сотрудниками сектора музееведения и музейных фондов разработан прейскурант цен на услуги, оказываемые МАЭ, внедрение которого позволит, во-первых, полноценно использовать музейные средства для удовлетворения познавательных, эмоциональных и других интересов разных категорий посетителей; во-вторых, привлечь к музею новые контингенты экскурсантов и, в-третьих, обеспечить ему дополнительную экономическую поддержку. Конечно, музей – не коммерческая организация, и на сегодняшний день он не может существовать без государственной дотации. Но, с другой стороны, нынешние реалии заставляют принимать на вооружение вполне доступные и приемлемые рыночные условия, которые отнюдь не изменят главной функции музея как научно-просветительского учреждения.

Исходя из реальных возможностей музея, руководство и сотрудники музея в течение последних лет предприняли следующие меры для модернизации его научно-просветительской деятельности.

1. Согласно положению об академических музеях РАН, для координации работы МАЭ в целом (и научно-просветительской ее части в том числе) введена должность заместителя заведующего Отделом по музею.

2. При секторе музееведения и музейных фондов создана группа научно-просветительской работы и разработано Положение, на основе которого она функционирует. В обязанности группы входит планирование и учет экскурсионной и экспозиционной работы, информация и реклама, заключение договоров с предприятиями и учреждениями города, сотрудничество со средствами массовой информации, работа со спонсорами и т.д.

3. Помимо экскурсий в практику деятельности Музея начинают внедряться другие формы научно-просветительской работы, а именно:

а) тематические вечера: первый такой камерный вечер, посвященный башкирской национальной культуре, был организован и проведен в музее в конце 1994 г.;

б) лекции-концерты: например, вечер классической музыки с участием мастеров из Башгосфилармонии, народных артистов РБ Р.Азнакаевой и Р.Хабибуллина, был проведен в музее в июне 1995 г.; в дальнейшем же по согласованию с городским центром национальных культур "Дружба" в Музее можно организовать дни национальных культур: башкирской, русской, татарской и т.д.;

в) лекции с просмотром научно-популярных видеофильмов: подобная лекция с просмотром видеофильма, посвященного Таналык-

ским раскопкам, была прочитана сотрудниками нашего Отдела перед студентами УГАТУ в октябре 1995 г. и приурочена к 5-летию принятия Декларации о государственном суверенитете РБ;

г) проведение Дней открытых дверей: традиционно они проводятся в Международный день музеев (18 мая) и в День знаний (1 сентября); организуется не только бесплатный вход и экскурсионное обслуживание, но и предлагается глубоко продуманная культурная программа: обращение директора и сотрудников музея, обзорная экскурсия, просмотр научно-популярных фильмов, демонстрация народной одежды, концерт фольклорных коллективов, самодеятельных и профессиональных артистов и т.д.

4. Особое значение имеет организация сменных (временных) выставок: подобные выставки были организованы к 20-летию МАЭ и представляют собой серию из 5 временных экспозиций: "Находки года"; "Традиционный женский костюм финно-угров Башкортостана"; "Чуваши Башкортостана"; "Русский мещанский быт начала XX века"; "Вышивка в интерьере жилища".

5. Приложены специальные усилия по популяризации музея, приуроченные к его 20-летию. Был подготовлен и выпущен в свет специальный номер газеты "Истоки", посвященный деятельности МАЭ. Начата подготовка к изданию юбилейного набора открыток "Новые выставки Музея археологии и этнографии". В дальнейшем планируется тиражирование такой рекламной продукции, как календари, марки, вымпелы, наборы открыток, значки, сувениры, копии, воспроизводящие некоторые особо уникальные музейные экспонаты.

По-прежнему актуальным остается вопрос о пропаганде коллекций музея через средства массовой коммуникации (телевидение, радио, печать), публикации в музейных сборниках и журналах, а также в других научных или общественно-политических изданиях, устные выступления на конференциях, например, учительских или работников культуры.

Анкетирование посетителей, проведенное во втором квартале 1997 г., убедительно доказало необходимость целенаправленной рекламы Музея. Думается, необходимо использовать самые разные формы рекламы, как широковещательной (например, рекламный щит у входа в музей), так и дифференцированной, предназначенной для определенной категории посетителей Музея (например, обращенной к школьникам, студентам, к рабочим предприятий и учреждений города). Реклама может сообщать о действующих и предстоящих мероприятиях му-

зея. Это можно сделать в виде пригласительных билетов с приложением программы лекций (с краткой аннотацией), которые предлагает музей. С заинтересованными предприятиями и учреждениями нужно заключить соответствующие договоры. В ряде музеев страны такая практика работы проходит в форме т.н. распространения музейных абонементов. Традиционной формой рекламы музея является афиша или плакат. Важно, чтобы афиши постоянно обновлялись, отличались красочностью, лаконичностью и, самое главное, вызывали желание и эмоциональный настрой посетить Музей.

Многие музеи в настоящее время переходят на коммерческие формы работы, которые приносят им дополнительный доход. Как уже упоминалось выше, сотрудниками сектора музееведения и музейных фондов разработан прейскурант цен на услуги, оказываемые МАЭ, который предполагает получение дохода:

1) за счет продажи входных билетов, при этом для учащихся школ, гимназий, лицеев и студентов Музей вполне мог бы установить бесплатный вход (подобная практика имела место в его истории), но при условии, что мэрия города или городское управление народного образования вместе с районными отделами ежегодно будут перечислять на счет музея вполне приемлемую, но фиксированную плату за экскурсионное обслуживание;

2) за счет развития спонсорства, привлечения меценатов и друзей музея, каковыми могут быть не только отдельные лица, но и предприятия, фирмы, коммерческие структуры, проявляющие благотворительность. По отношению к спонсорам Музей, в свою очередь, может оказывать следующие услуги:

а) ходатайствовать перед соответствующими органами (законодательными, налоговыми и т.д.) о снижении налоговых платежей как с организаций, которые занимаются поддержкой и развитием учреждений культуры;

б) включить реквизиты спонсоров или рекламную информацию в научно-популярные, рекламные издания Отдела или Музея;

в) на оговоренный срок разместить рекламные щиты на фасаде здания, а также в оконных витринах музея;

г) организовать экскурсии по музею с показом уникальной золотой коллекции сарматской эпохи, видеофильмов и т.д.;

3) за счет организации (перед крыльцом музея или в фойе) киоска по продаже научных и научно-популярных книг, плакатов, буклетов, календарей, открыток, сувениров на музейную тематику. В этом же

киоске можно будет организовать продажу изделий народных промыслов, изготовленных на промышленной основе (через фирму "Агидель"), частными предприятиями или отдельными мастерами-умельцами;

4) за счет заключения договорных соглашений с туристическим агентством г. Уфы, Станцией юных туристов по обслуживанию туристических групп. При этом важно, прежде всего, соблюсти оптимальную пропускную способность музея и не переусердствовать;

5) за счет дополнительных (платных) услуг музея посетителям и посторонним организациям:

взимание платы за фотографирование и снятие копий с экспозиций и музейных экспонатов; за проведение кино- и видеосъемки на территории и в экспозициях музея; за прокат экспонатов, коллекций, выставок, а также выставочного оборудования; за работу в фондохранилищах, научном архиве и с картотекой музея; за проведение коллективных и индивидуальных стажировок; за научные консультации и подготовку экспертных заключений; за реставрацию и консервацию памятников культуры по индивидуальным заказам; за использование (реализацию) авторского права Музея (copy right) на издательскую или иную деятельность посторонних организаций или физических лиц, использующих материалы Музея и его фондов (например, для иллюстрирования книг, журналов, для подготовки и монтажа кино – и видеофильмов, в т.ч. телевизионных передач); для моделирования, изготовления и тиражирования ювелирных украшений и т.д.

В перечень таких услуг в качестве эксперимента можно включить платное фотографирование посетителей с использованием экспозиций Музея, например, на фоне рисунков Каповой пещеры, метеорита "Стерлитамак", башкирской избы, башкирской юрты с использованием сценической башкирской одежды. Фотографирование можно организовать собственными силами, а изготовление фотоотпечатков осуществлять в каком-либо фотоателье города. Либо можно практиковать моментальную съемку на фотоаппарате "Поларонд".

Для регулирования вышеперечисленных платных услуг сотрудниками Музея разработан и обсужден типовой Прейскурант, который после утверждения будет являть собой юридический документ, дающий право на такую деятельность. Право музея на оказание коммерческих услуг уже включено в разработанное и утвержденное Положение о Музее археологии и этнографии.

б) за счет добровольных пожертвований населения. Во многих музеях для этого обращаются с письменными призывами к спонсорам или же около выхода устанавливают куб из прозрачного органического стекла, куда все желающие могут положить свои пожертвования. Над кубом желательно сделать табличку с информацией о том, что эти пожертвования будут использоваться для нужд музейного учреждения.

Таким образом, перед сотрудниками Музея стоят довольно большие задачи, которые вполне могут быть реализованы. Безусловно, для осуществления задуманного необходимо не только время, но и значительные средства, часть которых может заработать сам Музей при условии творческого, инициативного подхода его сотрудников к своим обязанностям. Думается, что сегодня ни одно научное учреждение не сможет "удержаться на плаву", если не будет приспосабливаться к сложившимся социально-экономическим условиям. Это относится и к нашему музею, существование которого не мыслимо сейчас без целенаправленно организованной деятельности, в том числе научно-просветительской.

IV. ПЕРСОНАЛИЯ

НАИЛЬ ВАЛЕЕВИЧ БИКБУЛАТОВ (1931–1996)

В апреле 1996 г. научная общественность Башкортостана с глубокой скорбью проводила в последний путь талантливого этнографа, выдающегося ученого и человека Наиля Валеевича Бикбулатова.

Н.В.Бикбулатов родился 14 февраля 1931 г. в д. Этбаево Аргаяшского района Челябинской области, в семье сельского муллы. В 1938 г. Вали-мулла Бикбулатов был арестован, и домочадцам не суждено было более его увидеть. Впоследствии жена и дети испытали все тяготы и невзгоды, выпавшие на долю семьи репрессированного "служителя культа".

В возрасте 10 лет Н.В.Бикбулатов начинает свою трудовую деятельность. В тяжелые для его семьи и всей страны военные годы он наравне со взрослыми работает в колхозе. Природный ум и способности выделяют его из среды сверстников. Мальчику поручают ответственную работу почтальона, затем счетчика полеводческой бригады, весовщика, помощника счетовода колхоза. Но юного Наиля одолевает жажда знаний, он использует каждую свободную минуту для чтения, самообразования. С окончанием Отечественной войны, наконец, представляется возможность вновь учиться.

В 1947 г. Наиль Валеевич окончил педучилище, затем продолжил учебу в Башкирском педагогическом институте, в те годы единственным высшем учебном заведении, дававшем гуманитарное и историческое образование. Следует отметить, что в 1940–1950-е годы в школах

и вузах Башкирии преподавали выдающиеся педагоги, ученые, литераторы из разных уголков страны, эвакуированные в Уфу в годы войны.

По окончании института Н.В.Бикбулатов в течение шести лет работает в Яныбаевской средней школе Белокатайского района, вначале завучем, а затем директором. Глубокое знание традиционной башкирской культуры, долгие годы работы в гуще народной жизни, а также высокий интеллект и образованность обусловили интерес Н.В.Бикбулатова к этнографической науке и привели его в 1957 г. в Институт истории языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, где он проработал до последних дней своей жизни.

Коллеги Наиля Валеевича, в особенности те, кто вместе с ним были у истоков становления этнографии в Башкортостане, выделяют такие качества ученого, как безграничная преданность избранному делу, широчайшая эрудиция, знание мировой истории и культуры, глубокая любовь к своему народу, почитание его традиций и вместе с тем удивительное уважение к культуре других народов.

Уже в первые годы научной деятельности незаурядность Наиля Валеевича раскрылась во всей полноте. В это время молодые ученые БФАН Р.Г.Кузеев, С.Н.Шитова, Н.В.Бикбулатов были заняты подготовкой книги по декоративно-прикладному искусству башкир. Н.В.Бикбулатов разрабатывал наиболее сложные ее разделы ("декоративное ткачество", "вышивка", "апликация"). В ходе работы Наиль Валеевич настолько глубоко внедрился в изучаемую тему, что на практике освоил все тончайшие приемы ткачества и вышивания. С выходом книги в свет к нему не раз обращались за консультациями работники ткацких фабрик, не говоря уже о декораторах и художниках театров, инструкторах домов культуры. В 1965 г. Н.В. Бикбулатов успешно защитил кандидатскую диссертацию и в дальнейшем посвятил себя исключительно научным исследованиям.

В 1960–1970-е годы ученый сконцентрировался на проблемах семьи, системах родства у тюркских народов. Цикл работ, созданный Н.В.Бикбулатовым по данной проблематике, выдвигает его в ряд ведущих этнографов страны. В монографии "Башкирская система родства" и других Н.В.Бикбулатовым сформулированы интересные идеи об иерархичности семейной организации у башкир и специфичности функционирования в прошлом большой семьи, описаны внутренний строй башкирской семьи, происхождение, развитие и специфика принципов наследования. Важным итогом работы Н.В.Бикбулатова стал сравнительно-типологический анализ систем родства и форм брака у

башкир. Немногие ученые страны касались в своих исследованиях этих сложных вопросов этнографии. Потому труды Н.В.Бикбулатова сегодня представляют большую, в том числе и теоретическую, ценность для исследователей традиционной культуры тюркских народов.

Н.В.Бикбулатов внес заметный вклад в разработку истории земледелия у башкир на рубеже XIX – XX вв. Серия научных статей и обобщающая монография "Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX в." представляют собой детальный анализ систем земледелия, эволюции хозяйственных традиций народа.

Наиль Валеевич Бикбулатов – автор более 100 научных трудов, десятка крупных монографий, участник российских и международных конференций и конгрессов.

Н.В.Бикбулатов был организатором, руководителем и участником более 40 этнографических экспедиций в Волго-Уральском регионе, на Алтае, Средней Азии, Сибири. В ходе экспедиционных исследований Н.В.Бикбулатов совместно с коллегами собрал богатейший корпус этнографических источников. Особенно ценной является фототека, в которой насчитывается более 10 тыс. фотографий и негативов по этнографии башкир и других народов республики. При самом активном его участии в 1976 г. в г. Уфе были начаты работы по созданию Музея археологии и этнографии (ныне Отдел народов Урала с Музеем археологии и этнографии УНЦ РАН). Коллекции предметов материальной и духовной культуры башкир, собранные Н.В.Бикбулатовым, являются эталонными для новых поколений музейных работников и этнографов с точки зрения полноты, научной систематизации и описания.

В последние годы жизни Н.В.Бикбулатов приступил к обобщению накопленного материала по истории и этнографии башкир. Им были подготовлены очерки о башкирах в книгах "Народы Поволжья и Приуралья" (Уфа, 1985), "Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки" (в печати), в энциклопедии "Народы России" (М., 1993), книги "Семейный быт башкир" (М., 1992) "Башкиры: краткий этноисторический справочник" (Уфа, 1995) и др. Наиль Валеевич много внимания уделял научно-методической работе и вопросам истории этнографической науки. Им, в частности, написан ряд статей о выдающемся исследователе С.И.Руденко, с которым Н.В.Бикбулатов был лично знаком.

Наиль Валеевич прожил сложную, но интересную жизнь. Практически до начала 1990-х годов испытывая на себе идеологическое давление, связанное вначале с социальным происхождением, затем с неза-

висимостью суждений и принципиальностью, он упорно продолжал заниматься наукой, служить своему народу. В науке, пройдя путь от младшего научного сотрудника до заведующего отделом этнографии, Наиль Валеевич сформировал собственную школу по изучению материальной и духовной культуры башкир, подготовил плеяду талантливых учеников.

Коллеги, друзья и ученики Наиля Валеевича Бикбулатова будут долго помнить его как талантливого ученого, организатора, учителя и замечательного человека.

Р.И.Якупов

ПАМЯТИ ДРУГА – Н.В.БИКБУЛАТОВА

Скончался Наиль Валеевич Бикбулатов – этнограф, историк, фольклорист, человек необычайной эрудиции. Я слышал о Н.В.Бикбулатове еще задолго до встречи с ним. Рассказывал о нем Виктор Петрович Чемерис (еще один ветеран ИИЯЛ). Со свойственной ему обстоятельностью Виктор Петрович рисовал мне портрет талантливого и очень трудолюбивого человека, с которым он учился в одной группе на историческом факультете. Собственно, мы с В.П.Чемерисом и "вытащили" его из Белокатайского района, где Наиль Валеевич – еще молодой – директорствовал в Верхне-Яныбаевской школе. С тех пор сорок лет мы вместе прошли по тернистым дорогам этнографической науки.

Этнография – это особая наука. Можно написать книги, защитить диссертации, но подлинным этнографом можно только родиться. И большая это редкость, так как этнографу надо уметь "вживаться" в материал, знать, понимать и чувствовать душу народа, который изучаешь. В мировой этнологии каноническими являются примеры Льюиса Моргана, Л.Я.Штернберга, Н.Н.Миклухо-Маклая, Маргарет Мид, которые сами "становились" индейцами или нивхами, папуасами или полинезийцами, чтобы "изнутри" изучать народы. Н.В.Бикбулатов родился и вырос в башкирской семье в зауральской деревне. С самого раннего детства он испытал тяжелые превратности судьбы, которые в то время беспощадно коснулись большинства репрессированных семей. Когда Н.В.Бикбулатов стал этнографом, во всю ширь проявились его природные таланты и тяжелый опыт детства. Как никто другой Н.В.Бикбулатов знал культуру родного народа и чувствовал его духовный мир. Если он изучал прикладное искусство, то проникал в материал так глубоко, что умел вышивать и ткать на ткацком станке на уровне народных мастеров. Если он исследовал сложнейшие проблемы системы родства, то до тонкостей знал и строил собственные конструкции и иерархии родственных и свойственных отношений. Наиль Валеевич в этнографическом мире СНГ был одним из лучших знатоков семейной обрядности тюркских народов. Могут сказать: Н.В.Бикбулатов с колыбели впитал в себя обычаи и традиции своего народа. Это так. Но Наиль Валеевич великолепно знал этнографию и других народов – тюркских, финно-угорских, восточнославянских. Он старался глубоко понять их образ жизни и особенности мышления; в этом смысле он "становился" представителем народа, культуру которого в данный

момент изучал. В его трудах, поступках, словах всегда присутствовало глубокое уважение к народу как к таковому, на каком бы языке ни говорили носители этничности. Он очень много сделал для того, чтобы башкирский народ развивал свою культуру в дружбе и сотрудничестве с другими народами.

Наиль Валеевич один или с друзьями, коллегами написал много книг, статей, издал несколько альбомов, редактировал или участвовал в редактировании десятков изданий, в том числе словарей, фольклорных собраний, участвовал или возглавлял десятки этнографических экспедиций. То, что сделано им, ставит его в единый ряд с выдающимися этнографами России и Башкортостана. Для меня он не только крупный ученый, тонкий исследователь. Я потерял и друга. Узнал я о том, что Наиля Валеевича похоронили в родной деревне в башкирском Зауралье, когда в самом конце апреля вернулся из Финляндии. Потрясение этим известием прошло только через несколько недель. Наука и люди теряют самых ярких представителей. Так устроен мир России – ученых при жизни ценят редко: только время правильно расставляет акценты. Для Н.В.Бикбулатова, точнее – всего его наследия, начался новый отсчет времени.

Мы знаем, что после жизни "все остается людям". То, что сделал Н.В.Бикбулатов, и то, что делают его ученики – все это вливается и будет вливаться в общий поток науки и культуры России, Башкортостана, в культуру башкирского народа. Я и мои друзья работаем над переизданием книги по народному искусству башкир, основные разделы которой написаны Н.В.Бикбулатовым. Эту книгу мы посвятим его светлой памяти.

Раиль Кузеев

СПИСОК основных научных трудов Н.В.Бикбулатова

Монографии и препринты

1. Декоративно-прикладное искусство башкир. – Уфа, 1964. – 270с. Ил (Совм. с С.А. Авижанской, Р.Г.Кузеевым).
2. Система родства башкир // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Москва, август 1964 года. – М., 1964. – 12 с.
3. Народное искусство башкир: Альбом. – Л.: Сов.художник, 1968. (Совм. с С.А.Авижанской, Р.Г.Кузеевым).
4. Башкирский аул. Очерк общественной и культурной жизни. – Уфа, Башкиргонздат, 1969. – 214 с. Ил.
5. Декоративное творчество башкирского народа. Альбом. – Уфа, 1979. – 242 с. (Совм. с Р.Г. Кузеевым, С.Н.Шитовой).
6. Башкирская система родства. - М.: Наука, 1981. – 124 с.
7. Деятельность музея археологии и этнографии в 1981-1982 гг.: Препр. докл. на заседании Президиума БФАН СССР. – Уфа, 1982. – 26с. (Совм. с Р.Г.Кузеевым, А.Х.Пшеничнюком).
8. Проблемы комплексного изучения народной обрядности и народного творчества: Препр.докл. на заседании Президиума БФАН СССР. – Уфа, 1984. – 15 с. (Совм. с М.М.Сагитовым, Л.И.Нагаевой, Ф.Х.Камаевым).
9. Семейный быт башкир XIX-XX вв. – М.: Наука, 1991. – 188 с. (Совм. с Ф.Ф.Фатыховой).
10. Башкиры. Краткий этноисторический справочник / Научный редактор акад. АН РБ З.Г.Ураксин – Уфа, 1995. – 35 с.

Статьи и главы в коллективных монографиях

Тезисы научных докладов

1. Зауральские башкиры: (этнографический очерк быта и культуры конца XIX-начала XX в. // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1962. – Т.1. – С.171-267. (Совм. с Р.Г. Кузеевым, С.Н.Шитовой).
2. Система родства башкир // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. – М., 1967. – Т.4. – С. 278-284. (На англ.яз.).
3. Терминология и система родства башкир (общая характеристика) // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1964. – Т.2. – С.164-175.
4. Старое и новое в семейном быту башкир // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР: Тез. докл. – Баку, 1965. – С.224-225.

5. Особенности развития башкирского народного творчества в современных условиях // Итоговая научная сессия института истории, языка и литературы БФАН СССР за 1967 год. - Уфа, 1968. - С. 85-93. (Совм. с Ф.А.Надршиной).
6. Археология и этнография Башкирии за 50 лет // Наука в Советской Башкирии за 50 лет. - Уфа, 1969. - С.512-530. (Совм. с Н.А. Мажитовым).
7. Башкирская терминология родства как этногенетический источник // Научная сессия по этногенезу башкир: (Доклады и сообщения). - Уфа, 1969. - С.90-95.
8. Научная сессия по этногенезу башкир // Сов. этнография. - 1970. - №3. - С. 162-167. (Совм. с Ф.Ф.Илимбетовым).
9. Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика. Раздел "Архитектура, изобразительное и декоративно-прикладное искусство" // Большая Советская энциклопедия. 3 изд. - М., 1970. - Т.3. -С.64-65.
10. Башкирская терминология и система родства как этногенетический источник // Археология и этнография Башкирии. - Уфа, 1971. - Т.4. - С.178-183.
11. К вопросу о происхождении минората // Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1970 г.: Тез. докл. - Тбилиси, 1971.
12. Курай поет для всех // Рассказы о дружбе. - Уфа, 1972. - С.119-128.
13. Особенности этнической истории, культуры и быта башкир Зауралья // Всесоюзная археолого-этнографическое совещание по итогам полевых исследований 1972 г.: Тез. докл. - Ташкент, 1973. - С.80-81. (Совм. с С.Н.Шитовой).
14. Антропонимы и термины родства // Ономастика Поволжья. - Уфа, 1973. - Вып.3. - С.100-108.
15. Руденко и башкирская этнография // Археология и этнография Башкирии. - Уфа, 1973. - Т.5. - С.9-16.
16. Коротко об экспедициях. Информация об этнографической экспедиции в Челябинскую и Курганскую области // Советская этнография. - 1973. - №6. - С.156-157.
17. Отражение минората и майората в башкирских народных сказках // Фольклор народов РСФСР. - Уфа, 1974. - Вып.1. - С.52-62.
18. Особенности систем родства башкир и татар Среднего Поволжья и Приуралья // Первое археолого-этнографическое совещание.: Тез докл. - Казань, 1974. - С.68-69.
19. Об особенностях современных этнокультурных процессов в Башкирии // Тез. докл. Всесоюзной конференции, посвященной этнографическому изучению современности. - Нальчик, 1975. - С.43-44.
20. Локальные особенности в системе земледелия башкир в конце XIX - начале XX в. // Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых этнографиче-

ских и антропологических исследований в 1974-1975 гг. – Душанбе, 1976. – С.130-132.

21. Минорат. Проблема происхождения и исторического места в системе социальных институтов // Этнография Башкирии. – Уфа, 1976. – С.12-48.

22. Земледелие зауральских башкир в XIX – начале XX в. // Этнография Башкирии. – Уфа, 1976. – С.97-117. (Совм. с М.В. Мурзабулатовым).

23. Прикладное искусство // Народное творчество башкир. – Уфа, 1976. – С. 43-142. (Совм. с Р.Г. Кузеевым, С.Н. Шитовой).

24. Система родства у тюркоязычных народов и проблемы большой семьи // Всесоюзная тюркологическая конференция.: Тез. докл. и сообщ. – Алма-Ата, 1976. – С. 24-26.

25. Этнографический архивный фонд сектора археологии и этнографии ИИЯЛ БФАН СССР // Южно-Уральский археологический сборник. – Уфа, 1976. – Вып.2. – С.119-126.

26. Плуги и сохи у башкир в XIX – начале XX в. // Историко-этнографический атлас Урала и Поволжья (Препринты докладов и сообщений). – Уфа, 1976. – С. 11-13.

27. О создании музея археологии при Башкирском филиале АН СССР // Этническая история народов Урала и Поволжья: (Препр. докл. и сообщ.). – Уфа, 1976. – С. 3-6. (Совм. с Р.Г. Кузеевым, Н.А. Мажитовым, А.Х. Пшеничнюком).

28. Второе Поволжско-Уральское археолого-этнографическое совещание // Советская этнография. – 1977. – №5. – С.139-141.

29. Реконструкция древней модели башкирской системы родства // Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976-1977 гг.: Тез. докл. – Ереван, 1978. – С.83-84.

30. Система земледелия башкир в XIX – начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX в. – М., 1979. – С.5-45.

31. Пахотные орудия башкир в XIX – начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX в. – М., 1979. – С.46-61.

32. Преобразования башкирского народа в советскую эпоху // Социально-экономические и культурные преобразования в Башкирской АССР. – Уфа, 1979. – С.53-96. (Совм. с С.Н. Шитовой).

33. Система родства у тюркоязычных народов и проблема большой семьи // Проблемы современной тюркологии: Материалы тюркологической конференции. – Алма-Ата, 1980. – С. 369-372.

34. Об эволюции систем родства тюркских народов // Литературоведение и история: Тез. докл. и сообщений тюркологической конференции. – Ташкент, 1980. – С.130-131.

35. Историческое развитие башкирской системы родства // Обычаи и культурно-бытовые традиции башкир. – Уфа, 1980. – С. 3-23.
36. О соотношении типов семьи, норм брака и принципов наследования (на материалах кочевых тюркских народов) // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978-1979 гг.: Тез.докл. – Уфа, 1980. – С.128-129.
37. Коротко об экспедициях // Советская этнография. – 1981. – №2. – С.164-165. (Совм. с Л.И.Нагаевой).
38. Этнические и культурные связи Казахстана и Башкирии в XVI-XVIII вв. // Навеки вместе: К 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России. – Алма-Ата, 1982. – С.132-138. (Совм. с Р.Г.Кузеевым).
39. Становление и развитие этнографической науки // В научном поиске: К 50-летию института истории, языка и литературы БФАН СССР. – Уфа, 1982. – С.83-101.
40. Присоединение Башкирии к России и развитие хозяйственно-культурного сотрудничества народов на Южном Урале // Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству. – Уфа, 1982. – С. 44-54.
41. Об изучении проблемы происхождения и этнической истории башкирского народа // Вопросы этнической истории Южного Урала. – Уфа, 1982. – С.132-142.
42. Скользящий счет поколений в урало-алтайских системах родства (по данным ареальных исследований) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). – Л., 1983. – С. 240-247.
43. Музей археологии и этнографии Башкирского филиала АН СССР // Советская этнография. – 1984. – №3. – С.75-82. (Совм. с Р.Г.Кузеевым, А.Х.Пшеничнюком).
44. Шариат и обычаи в наследовании и разделе имущества у башкир // Исследования по исторической этнографии Башкирии. – Уфа, 1984. – С.29-47.
45. Башкиры // Народы Поволжья и Приуралья: историко-этнографические очерки. – М., 1985. – С. 237-270.
46. Вопросы ареального изучения этнографии башкир // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. – Уфа, 1985. – С.21-22.
47. Основные тенденции развития семейных обрядов у башкир в современных условиях // Семья у народов СССР в условиях развитого социалистического общества. Тез.докл. – Махачкала, 1985.
48. Об эволюции свадебной обрядности у тюркских народов // Вопросы советской тюркологии. Тез.докл. – Ашхабад, 1985.
49. Всесоюзная конференция "Ареальные исследования в языкознании и этнографии // Сов. этнография. – 1986. – №3. – С.157-160. (Совм. с Т.В.Косминой).

50. Сергей Иванович Руденко: Библиографический указатель. К 100-летию со дня рождения. (Предисловие). – Уфа, 1986. – С. 1-3.
51. Этноним "башкорт" // Башкирская этнонимия. – Уфа, 1987. – С.29-48.
52. Башкиры // Народы мира. Историко-этнографический справочник. – М., 1988. – С.93. (Совм. с В.В.Пименовым).
53. Некоторые вопросы эволюции свадебной обрядности у тюркских народов Средней Азии, Казахстана и Поволжья // Вопросы советской тюркологии.: Тез.докл. – Ашхабад, 1988. – Ч.2.
54. О судьбах традиционной народной одежды в современных условиях // Традиции башкирского народного искусства в современной одежде. – Уфа, 1988. – С.6-16.
55. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности Р.Г.Кузеева. Вступительная статья // Кузеев Раиль Гумерович.: Библиографический указатель. – Уфа, 1988. – С.3-8.
56. Основные направления межэтнического взаимодействия в Башкирской АССР (Советский период) // Октябрьская революция и осуществление ленинской национальной политики в Поволжье и Приуралье.: Тез.докл. – Уфа, 1989.
57. Башкиры // Семейный быт народов СССР. – М., 1990. – С. 199-211.
58. Происхождение этнонима "башкорт" // Оран. – 1990. – №3.
59. Вместе – дружная семья ? (Материалы "круглого стола" // Наше будущее – в консолидации. – Уфа, 1990. – С. 46-55.
60. Глава "Семья" // Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье (до середины 1980-х гг.). – Чебоксары, 1991, (Совм. с Т.Г.Федянович, Р.М.Муслиной и др.).
61. Динамика численности татарского населения Башкортостана // Исторический опыт развития духовной культуры Башкортостана: тенденции, современность, перспективы.: Тез.докл. – Уфа, 1992. – С. 34-37. (Совм. с З.М.Давлетшиной).
62. Урбанизация населения Башкирии // Вопросы этнографии городского населения Башкортостана. – Уфа, 1992. – С. 17-36.
63. Кукушка, грач и береза: парадоксы в поверьях башкир // Востоковедение в Башкортостане: История. Культура. – Уфа, 1992. – Вып.4. – С. 28-30. (Международная научная конференция по проблеме "История и культура народов Евразии. Древность, средневековье и современность". Первые Валидовские чтения).
64. Башкиры // Народы России. Энциклопедия. – М., 1994. – С. 105-108.
65. Новая этнодемографическая ситуация в Башкортостане // Открытая книга Башкортостана. – Уфа, 1995. – С. 83-123.

66. Р.Г.Кузеев – этнолог, историк-востоковед, общественный деятель. Вступительная статья // Кузеев Раиль Гумерович.: Библиографический указатель. – Уфа, 1996. – С. 3-12.
67. Башкиры // Башкортостан. Краткая энциклопедия. – Уфа, 1996. – С. 161-162.
68. Башкорт // Там же. – С. 163.
69. Календарь народный башкирский // Там же. – С. 317-318.
70. Кузеев Р.Г. // Там же. – С. 354.
71. Левират // Там же. – С. 368.
72. Община башкирская // Там же. – С.444.
73. Обычай // Там же. – С. 444.
74. Обычное право // Там же. – С. 445.
75. Орнамент башкирский // Там же. – С. 451-452.
76. Руденко С.И. // Там же. – С. 503.
77. Свадьба башкирская // Там же. – С. 521.
78. Система родства // Там же. – С. 528.
79. Ткацкий станок // Там же. – С. 570.
80. Ткачество ручное // Там же. – С. 570.
81. Этнография // Там же – С. 653.
82. Мои встречи с С.И.Руденко // С.И.Руденко и башкиры. –Уфа, 1998. С.26.

Научное редактирование

1. Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1968. – Т.3. – 428 с. (Совм. с Р.Г.Кузеевым, Н.А. Мажитовым).
2. Научная сессия по этногенезу башкир. – Уфа, 1969. – 188 с. (Совм. с Р.Г.Кузеевым, Х.С.Сайрановым, Н.А.Мажитовым, А.Г.Бишевым, С.А.Галиным, А.П.Смирновым).
3. Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1971. – Т.4. 358 с. (Совм. с Р.Г.Кузеевым, Ю.В.Бромлеем, А.Г.Бишевым, Т.А.Жданко, Н.А.Мажитовым, А.П.Смирновым, А.И.Харисовым).
4. Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1973. – Т.5. – 256 с. (Совм. с Р.Г.Кузеевым и Н.А. Мажитовым).
5. Материальная культура башкирского народа. Программа для сбора этнографического материала. – Уфа, 1976. – 82 с.
6. Этнография Башкирии. – Уфа, 1976. – 154 с. (Совм. с Р.Г.Кузеевым).
7. Народное творчество башкир.- Уфа, 1976. – 168 с. (Совм. с Р.Г. Кузеевым).
8. Историко-этнографический атлас Урала и Поволжья: Препр. докл. и сообщ. – Уфа, 1976. – 40 с. (Совм. с Р.Г.Кузеевым).

9. Этническая история народов Урала и Поволжья: Препр. докл. и сообщ. – Уфа, 1976. – 43 с. (Совм. с Р.Г.Кузеевым).
10. Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX в. – М.: Наука, 1979. – 207 с. (Совм. с Р.Г.Кузеевым).
11. Обычай и культурно-бытовые традиции башкир. – Уфа, 1980. – 135 с. (Совм. с Р.Г.Кузеевым).
12. Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978-1979 гг.: Тез. докл. – Уфа, 1980. – 218 с. (Совм. с Р.Г.Кузеевым, В.Н.Басиловым, И.С.Гурвичем, Л.М.Дробижевой, Т.А.Жданко и др.).
13. Вопросы этнической истории Южного Урала. – Уфа, 1982. – 144 с. (Совм. с Р.Г.Кузеевым).
14. Башкирские костюмные традиции и современность. Проспект выставки. – Уфа, 1985.
15. Сергей Иванович Руденко.: Библиографический указатель. К 100-летию со дня рождения. – Уфа, 1986. – 26 с.
16. Башкирская этнонимия / Отв. редактор З.Г.Уракин. – Уфа, 1987. – 201 с.
17. Вопросы ареальной лингвистики и этнографии. – Уфа, 1987. – 138 с. (Совм. с В.Я.Бабенко, Р.Г.Кузеевым, А.М.Решетовым, З.Г.Уракиным).
18. Традиции башкирского народного искусства в современной одежде. – Уфа, 1988. – 104 с. (Совм. с А.М.Дильмухаметовым и С.Н.Шитовой).
19. Октябрьская революция и осуществление ленинской национальной политики в Поволжье и Приуралье (К 70-летию образования БАССР): Тез. докл. – Уфа, 1989.
20. Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах.: Тез. докл. Уфа, 1989. – 234 с. (Совм. с Р.Г.Кузеевым).
21. Сравнительная антропология башкирского народа. – Уфа, 1990. – 138 с. (Совм. с Р.М.Юсуповым).
22. Семейный быт народов СССР. – М., 1990. – 520 с. (Совм. с К.Д.Басаевой, В.Н.Бириним, Т.А.Жданко и др.).
23. Вопросы этнографии городского населения Башкортостана. Уфа, 1992. – 158 с. (Совм. с К.Д.Киекбаевым, М.В.Мурзабулатовым).
24. Этнос и его подразделения. Ч.1: Этнические и этнографические группы. – М., 1992. – 183 с.; Ч.2: Этнические и этнографические группы в Волго-Уральском регионе. – М., 1992. – 171 с. (Совм. с В.Я.Бабенко, С.А. Ковязиным, Р.Г.Кузеевым, В.А.Тишковым).
25. Современные этнические процессы в Башкортостане: состояние, проблемы, перспективы исследования. – Уфа, 1992. – 140 с. (Совм. с В.Я.Бабенко и С.Н.Шитовой).

26. Словарь башкирского языка. Справочное издание. В 2-х томах. – М., 1993. – 1677 с. (Совм. с А.Г.Биишевым, Н.Х.Ишбулатовым, З.К.Ишмухаметовым, Г.Г.Саитбатталовым, З.Г.Ураксиным, Г.Б.Хусаиновым, А.А.Юлдашевым, У.Н.Яруллиной).

27. Муллагулов М.Г. Лесные промыслы башкир. XIX-XX вв. – Уфа, 1994. – 179 с. (Отв.редактор).

28. Шитова С.Н. Башкирская народная одежда. – Уфа, 1995. – 239 с. (Отв. редактор).

29. Башкиры, татары, русские. (Совм. с Р.М.Юсуповым и М.В.Мурзабулатовым). (В печати).

Рецензии

1. [Рецензия на кн. Иванова В.А. У подножия Рифейских гор. Уфа, 1982. – 128 с.] // Ленинец. – 1982. – 8 апреля. (На русск. и башк. яз.).

2. [Рецензия на кн. Кузеева Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. – Уфа, 1978. – 263 с.] // Кызыл тан. – 1979. – 29 марта. (На тат.яз.).

Научно-популярные работы (статьи в газетах и журналах)

1. Галимдәр фекер алышты // Совет Башкортостаны. – 1961. – 18 май.

2. "Инэй" – "эсэй". Тел хикмәттәре // Совет Башкортостаны. – 1966. – 11 март.

3. Слово о свадьбе // Ленинец. – 1966. – 8 окт.

4. Доктор археологии (К.В.Сальников) // Советская Башкирия. – 1966. – 20 марта.

5. Поспешные выводы (Отклики читателей на социологические очерки Н.Аитова) // Советская Башкирия. – 1967. – 25 янв.

6. Платок, подаренный невесткой. О декоративном искусстве башкир // Башкортостан кызы. – 1968. – №1,2. (На башк.яз.).

7. В материальной культуре – история народа // Агидель. – 1969. – №9. – С.116-119. (На башк.яз.).

8. Этнические процессы и вопрос о национальном самосознании // Советская Башкирия. – 1970. – 10 янв.

9. Музей Зыряновых (В Юматово имеется музей реликвий жизни и быта русских, украинцев, башкир, татар и других народов республики) // Вечерняя Уфа. – 1970. – 18 ноября.

10. Поиски, исследования // Агидель. – 1971. – №2. – С.117-120. (Совм. с В.П.Чемерисом). (На башк.яз.).

11. Кәшәнә һаҡланьп калырға тейеш // Совет Башкортостаны. – 1971. – 4 дек.

12. Фән докторы. Р.Г.Кузеев тураһында. // Совет Башкортостаны. – 1971. – 20 май.

13. Күренекле тикшеренеүсе: С.И.Руденконың тыуыуына 90 йыл тулыуга карата // Совет Башкортостаны. – 1975. – 22 март.
14. Об особенностях этнических процессов в Башкирии. Завтра начинается Всесоюзная перепись населения // Советская Башкирия. – 1979. – 16 янв.
15. Халыклар хезмәттәшлеге. Башкортостанның рус дәүләтенә ирекле кушылуына – 425 ел // Кызыл таң. – 1982. – 21 июль. (На таг. яз.).
16. "Кэйпәм" һүзе кайзан килә? // Совет Башкортостаны. – 1983. – 6 февр.
17. Мөхәббәте уның – Башкортостан (С.И.Руденконың тыуыуына 100 йыл // Ағизел. – 1985. – №1. – 125-127 б.
18. Жизнь, отданная науке. К 100 летию со дня рождения С.И.Руденко // Советская Башкирия. – 1985. – 6 февр.
19. Этнокультурные процессы в Башкирии // Блокнот агитатора. – 1989. – №22-23. – С.7-12.
20. Есть повод для раздумий. Проблемы социально-культурного и этнического развития нации // Советская Башкирия. – 1989. – 11 янв.
21. Многоцветье единства // Ваш собеседник. – 1990. – №7. – С. 35-38.
22. Башкиры: историко-этнографический очерк // Ваш собеседник. – 1991. – №2. – С. 42-46.
23. Новый статус старого музея // Вечерняя Уфа. – 1992. – 18 февр.
24. Никахлашты // Башкортостан. – 1993. – 23 гинуар.
25. Туй // Башкортостан. – 1993. – 5 февр.
26. Туй: икенсе һәм өсөнсә көн // Башкортостан. – 1993. – 16 февраль.
27. Сергей Иванович Руденко – ученый-энциклопедист // Истоки. – 1994. – №7. – С. 4-5.
28. Күп яклы ғалим (С.И.Руденконың тыуыуына 110 йыл) // Ағизел. – 1995. – №1. – 84-89 б. (Совм. с И.В.Кучумовым).

*Составители: И.Г.Петров, Г.Е.Резванова,
З.А.Мамаева.*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

I. Взаимосвязь и взаимодействие народов и культур Южного Урала в процессе исторических и современных контактов

Р.Г.Кузеев	Этнология в РБ вчера, сегодня и завтра (к итогам деятельности Отдела народов Урала с Музеем археологии и этнографии в 1991-1995 гг.).....	7
Ф.Ф.Шаяхметов	Распространение оседлости среди полукочевых башкир в XVII – начале XX в.: история эволюции культуры	29
А.С.Халфин	Культура жизнеобеспечения юго-западных башкир	45
Ф.Ш.Абсаликова	Игры и развлечения башкир (историография вопроса).....	53
М.В.Мурзабулатов	Брачно-семейные отношения башкир (историографический обзор)	60
Р.И.Якупов	"Что такое тептяри"? (к вопросу идентификации).....	69
И.В.Кучумов	Этнография русского горнозаводского населения Южного Урала (история изучения).....	88
Е.С.Данилко	Старообрядчество в Башкирии: историография вопроса	93
Т.Г.Миннихметова	Цикличность времени и пространства в традиционных представлениях закамских удмуртов	101
В.В.Латыпова	Поляки в Башкортостане: некоторые аспекты истории и культуры	109

II. Этносоциальные и этнополитические процессы в Башкортостане

Б.Х.Юлдашбаев	К этнотерриториальному и этнодемографическому аспектам проблемы образования Республики Башкортостан	122
М.Д.Киекбаев	Социально-культурная адаптация башкир в условиях современного города.....	130

Г.Ф.Ахметова	Социально-культурный статус башкирской женщины в условиях современного города (к постановке проблемы)	138
Ф.Г.Сафин	Динамика этноязыковой ситуации в Башкортостане (к постановке проблемы государственных языков)	145
Р.Р.Галлямов	Этноязыковая ассимиляция в городах Башкортостана	171
В.Я.Бабенко	Проблемы этнонационального развития украинцев Башкортостана на современном этапе и опыт их решения	186

III. Материальная культура и декоративное искусство народов Башкортостана. Музееведение

Е.Е.Никонорова	Геральдическая композиция в башкирском орнаменте	197
Г.Р.Кутушева	Женские калфаки у башкир и татар Башкортостана (по материалам музейных коллекций)	220
И.Г.Петров	Музей археологии и этнографии: современное состояние и проблемы	229
И.Г.Петров	Комплектование этнографических коллекций в Музее археологии и этнографии: основные направления и перспективы	237
И.В.Фролова	Научно-просветительская деятельность в академических музеях (из опыта работы Музея археологии и этнографии).....	249

IV. Персоналия

Наиль Валеевич Бикбулатов (1931–1996).....	255
Памяти друга – Н.В.Бикбулатова	259
Список основных научных трудов Н.В.Бикбулатова.....	261

Научное издание

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР НАРОДОВ УРАЛА

Редактор: *Л. А. Булгакова*
Технический редактор: *Ф. Г. Гайфуллин*
Компьютерная верстка: *Н. В. Гареева*
Корректор: *А. С. Малаионов*

Лицензия № 0160 от 22 марта 1996 г.
Формат 60x84^{1/16}. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитур «Таймс». Физ. печ. л. 17,0
Усл. печ. л. 15,81. Уч.-изд. л. 16,44

Отпечатано в типографии им. Ф. Э. Дзержинского МВД РБ,
г. Уфа-52, Коммунистическая, 27. Телефон 22-40-72. 1999 г.

Лицензии 0185 на издательскую деятельность.

Б 848074 на полиграфическую деятельность выданы
Министерством печати и массовой информации РБ 12.09.96 г.
Тираж 200x277. Заказ № 964.

Цена свободная

Издательство «Гилем».
450054, г. Уфа, пр. Октября, 71.

